

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

ВОСПОМИНАНИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ- 1951

Тбилиси
2022

В сборник «Воспоминания репрессированных – 1951» вошли документальные свидетельства жертв массового выселения грузин в Казахстан в 1951 году – одни из самых трагических страниц в истории Грузии, которые и сегодня невозможно читать без боли и сострадания.

Авторы мемуаров – непосредственные очевидцы и участники выселения: Барбале (Бабо) Дадияни, Николоз (Кокоша) Чхатараишвили, Кетеван (Чито) Каландадзе, Барам Барамидзе, Гульнази (Гука) Горгиладзе, Вано Варазашвили, Дато Такаишвили.

Сборник впервые был издан на грузинском языке в 2020 году. Составитель и редактор грузинского издания – востоковед, публицист и переводчик Кетеван Томарадзе.

В 2008 году увидел свет «Дневник» Бабо Дадияни. Автор проекта и редактор грузинского текста – публицист и кинодокументалист Нино Хоперия.

На русском языке «Воспоминания репрессированных – 1951» издаются впервые. Переводчик с грузинского – Лили Баазова.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

© **Кэтеван Томарадзе, Лили Баазова,**
Миа Гвиниашвили на текст Бабо Дадияни

© **Русский клуб. 2022**
ISBN 978-9941-8-5035-6

Памяти жертв большевистского режима

ТЕ ДНИ ОКАЯННЫЕ 1951-1955

В трагическую историю репрессий грузинского народа, прошедших в конце 1951 года в Грузии, воспоминания, представленные в этой книге, вносят примечательные дополнения.

Трудно остаться равнодушным к исповедальным рассказам семерых грузин о страшных годах своей ссылки в степях и пустынях Казахстана. Каждое такое воспоминание добавляет свои страницы в «драматургию» жизни нашей, тогда общей, страны и заставляет вспомнить о писателях, прошедших ГУЛАГ, тех, кто позволил нам заглянуть в зияющую бездну, поглотившую миллионы жизней.

Автор «Архипелага ГУЛАГа», Александр Солженицын, отмечает в предисловии, что материалы для своей книги – истории, воспоминания, письма, он получил от 227-и заключенных лаге-

рей. Солженицын с благодарностью приводит имена этих людей и считает их фактически своими соавторами.

В стремительном беге изменчивых времен нередко периоды, когда для общества важнейшее значение обретает наследие отдельных лиц, – их дневники и записи, эскизы и письма, заметки и бытовые детали...

О несвободе человека, о жестокости и полном бесправии повествует высланный с семьей в казахские степи тогда ребенок, а ныне известный ученый, специалист в области космической медицины, академик Гиви Горгиладзе. В своей статье «Репрессированные народы Кавказа», он пишет:

«Настала ночь 25 декабря 1951 года. В три часа в окно постучали: «Кетеван Каландадзе!» – позвали мою мать. Она давно этого ждала, ждала с той минуты, когда у нее, молодой женщины двадцать четырех лет, навсегда увели мужа и объявили женой «врага народа», а нас, детей – детьми «врага народа».

Трагической драмой, обретшей поистине художественное отражение жестокой реальности, выглядит эпизод рассказа Г. Горгиладзе: «Мы поднялись в грузовик. С соседних улиц выезжали такие же грузовые машины, переполненные людьми, и, выстраиваясь в одну длинную колонну, брали курс на железнодорожный вокзал в Навтлуги. Перед глазами мелькали и исчезали знакомые лица. В кузове грузовика, идущего перед нами, я увидел одиноко сидевшую на узле ветоши, по-видимому, слепую старуху: молча вскинув вверх руки, она то ли молилась, то ли кляла творца...»

Воспоминание Г. Горгиладзе стало одним из первых публичных обвинений большевистских властей в беспределе.

В ночь на Рождество 1951 году (по ст. ст. – К.Т.) тысячи безвинных грузин стали жертвами произвола. Осуществление постановления об их высылке как членов семьи политических преступников на «вечное поселение» было поручено вызванным из Ростова карательным частям чекистов. На сборы в незнакомый край семье давалось два часа, после чего ждавшие у подъездов домов или калиток грузовики доставляли людей в Навтлути – сборный пункт железнодорожного вокзала. Отсюда их, уже морально сломленных, гнали в голодные степи Казахстана в вагонах для перевозки скота. Это варварское жертвоприношение во имя так называемой «окончательной победы социализма», привело к появлению на мертвых землях южно-казахских степей небольших грузинских оазисов. Семьи Канчели, Варазшвили, Барамидзе, Дзnelадзе, Джавахишвили, Такаишвили, Горгиладзе, Каландадзе, Чхатараишвили, Дадиани-Масхарашвили и многие-многие лучшие сыны и дочери Грузии, с детьми и дряхлыми стариками, инвалидами и беременными женщинами – фактически с нуля, в первобытных условиях, должны были начинать свою новую жизнь.

Во Второй мировой войне Грузия в процентном отношении потеряла наибольшее количество своих граждан. После войны населению Грузии предстояло справиться с силами, позаботиться о решении демографических и других жизненно важных проблем и укрепить фундамент перенес-

шей войну страны. Но вместо созидания тысячи людей, включая интеллектуальный фонд страны, без предъявления им какого-либо обвинения, оказались в степях Южного Казахстана. Советское руководство считало, что для усиления экономически ослабших республик и превращения СССР в монолитное государство необходимо «идеологическое оздоровление» общества. Поэтому власти пошли испытанным путем насилия и политической разнузданности. Эти позорные, не до конца прочитанные страницы истории нашей страны, порождающие многочисленные толки и интерпретации, все еще ждут своего объективного исследователя.

Среди грузин, высланных в 1951 году были бывшие военнопленные, участники партизанского движения и сопротивления. Жертвами репрессий стали и те, кто уже прошел в 30-е годы ГУЛАГ и с лихвой искупил вину, если таковая и была. Более того, репрессиям подверглись и те семьи, чьи дальние родственники уехали за границу после советизации Грузии, и их следы давно затерялись. Немалая часть сосланных в Казахстан в 1951 году стала также жертвой борьбы внутрипартийных и властных структур.

Монография полковника запаса Гелы Суладзе «Грузинская антисоветская эмиграция и спецслужбы» представляется нам одной из удачных попыток показать в широком объеме деятельность грузинской эмиграции против Советов и ее предупредительные меры по отношению к ожидаемым со стороны советских властей диверсиям. Документы, представленные в 11-й главе работы Г. Суладзе, открывают многие тайны произвола 1951 года

в отношении грузинского населения. Анализируя события конца «великой эпохи», Г. Суладзе, в поисках инициаторов геноцида грузинского народа, знакомит общество с письмом тогдашнего руководителя Грузии Кандида Чарквиани И. Сталину. В письме отмечено, что спецвыселению из Грузии подверглась 2 581 семья в количестве 11 458 человек. Г. Суладзе публикует документ, свидетельствующий о том, что в контексте борьбы кремлевских группировок за власть, после смерти Сталина постановление ЦК и Совмина СССР «О выселении с территории Грузии вражеских элементов» было упразднено как неправильное и необоснованное. Исходя из этого, было принято другое постановление – о водворении всех незаконно высланных граждан на места их прежнего проживания и возвращении реальным владельцам изъятого у них имущества.

В материалах «чистки», проведенной советской властью, фигурируют имена И. Сталина, Л. Берии, Н. Хрущева, Н. Рухадзе, А. Рапавы, В. Шония, да и других «вождей» помельче. В контексте репрессий отмечается и так называемое «мингрельское дело», которое и по сей день остается окутанным туманом. Имена крупных должностных лиц, проявивших преступное равнодушие к судьбам людей, с готовностью исполнявших эти дикие постановления, упоминаются и в воспоминаниях авторов сборника.

Живой интерес нашего общества продолжает вызывать хроника событий, связанная с вторжением большевиков в Грузию, и побег грузинской аристократии на чужбину. Об этих событиях во

времена советского режима говорилось лишь в крайне узком кругу, да и то втихомолку. И, конечно же, никто б и думать не посмел тогда о публикации материалов на эту тему, а выходившие изредка, под покровом секретности, диссидентские журналы или газеты, давали весьма скудную пищу для таких размышлений.

Но возникает вопрос: могла ли грузинская эмиграция действительно представлять реальную опасность для советской власти? На этот вопрос отвечает Александр Цомае (1907-1956), политический деятель, «жадно припавший к национальной чаше» друг Спиридона Кедия, лидера грузинского национально-демократического движения на чужбине. В своей статье «Сегодняшний вопрос» А. Цомае, денно и нощно размышлявший о судьбах Грузии, пишет:

«Вряд ли встретишь грузина, тем более в эмиграции, не имеющего своего собственного плана освобождения Грузии! И не в этом ли заключается наша беда, что всякий, кому не лень, берется сочинять свои собственные планы, которые мешают осуществлению обдуманых, разумных действий!.. К несчастью, безнадежность сделала нас заложниками таких условий, когда мысли грузина только тем и заняты, что думами о родине. Поэтому – вольно или невольно, сознательно или бессознательно – все мы думаем о нашей многострадальной стране, и, если во имя ее спасения нам придется – ибо не стоит ждать чуда – взывать к помощи реальных сил, то, несомненно, грузинская эмиграция будет числиться одной из них. И в то же время вряд ли можно считать ее важной спасительной силой для

Грузии, хотя в поисках этой силы именно ей, эмиграции, отводится главная роль! Возможно, в этом и состоит ее истинное назначение...»

Репрессии советской системы многократно испытала на себе когда-то богатейшая дочь предводителя грузинского дворянства Нико Дадиани, супруга успешного грузинского «марганцевого» промышленника, прекрасная и мудрая Бабо Дадиани. Она долго держала в тайне от детей и внуков свое бесценное духовное достояние – «Дневник воспоминаний», в котором впечатляюще отразились события ее трагической жизни. Бабо Дадиани писала воспоминания для членов своей семьи, но после ее кончины «Дневник», по настоянию ее дочери, Татули Масхарашвили, был опубликован. Отныне всякий может прочесть его.

Воспоминания Бабо Дадиани о событиях в Грузии в 20-30-е годы двадцатого столетия, а также репрессиях 1951 года, вызвали взволнованный отклик самых широких кругов грузинского общества. В то же время нельзя не проникнуться чувством огромного уважения и восхищения характером этой грузинской женщины, ее личностными качествами, проявленными в самые зловещие периоды недавней истории нашей страны.

В представленном сборнике читатель впервые знакомится и с воспоминаниями известного инженера, профессора Николоза (Кокоши) Чхатараишвили «Рассказ одного человека», публикации которых автору так и не довелось увидеть при своей жизни. И тем не менее великолепные художественные достоинства его мемуаров ярко свидетельствуют о разносторонних талантах и несомненной писатель-

ской одаренности этого человека, поставивших его в ряд блестящих мемуаристов.

«Рассказ одного человека» – это множество самых разных, образов и фактов, в частности, из жизни Батуми тридцатых годов, откуда цепь событий плавно переходит в сороковые годы той же эпохи. Словно живой, предстает перед читателем образ командира красных кавалеристов Дмитрия Жлобы, которого отец Кокоши, Евтихий Чхатараишвили, в то время управляющий банком, пригласил в гости домой. В тот вечер участниками грузинского застолья в Батуми были Григол Лагидзе, Мемед-бег Абашидзе, Какола Бараташвили, Нестор Беридзе, Кохта Магалашвили, Пармен Сабашвили и другие видные представители батумской интеллигенции. Чхатараишвили с огорчением отмечает, что он был тогда слишком мал, поэтому волнения сидевших за столом, их беспокойство за судьбы родины, их споры и общий возвышенный настрой были непонятны для его ребячьего ума...

Мемуары напоминают: этим блестящим сынам родины не удалось избежать репрессий, несмотря на свои дипломатические усилия и соглашательскую политику по отношению к большевикам. Почти все отцовские друзья, о которых упоминает Чхатараишвили в «Рассказе одного человека», были расстреляны в 37-м, как и его отец. Они были заведомо обречены, ибо в поисках смысла эти замечательные люди сталкивались с «ненормой». Отец Николоза Чхатараишвили остался на родине и решил нести свой тяжелый крест до вершин Голгофы. Парфен Готуа, известный в те времена писатель и педагог, восхищенный его смелым решением, сказал ему: «Молодец, Евтихий, другого я и не ждал от тебя!» В таком же духе Парфен

воспитал и своего сына, писателя Левана Готуа: непримиримый противник большевистского режима, автор известного романа-трилогии «Удел героев», проведет многие годы в Соловецком и Воркутинском лагерях...

Среди имен отцовских друзей, о которых вспоминает Н. Чхатараишвили, звучит имя Григола Лагидзе. Брат известного технолога и благотворителя Митрофана Лагидзе незаслуженно забыт наряду со многими другими жертвами 1937 года. Но и этот образованнейший юрист и опытный общественный деятель, рядом с которым за столом в доме Евтихия восседали его блестящие сподвижники, не почувствовал смертельной опасности... Троих осиротевших детей, Тамаза, Хатуну и Тамуну Лагидзе, как родных, приняли в свои семьи дядя, Митрофан, и близкий родственник семьи, известный кинодокументалист Василий Амашукели. Они поставили детей на ноги: Тамаз Лагидзе успешно продолжил дело своего дяди Митрофана, а Хатуна и Тамуна учились на врачей...

Спустя многие годы, Николоза Чхатараишвили, уже известного специалиста-инженера, закинут в казахские пустыни, где главной достопримечательностью «победившего социализма» станут канал и высыхающие арыки. Там – другая жизнь, другие проблемы и другие встречи. Некоторые из них поистине удивительны: ибо чем, как, пожалуй, не волею Всевышнего, можно объяснить столь неожиданную встречу нашего героя в Ташкенте с руководителем советской Грузии Кандидом Чарквиани?

«Не знаю, почувствовал ли Чарквиани неловкость или осознал эту иронию судьбы, – пишет Н.

Чхатарайшвили, – но сказал одно: все тогда произошло помимо моей воли. Я только и смог, что спасти от ссылки Эквтиме Такаишвили».

Уже один этот эпизод показывает читателю полное видовое несходство внутренне свободного, отмеченного печатью ума и добра, светлого человека Николоза Чхатарайшвили с вознесшимся на орбиту высокой карьеры чиновником, бывшим в то же время и ее заложником...

А вот и эпизод от Барама Барамидзе: на Навтлутском вокзале неожиданно появляются самые важные люди страны – министр госбезопасности Рухадзе и его заместитель Гоглидзе. И снова стынет кровь, и в который раз читателя охватывает гнев: двое сытно отобедавших, одетых в теплый каракуль, мужчин, выходят из машины, чтобы бросить в топку массовых мучений еще одного преступника – сбежавшего 8-9-летнего мальчика. Но его поймали! И закинули в вагон к ошеломленному отцу! Давай, дурачок, езжай в Казахстан!..

Отвратительны в своей нереальной жестокости и абсурдности «выполненного долга» картины – на носилках тащат рожениц, вот-вот готовых родить, и немощных стариков, и бросают их в вагоны для перевозки скота. Разумеется, многие погибли в пути...

Сокращенные воспоминания известного педиатра Кетеван (Чито) Каландадзе и ее анализ событий не только обогатил сборник важной информацией, но и показал разноликие оттенки сущности происшедших событий. Воспоминания Кетеван Каландадзе, подготовленные журналисткой Майей Тунгия, были напечатаны в газете «Ахалгазрда ивериели» («Молодой ивериец»). В нашем сборнике эти воспоминания

представлены в своем первоначальном виде.

Известный представитель грузинской медицины, Кетеван Каландадзе прошла все кровавые ступени лестницы, ведущей вниз. В 1938-м расстреляли ее мужа, а через 13 лет, в 1951 году, ее с двумя малыми детьми выслали в казахскую пустыню как «спецпереселенку». Ибо, хотя и шли годы, но ее не забыли, и пришла та рождественская ночь, когда женщине отомстили за то, что давным-давно уехавший за границу ее брат, Шалва Каландадзе, не вернулся на родину. Кетеван было в то время двенадцать лет, и долгое время семья о нем ничего не знала.

Известно, что в казахской ссылке врач Каландадзе в тяжелейших условиях спасла от смерти многих детей. Она до самых преклонных лет неутомимо, в поисках тайны каждого заболевания на клеточном уровне, служила своему делу. Сказано о таких: «рожденный быть врачом!»

Воспоминания репрессированных, несомненно, обогащаются ценными наблюдениями и яркими зарисовками различных эпизодов ссылке жизни детей спецпоселенцев – Гульнази Горделадзе, Ваню Варазшвили и Давида Такаишвили.

Под «красные колеса» репрессий 1951 года попала и семья Михаила Варазшвили, когда всех их – мать, брата, сына и жену Маргалиту Цкитишвили – выслали в Казахстан. Молодых супругов, мечтавших о претворении в жизнь своих полезных научных идей на благо семьи и страны, оторвали от любимого дела и угнали на чужбину в голодные безлюдные степи. Почему? Да все потому: когда-то в двадцатые годы минувшего века, отцу Михаила, крупному промышленнику и благотворителю Ваню Варазшвили, поручили строитель-

ство железной дороги в Иране. Но на родине начались репрессии, и он, опасаясь за свою жизнь, остался на чужбине. Он надеялся, что сможет вывезти семью за границу, но его план не удался. Прошло три десятка лет, но семью Варазашвили не забыли, выслали в Казахстан, в южных степях которого она провела почти четыре года. Они вернулись на родину, но в душе каждого долго кровил неизлечимый рубец...

Дато Такаишвили было восемь месяцев от роду, когда выслали его семью. Ребенок до трех лет своей детской жизни никогда не видел крана с текущей водой, не знал, что люди живут в многоэтажных домах в нормальных человеческих условиях, едят вкусную и здоровую пищу. И хотя он тогда был совсем мальцом, тем не менее в его памяти навсегда остались неясные воспоминания, отдававшие горечью...

Строки воспоминаний, написанные слезами «спецпоселенцев», рождают в читателе глубокое сочувствие к тем, кто шел на свою Голгофу. Для меня как редактора, работа над сборником обернулась крайне тяжелым испытанием в психологическом плане: вживаясь в тексты, ты пропускаешь их сквозь собственную душу, и тогда душа не просто плачет – тебя охватывает чувство полного единения с жертвами репрессий и ненависти к любому произволу и насилию. Но, к счастью, годы не властны над обаянием авторов, их человеческих достоинств, – ведь все они, наши герои, страница за страницей, утверждают неоспоримое превосходство Добра и Любви. Это помогло мне связать их рассказы в единую трагическую повесть, во всеуслышание оповещающую о преступлениях, свершенных советским режимом.

Кетеван Томарадзе

БАБО ДАДИАНИ

24.09.1903 – родилась в селе Бандза в семье предводителя дворянства Николоза (Коки) Дадиани.

1920 – окончила Институт благородных девиц св. Нины.

1921 – вышла замуж за совладельца чиатурских марганцевых рудников Александра (Алешу) Масхарашвили.

1924 – Александр Масхарашвили арестован и выслан.

1932 – Бабо с детьми выслана в Саратов.

1937 – вторично арестован, а в 1938-м году расстрелян Александр Масхарашвили.

1951-1954 – Бабо с детьми находилась в ссылке в Казахстане.

1955 – начала работать в Институте рукописей Академии наук Грузии.

Барбале Дадиани скончалась в Тбилиси 19 октября 1999 г.

Похоронена в Тбилиси на Верийском кладбище.

ДНЕВНИК ВОСПОМИНАНИЙ

Живые и яркие, эти воспоминания теснятся в моей душе, не отпуская меня, да мне и не хочется расставаться с ними. Я слышу шум ушедших времен, голоса родных и близких, и многих моих друзей, стоявших рядом, даривших мне надежду и тепло в самые тяжелые дни. Но пришла пора поведать о своей жизни, полной трагических и счастливых событий, согретой великой любовью к самому прекрасному для меня человеку на свете, ставшему моим мужем. Ведь даже мои дети, испившие со мной всю горечь тех лет, – и они многого не знают о моем детстве и юности. Я чувствую неодолимое желание рассказать о своей жизни и надеюсь, что повесть о ней прочтут и дети, и внуки...

Детство – это городок Бандза, дед Георгий Шарвашидзе, жизнь в Тбилиси, переживания и мечты юности... Но время летит, и я поступаю в Институт благородных девиц... А попасть туда было очень непросто. Меня приняли стараниями Бабо, дочери Михаила Шарвашидзе, баронессы Мейендорф, приходившейся сестрой моей бабушке Тamar. В сохранившемся у меня письме Бабо пишет ей: «Поверь, было очень трудно устроить Бабусю (так меня звали в детстве), но появилась возможность замолвить за нее слово при дворе...»

...В институте был свой распорядок жизни и учебы. У нас были удобные кровати, белоснежные простыни, ночные рубашки, по два полотенца, пелерины, передники, банты, и вся эта красота менялась дважды в неделю. Широкий бант завязывался в красивый узел, воло-

сы были затянуты без пробора и схвачены черной бархатной лентой шириной в два пальца...

По утрам нас будил звонок, мы вставали, убирали свои постели и шли умываться. Сначала мылись до пояса ледяной водой из-под крана, потом – теплой водой. За всеми процедурами следила наша дежурная классная дама; мы одевались, выстраивались по росту парами и отправлялись в большой зал читать утреннюю молитву. Начинались занятия – по шесть уроков в день и с большой переменой в сорок минут. За это время мы успевали погулять в нашем саду, сыграть в теннис или в другую игру. Нашим иностранным языком был французский, и к классной даме мы обращались только по-французски. Мы также посещали уроки пения и танцев, для которых у нас имелась специальная одежда. В каждой комнате на первом этаже стоял рояль, а уроки музыки нам преподавали лучшие учителя. Вечером начиналась все та же процедура, – умывание холодной водой, а потом теплой. И вот приходит время ночного сна – никаких разговоров, извольте спать! Свет гасила классная дама, и пока мы не засыпали, она неслышно ходила между кроватями. Наши классные дамы жили в том же помещении, где у каждой была удобная отдельная комната.

В субботу и воскресенье мы ходили в церковь. Священник был русский, служба и молитвы велись по-русски, и хор пел по-русски, хористками же были ученицы нашего института. Регентом хора была Маруся Вачнадзе, она была необыкновенно хороша собой, и ее фотографии красовались на наших тетрадках. Под одним снимком, где она сидела ровно и прямо, стояла надпись: «Как нужно сидеть!» На другом снимке Маруся Вачнадзе сидела ссутулившись, и надпись под ним гласила: «Как не следует сидеть!»

В царской России, когда барышня оканчивала подобное закрытое учебное заведение, ее еще на один год оставляли для прохождения педагогической практики. После Маруси Вачнадзе хором руководила Мелехан Лордкипанидзе, после нее – будущая супруга Платона Лежава, мать известного художника Зураба Лежава. Маруся же от-

правилась в эмиграцию, вышла замуж за итальянского летчика и стала известной в Европе певицей.

...Однажды в институте начались спешные приготовления: к нам с визитом должен был пожаловать сам император Николай II. Нас нарядили в новые форменные платья цвета темной сирени, и этот цвет изумительно сочетался с белым фартуком. В день визита императора мы выстроились парами по обе стороны лестницы. И вот он появляется, – в серой чохе с висящей сбоку изящной саблей. Пока он поднимается по лестнице, мы приседаем в глубоком реверансе, после чего с лебединой плавностью «плывем» за сопровождающими его гостями. Все направились в большой зал и хор грянул величальную во славу императора. Затем воспитанница Мищенко – ее дядя был известный генерал, – вышла в середину зала и произнесла приветственное слово, после нее с приветствием выступила воспитанница Цицишвили, и хор снова спел. После этих церемоний император пожелал посетить заведение св. Нины, расположенное напротив нашего здания. Пока он спускался по лестнице, мы с Нино Чикваидзе, ученицей старшего класса, последовали за императором и вышли на улицу. И надо же было случиться: неожиданно мы оказались от него в такой близости, что даже дерзнули дотронуться до его папахи и незаметно выдернуть из нее на память по шерстинке. Но он заметил проделку, засмеялся и неожиданно дал нам подержать свою папаху. Растерявшись на мгновение, мы все же успели выдернуть из нее побольше шерстинок. Они потом долго хранились у нас, и когда мы об этом рассказывали, никто нам не верил, но мы приводили друг друга в свидетели.

Визит императора Николая был отмечен роскошным завтраком, а затем еще более торжественным обедом. После этого нам, каждой из учениц, подарили по огромной бонбоньерке, доставленной из кондитерской Лота, считавшейся лучшей в Тбилиси, и следующие четыре дня объявили выходными...

В первый год моего пребывания в институте я подружилась с Эличкой Амилахвари и Асей Талышинской... Посетители, подар-

ки, приезд моей бабушки в институт – вот вижу ее в окне и сияю от радости...

Прошли годы моей учебы в институте (1915-1918), за это время у меня появились новые друзья. Я вернулась в Бандзу, погостила у сестры отца, тети Сони, потом гостевала в Кутаиси, пару недель провела в Сенаки... Было весело, мы увлекались поэзией, появились разные интересы. В нашем кругу молодых и благополучных бывали Акакий Хорава, Джуба Гвамичава... Чудесные, незабываемые времена. Но в это время умерла Гука, мать моей кормилицы, и я впервые надела черное платье...

Вскоре состоялся мой выход в свет – это было в Тбилиси на свадьбе Элуси Абашидзе-Мамулашвили.

Родня у меня была многочисленная – тетушки, дядюшки, близкие и дальние, и где бы я ни находилась, я всегда чувствовала их заботу и внимание.

И вдруг в Гори произошло землетрясение – везут раненых, идут посетители...

А после я снова в Бандзе, где в нашей семье в эти дни случилось большое горе: двадцатилетний сын бабушки Тамар и деда Кити, Джвебе Пагава, был смертельно ранен случайной пулей. Его гибель стала огромной трагедией для нашей семьи. Я осталась в Бандзе с дедом Кити, с бабушкой Тамар и ходила с ней на кладбище...

Спустя какое-то время муж моей кормилицы Мосе повез меня на арбе в Цирквали к маме Мери и отцу Коки. До сих пор помню, как меня ошеломила сказочная красота природы Шорапани, и это волшебство тогдашнего впечатления поныне отзывается в моей душе...

В 1918-м году мы жили в Кутаиси в одном доме с Джибо Яшвили, отцом поэта Паоло Яшвили. Поэтические вечера стали уже заметной приметой нашего быта. Паоло даже посвятил моей сестре Мийе (при крещении ей дали имя Кетеван) чудесное стихотворение...

А потом я уехала в Тбилиси, где в 19-20-е годы жила в родительском доме на улице Ртищева, 18. У нас была роскошная квартира из четырнадцати комнат. И снова зашумел сезон многолюдных при-

емов и гостей, – то мы к ним, то они к нам, по четвергам – у Меликишвили и Орбелиани, по субботам – у меня.

Я с детства была связана с семьей Георгия Шарвашидзе; его сестра Тамар была матерью моего отца Коки Дадиани, моей бабушкой. После рождения мне взяли кормилицу. По нашему обычаю, появление в семье кормилицы означало, что между семьями завязываются тесные родственные отношения, их связывает взаимная любовь и самоотверженная преданность – об этом много сказано и написано. Моя мать скончалась, когда мне было два года, после этого меня растила бабушка Тамар. Все зимние месяцы дошкольного возраста я жила в Сухуми, в доме Георгия Шарвашидзе, на котором крупными буквами было начертано на латыни: VILLA CHEMEI.

На этой вилле я долгое время жила в атмосфере любви и забот. Георгий Шарвашидзе и в летние месяцы не оставлял меня с бабушкой в Мингрелии, стараясь, чтобы я «меняла воздух», – в архиве даже хранится письмо, где он об этом пишет своей сестре Тамар.

Теперь я позволю себе немного прервать последовательность повествования. Вырастившая меня бабушка Тамар скончалась 30 декабря 1926 года, когда ей было за девяносто пять. В последние годы жизни она жила вместе с моей семьей на Кобийской улице (ныне Тархнишвили). Поэтому весь принадлежавший ей архив с рукописями ее брата Георгия Шарвашидзе, множество личных писем, документов и фотографий остались у меня. Знавший об этом академик Симон Джанашиа посетил меня однажды со своей супругой Мартой и попросил дать ему материалы, связанные с жизнью и деятельностью моего деда. Я, разумеется, с радостью выполнила его просьбу. В то же время мы вместе с профессором Давидом Пурцеладзе нашли интересную статью деда, опубликованную в 1911 г. в № 146 газеты «Закавказская речь». Дед обвинил какого-то немецкого журналиста в ложных сведениях о Грузии, которые он, во время своего пребывания в нашей стране, напечатал в указанной газете. К сожалению, поместить эту статью в сборник мы не успели – он уже печатался. Но статья была бы полезна нынешней молодежи в качестве примера,

как надо защищать свое отечество!..

А теперь предлагаю вашему вниманию случай другого жанра, также характеризующий личность деда. Однажды, находясь в Монте-Карло, Георгий Шарвашидзе зашел в казино, где некий иностранец, кажется, немец, только что сорвал целый миллион и вызывающе предложил присутствующим сыграть на весь его выигрыш. Воз царилось глухое молчание, никто из сидевших за столом не решился на риск. Неожиданно предложение немца принял грузинский князь Георгий Шарвашидзе. Видимо, усомнившись в финансовых возможностях неизвестного ему игрока, немец с долей пренебрежения предложил ему выложить деньги на стол. Задетый его некорректным поведением, дед Георгий положил на стол свою визитную карточку, после чего выиграл всю сумму под изумленные взгляды игроков. Но присутствующие были вконец ошеломлены, когда Георгий Шарвашидзе, подозревая прислуживавшего в казино мальчика, молча, рукой велел ему забрать себе выигрыш и преспокойно вышел из казино...

В 1973 году во втором январском номере газеты «Самшобло» («Родина») появилась статья «Из записной книжки журналиста», в которой описана вся эта история. Автор статьи Ладо Бахтрионели, который ездил по Франции в поисках журналистских материалов, смог подтвердить этот факт, исходя из свидетельства архивариуса упомянутого казино, за что я его сердечно благодарю. Но не в обиду ему, позволю себе заметить: в каком бы, пусть даже в самом высоком, европейском обществе ни находился князь Георгий Шарвашидзе, невозможно представить его производящим впечатление неумящего человека. Его врожденный аристократизм и элегантность, умение безупречно одеваться, изысканные манеры вызывали открытое восхищение общества не только на родине, но и за границей. Я уже не говорю о его привлекательной внешности. Известно, что Михаил Зичи, работая над живыми сценами к «Витязю в тигровой шкуре», решительно заявил: «Если великолепный Георгий Шарвашидзе не примет участия в постановке сцен, я отказываюсь продолжать рабо-

ту»... Общеизвестно, что Шарвашидзе никогда не испытывал материальных нужд, да и весь вид полностью соответствовал общественному положению.

Однако продолжу прерванный рассказ о моей жизни и перейду к последующим событиям.

СВАДЬБА

7 января (по ст. ст.) 1921 г. я вышла замуж за Алешу Масхарашвили, совладельца марганцевых рудников в грузинском городе Чиатура, получившим образование в Оксфорде по специальности инженера-горняка. Об Алеше и нашей великой любви я постоянно буду говорить в дневнике своих воспоминаний, а пока лишь отмечу, что мое замужество стало большим событием в жизни всей моей семьи.

Я уже говорила, что жила в это время в родительском доме на Ртищевской (ныне ул. Джапаридзе), где нам принадлежал весь верхний этаж.

Помню мельчайшие подробности подготовительной суеты нашей с Алешей свадебной эпопеи. Мое свадебное платье было отделано настоящими брюссельскими кружевами, купленными в семье Александра Чавчавадзе. Платье сшила известная мастерица-француженка мадемуазель Фани, а прическу мне сделал мастер Лева, приглашенный из салона Грегуара. Длинный, в пол, шлейф фаты несли мои младшие братья Георгий и Свимон, а мой старший брат, ходивший тогда в юнкерах, надел на меня белые атласные туфельки – таков был наш тогдашний обычай: туфельки невесте надевал ее старший брат. Шаферами на свадьбе были Мери Прокофьевна Шарвашидзе-Эристави и генерал Володя Цулукидзе. Наше венчание с Алешей состоялось в Сионском соборе, где собралось столько народу, что, как говорится, яблоку негде было упасть. Двенадцать мальчиков, одетые в чохи, застыли в ожидании начала церемонии венчания. В руке у каждого из них, вместо привычного букета, восхитительно голубела роза. Потом говорили, что это произвело на публику неизгладимое впечатление, тем более что розы покрасил

сам Михаил Мамулашвили. Я успела заметить Мераба Вачнадзе, супруга Нато Вачнадзе, Мераба Джорджадзе, брата матери режиссера Мераба Кокочашвили, Левана Геловани, Ясона Джандиери, Алика Орбелиани, сына Лизы Тамаза Орбелиани, Диму Шарвашидзе, Папуну Церетели, Нино Элиашвили, Римму Эристави, Нино Квиташвили, Инуку Меликишвили, Тико Чавчавадзе, Нино Грузинскую, Марусю Орбелиани и многих других наших близких...

Из Сиони мы вернулись в квартиру моих родителей, где все было готово к нашему приему, – по обе стороны лестницы застыли встречавшие нас витязи со скрещенными саблями, у наших ног разбили «на счастье» тарелку... Столы, накрытые в четырех больших комнатах, ломились от живописных яств, ослепляли блеском роскошной посуды... За первой комнатой шла гостиная, а дальше, в двух других комнатах, были накрыты столы для шампанского и специально заказанных сладостей. Устройством этого сказочного великолепия руководила тетушка Женя Цулукидзе (в девичестве Джакели), супруга моего шафера Володи Цулукидзе. Насладившись до утомления этой сияющей «столовой красотой», мы поехали в дом моего супруга на Орбелиановской улице. Здесь, в большом зале, нас ждал ужин на более чем двести гостей. Торжеством руководил наш тамада, Шалва Алекси-Месхишвили, первый министр юстиции независимой демократической Грузии. Было много иностранных гостей – французы, итальянцы, англичане, до самого рассвета звучали песни, гремели танцы, а щедрые руки все несли и несли подарки. Но это уже отдельный разговор, ибо кто сочтет, сколько саксонского фарфора, хрустальных ваз и конфетниц, сколько серебра было положено к нашим ногам!.. Вот! И еще, и еще!.. Любуйтесь и будьте счастливы! – напоминал молодоженам каждый роскошный дар. Акакий Хоштария, известный промышленник и благотворитель, преподнес нам преогромный, покрывавший всю большую комнату дорогой персидский ковер, один из уголков которого был помечен звездочкой. Но, забегаая вперед, должна сказать, что в годы репрессий я случайно увидела этот дивный ковер в одном из солидных тбилисских учреж-

дений...

Убранство нашей квартиры Алеша поручил Володе Алибегову и Саше Ардишвили. Это была большая квартира, на второй половине которой жил друг Алеша Гриша Беридзе. Наша половина состояла из спальни, где стояла кровать из красного дерева; вторую комнату отвели под гостиную – диван, два кресла, красивый круглый стол и еще один стол другой формы, изящные стулья, купленные нами у Меликовых, столовая же была общей с Гришей Беридзе. Нашими помощниками по дому были молодой привратник Георгий, всегда в чохе, и горничная Паша. Спустя немного времени, Паша и Георгий обвенчались, мы с Алешей устроили им свадьбу, на которую я пригласила и своих друзей.

Нижний этаж квартиры занимала просторная кухня, для которой мы выписали из Англии изумительной красоты кухонную посуду высшего качества. Наш повар так обставил кухню, что мне не хотелось выходить оттуда.

* * *

Мы с Алешей были настолько одурманены нашим счастьем, что были убеждены: другого подобного немислимого блаженства на свете не существует!.. Но мы заблуждались – счастье оказалось коротким. Ровно через один месяц, 25 февраля 1921 года, мы все бежали в Батуми, чтобы успеть добраться до парохода и попасть за границу. И вот оно случилось, первое испытание – пришлось бросить все: родину, богато обставленную квартиру, нераскрытые ящики со свадебными подарками, которые Алеша выписал для меня из Парижа, чемодан с парижскими рубашками Алеша из Лондона, мои платья в шкафу, сработанные французской мастерицей... Потом в них щеголяла жена «большого коммуниста», чекиста Шалвы Элиава – они тут же вселились в наш дом. В тот же день потеряли свое имущество и мои бежавшие из родного дома родители. Поспешно оставив дом на Ртицевской, они пешком отправились на вокзал.

Возле дворца, мимо которого они должны были пройти, стояла машина, забитая чемоданами. Сидевший в ней человек был похож на торговца. Мой брат Бучу попросил его подвезти маму Мери с тремя детьми до вокзала, но тот отказался. Бучу вскипел, схватился за оружие... На счастье показался Паоло Яшвили, знакомый этого человека. Маму Мери, Мию, Георгия и Симонику посадили в машину, и они доехали до вокзала, где их ждал наш отец Коки.

* * *

В Батуми мы пробыли две недели. Стояли весенние дни, на улицах женщины продавали розы. Помнится, я как-то проезжала мимо, и вдруг одна из них бросила мне в пролетку роскошный букет. Я остановила пролетку и вышла, чтобы поблагодарить и заплатить за розы, но они не взяли денег: «Нам не надо денег. Вы такая красивая, что нам хочется одарить вас розами!» Неловко писать о себе такое, но... мне было девятнадцать лет, я была хороша собой, прекрасно одета и счастлива с Алешей...

Вскоре мы сели на корабль, – каждый спешил попасть на тот корабль, на который успевал. Мой брат Бондо был в это время в армии вместе с Мушни Дадиани. Мы с волнением его ждали, но он так и не появился, не отправился с нами на чужбину, и предпочел остаться в Грузии...

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

И вот мы плывем на великолепном корабле, вокруг много грузин, море спокойно, стоят по-весеннему ласковые дни. Наш корабль вот-вот войдет в узкий пролив, и я обеспокоена: как же он уместится в нем? К моему удивлению, огромный корабль плавно прошел через этот проход. Но предстоял еще один узкий пролив, и корабль так же спокойно прошел и его, а зрелище было – глаз не отвести. Он был так прекрасен, этот Босфор!.. Еще немного – и мы подходим к

Константинополю – огромный город внезапно вырос перед нами...

Мы с Алешей поехали в лучшую гостиницу, «Peru-Palace», что на центральном проспекте, и поселились в люксе. Я была молода и легко восхищалась окружавшей меня красотой.

Мои родители с детьми, – Мия, Миша (Буча), Георгий, Симоника – остановились в другой гостинице. Все наши родственники, друзья и знакомые устроились в разных гостиницах, а кто и в частном доме. «Peru-Palace» действительно оказался гостиницей самого высокого уровня, а персонал ресторана, казалось, был подобран по росту и внешней привлекательности – все во фраках, статные, в белых перчатках, вежливые, похожие на наших грузин...

Сию я как-то в салоне гостиницы в бежевом костюме, сшитом в английском стиле, в коричневой шляпке, с кольцами в ушах и вуалью на лице. Прохожие на улице видели меня сквозь большое зеркальное стекло салона. Вот прошла группа офицеров – кто из Петербурга, а кто из Тбилиси. Они заметили меня, а я увидела среди них кузена моего отца, Луарсаба Дадиани. Дядя Луарсаб был большой весельчак, всегда готовый пошутить. Оказывается, один из офицеров показал ему на меня и говорит: «Смотри, какая красивая дама сидит за стеклом!» Увидев меня, мой дядя-шутник не растерялся: «Спорим на хороший ужин в этом же ресторане, я обниму и поцелую эту красавицу». Офицеры расхохотались: «Вот ты и проиграл свой ужин!» Луарсаб решительно сказал: «Ну так смотрите!» Он вошел в салон и, подойдя ко мне, успел шепнуть: «Ради бога, не заговаривай со мной, потом объясню!» Я смолчала, хотя и удивилась, а он присел на подлокотник моего кресла, обнял меня и поцеловал. «Погляди на моих друзей! Я поспорил с ними и выиграл ужин, они ведь не знают, что ты моя племянница!..»

* * *

Утренний завтрак подавали в номер. Я звонила в ресторан, ладке приносил завтрак, но в номер не входил – подавала горничная. Но чаще мы с Алешей спускались к завтраку в ресторан. Дни шли за днями, и все вроде складывалось, но что-то на душе было не так, тоска грызла: что там, в Грузии? Как они там, наши родные и близкие?.. Алеша с утра уходил в контору, принадлежавшую Акакию Хоштария и Грише Беридзе, ведь он был членом этого общества как представитель огромной английской фирмы «Космо» и обладатель огромного состояния, марганцевый промышленник. То был действительно неисчерпаемый рудник: деньги шли, как снег с неба.

У нас была машина «Опель». Когда-то в Тифлисе (как называли Тбилиси в Российской империи) она принадлежала наместнику царя на Кавказе и в Закавказье Воронцову, в Константинополь же ее привезли по заказу Гриши Беридзе и Алеши. Я упростила мужа взять водителем Жоржа Северского, отец которого был известным певцом в Петербурге. Николай Агнивцев посвятил ему эти строчки:

Н.Г. Северскому. До Невского несется «BIS»

Когда там с Вяльцевой в «Элен» играет Северский – Парис.

Я была хорошо знакома с Северским-старшим, в то время он уже был в преклонных годах, а сын его, Жорж, мой ровесник, был другом нашей компании. В Константинополе отец с сыном бедствовали, хотя Жорж по профессии был пилотом первой категории. Спустя время он уехал в Европу, где изобрел что-то важное в области авиации, и стал известен в Европе и в Америке... А пока мы жили в Константинополе, где машина, отвозившая Алешу на работу, возвращалась ко мне и до самого вечера, пока Алеша работал, была в моем распоряжении. Мы все – Тамар Шарвашидзе-Зарникаус, сестра Мери Шарвашидзе, иногда тетя Мери и дети – Тамара и Котик Зарникаусы, Оля Сванишвили, мой брат Симоника, Римма Эристави – на весь день отправлялись за город. У меня сохранилось снятое в этих местах фото. Жорж, как и его отец, чудесно пел, гитара всегда у

него была под рукой в машине, и он так виртуозно играл, что, казалось, она сама поет в его руках.

Вскоре мы сняли квартиру из четырех комнат: большая гостиная, такая же большая столовая и две комнаты на верхнем этаже со спальней. Ужинали в одном из лучших ресторанов, иногда обедали дома в восемь вечера, а потом шли пить черный кофе. Лучший вечерний ресторан «Вечерняя роза», где мы бывали, был не всем доступен. Здесь собиралась петербургская знать, пели известные Настя Полякова, Юрий Морфес, Саша Макаров и первая скрипка – признанный когда-то в Петербурге виртуоз Жан Гулеску, игравший и в известном кафе «голубороговцев» «Кимериони». Одеваться в «Вечерней Розе» было принято с особой тщательностью и изыском, но Алеша тщательно следил за моим гардеробом, не жалея для этого никаких денег. Одежду в Константинополе мы покупали в самом лучшем и дорогом доме моделей «Каливариус». Кстати, эта фирма и поныне славится своим качеством. Помню сшитое мне для выхода платье клубничного цвета с длинным шлейфом, второе платье – бледно-желтого цвета, третье – из черного панбархата, четвертое – серое... Фотографии с этими платьями я сохранила, как и с несколькими летними платьями от того же «Каливариуса»...

Как-то мы с Мери Шарвашидзе, прогуливаясь по главной улице Константинополя, зашли в дорогой шляпный магазин «Сократ». Мне бросилась в глаза прелестная сиреневая соломенная шляпка. Тетушка Мери сразу сказала мне: «Возьми, она тебе очень идет, как раз под цвет твоего нового платья». Однако шляпка стоила так дорого, что я не решилась платить за нее такие деньги. И мы ушли, не купив ее. Оказывается, когда мы выходили, нас случайно увидел Алеша. Он вошел в магазин и спросил продавца, какую я примеряла шляпку и понравилась ли она мне. Продавец тотчас же выложил ему весь наш разговор с Мери. Вечером меня ждал сюрприз – большая шляпная коробка с надписью «СОКРАТ»... В таких поступках был весь Алеша, его характер, душа и, конечно же, его трогательно безграничная щедрость ко мне...

Мы постоянно бывали с ним на приемах в американском и в итальянском посольствах. Я хорошо танцевала и любила танцевать, а Алеша любил смотреть на меня, да и все наши близкие громко восхищались танцующей дивой. Теперь-то я понимаю, что не такая уж я была искусная танцовщица, как казалось моим родным, – все было проще: я была молода, привлекательна и роскошно одета. И я была счастлива с любимым мужем...

У нас бывали Саша Тарсаидзе, племянник мужа Мери Шарвашидзе, и близкий наш друг Юра (Ива) Подсевиц – друзья нашей молодости (пройдет время и Юра станет директором «Вог» – грандиозного парижского дома мод) ...

Однажды мы получили приглашение на прием от адмирала американского корабля. Прием происходил на палубе, и зрелище это, поистине, оказалось сказочным. На прием отправились мы с Алешей, Мери Шарвашидзе с мужем Гугушей Эристави, Римма Эристави. Корабль стоял в некотором отдалении от берега, поэтому, когда мы подъехали, нас встретил морской офицер и умчал к кораблю на моторной лодке. На корабле же нас ждали адмирал с супругой. Палуба была роскошно украшена, краски разноцветных абажуров волшебными бликами преломлялись на поверхности воды, дамы в вечерних платьях с декольте, мужчины во фраках. А как был бесподобен во фраке Алеша!..

В это время к кораблю на моторной лодке пристали наши друзья – супруги Русико и Володя Алибеговы. Потом они рассказывали, что «специально приехали, чтобы увидеть эту красоту и посмотреть на нашу Бабошку», т.е. на меня! Заметившие их моряки приблизились к ним и любезно осведомились: «Отчего же вы не с нами?» Ответ был таков: «Мы не приглашены, здесь находятся наши господа, а мы всего лишь их слуги. Нам просто захотелось увидеть эту красоту!» Потом мы еще долго потешались над этой забавной историей.

В эти дни Алеша купил мне роскошное котиковое манто и два панталона – из норки и соболя. Особенно хорош был соболь, сшитый из двадцати четырех кусков, он покрывал спину, доходя до колен.

Зимой в этом палантине можно было запросто выйти без шубы: а вот и фото!.. Немного спустя Алеша купил мне настоящие жемчуга в двенадцать рядов и серьги с изумрудами в форме кабошона. Я хочу сказать, что у меня было все, но душа была беспокойна... Я сильно тосковала по родине, по своей бабушке Тамар Шарвашидзе, заменившей мне мать... Бабушка знала наизусть всю бессмертную поэму Руставели. Именно она привила мне любовь к грузинской литературе, и всякий раз, когда она представляла меня гостям, я должна была прочесть хоть одну строфу из «Витязя»... О, Господи, с какой нежностью я ее вспоминала в Константинополе, и как я по ней скучала... Да и Алеше заметно не хватало его родителей...

* * *

Думы о родине не оставляли нас, и мы решили вернуться в Грузию. И вернулись.

Не прошло и месяца, как страну охватила смута. Наступили очень тяжелые времена, и тогда Алеша принял решение: возвращаемся в Константинополь, а когда все уляжется, мы навсегда вернемся в Грузию. И вот мы снова в Константинополе.

Мы сняли новую квартиру, и Алеша заказал для меня камин. А 18 января 1922 года родился мой Георгий. Мама Мери нашла мне няню: в свое время ее привезла семья из Петербурга, но питомцы выросли, и она была рада новой работе.

У меня был и повар, горничная, по-прежнему продолжались встречи со всеми нашими близкими и родными. Георгия я кормила грудью. Летом мы сняли прохладную дачу на берегу Босфора, и ребенок со своей няней жили в прекрасных условиях. В свое время эта дача принадлежала какому-то паше. Наша жизнь обрела прежний ритм, мы встречались с друзьями, близкими, проводили время, но мысли о родной земле неотступно преследовали нас. И Алеша решил окончательно вернуться. Георгию было тогда семь месяцев от роду. Перед отъездом к нам на дачу приехали самые желанные

люди: Мери Шарвашидзе с мужем Гигушей, сестра Мери Тамар Зарникау, Акакий Хоштария, Гриша Беридзе, Оля Сванишвили, Римма Эристави. Приняли мы их на славу. Мы знали, что наши гости любят покер, что они ждут игру, и вот, игра началась. В тот же вечер мы были званы на прием в престижный ресторан. Сказать об этом мы не могли, ведь друзья пришли к нам попрощаться, – на другой день мы уезжали в Грузию. Выручила мама Мери: она громко сказала Алеше, чтобы гости услышали: «Грех на душу возьмем, если девочки не пойдут на этот вечер». И все единодушно согласились: «Надо идти!» Алеша попросил Гигушу: «Если вы их отвезете, тогда я отпущу Бабо». И Гигуша, окончательно пленив наши сердца, повелел: «Ну, девочки, наряжайтесь, едем!» (а девочки – это Тамар Зарникау, Римма Эристави и я). Мы от радости обняли его, зацеловали: «Дядя Гигуша – душка!..» Вечер был великолепен, я не пропустила ни одного танца. Вернулись мы очень поздно, но игра в покер была в самом разгаре. Ужин гостям подала мама Мери с помощью горничной. Я не успела сложить часть вещей, но мама Мери и в этом помогла мне, уже все сложила.

На другой день мы уехали в Грузию. Нас провожало очень много народу. Прощаясь с отцом, я увидела печаль в его глазах, мама Мери не смогла сдержать слез...

Вместе с нами на одном корабле возвращались Ваню Карангозишвили с супругой Исей Назареишвили и Варлаам Шенгелия. Ваню был благороднейшим, учтивым, отважным... Самым его задушевым другом был Какуца Чолокашвили. Ваню бесподобно танцевал... Какуца даже удивленно заметил: «Глядите-ка, как ему удается это скольжение ногами»... Какуца был своим человеком в нашей семье, часто бывал у моего отца, и мне особенно запомнился его тост: «Да здравствует освобожденная Грузия!»

День 26 мая в 1920-м году в грузинских семьях отмечали как радостный праздник, все поздравляли друг друга с воскрешением освобожденной Грузии. В грузинском клубе состоялся торжественный прием, собралось блестящее общество, самые прекрасные женщины

ны, офицеры в черкесках. Распорядитель торжества, он же известный политический деятель Бенья Чиквишвили, попросил Тamar Пагава сказать речь от имени грузинских женщин. Тamar выступила, а после они вместе с Какуцой Чолокашвили исполнили грузинский танец «Картули». Каких только исполнителей этого танца я не видела на своем веку: Джано Багратиони, Давида Чикваидзе, Илико Сухишвили и других блистательных артистов, но танец этой пары – Тamar и Какуцы – доныне остается непревзойденным. Это было нечто завораживающее, удивительно плавное скольжение, когда подол чохи даже не колышется... Признаться, именно ему, Какуце, я когда-то рассказала о случившейся в юности своей первой любви. Однажды, будучи у нас в гостях, он поднял за меня тост и сказал: «Княжна, пусть этот тост будет за вашего штатского!..»

Но все осталось в прошлом, и теперь мы с Алешей и маленьким Георгием на константинопольском корабле направляемся в Грузию... Передо мной же стоят печальные глаза отца и слезы мамы Мери...

Не успел наш корабль стать в Батуми, как неожиданно на моторных лодках появились чекисты, и среди них – Илико Мамулия. Нас довольно долго продержали на корабле, тщательно обыскали, а потом арестовали и увели нашего Ванечку Карангозишвили. Мой Алеша очень тяжело пережил это событие, и вот почему: решив вернуться в Грузию, мы сказали об этом нашим близким друзьям. И Ванечка признался своему другу: «Счастливы, в Грузию едут...» Узнав об этом, Алеша встретился с Ваней и спросил его: «А что, собственно, тебе мешает? Хочешь поехать – поехали!» Но тот откровенно признался: «У меня остались долги, да и денег нет на поездку». Алеша обещал ему все устроить, по-дружески помочь, но, будучи крайне щепетильным и самолюбивым, Ванечка отказался от его предложения. И только благодаря давней дружбе наших семей удалось его уговорить, к тому же с его женой Исей мы дружили еще с кутаисских времен... Поэтому Алеша отчаянно горевал, когда чекисты увели Ванечку, считая, что это он его погубил. Так мы и сошли с

корабля. Встретить нас приехал из Тбилиси Бидзу Беридзе. Алеше надо было задержаться по делам в Батуми, и нам с ребенком и няней пришлось остаться.

В этом переполохе в связи с арестом Ванечки я потеряла чемодан с моими платьями, вещами Георгия, которые я покупала в лучшем детском магазине Константинополя, дорогими меховыми накидками и обувью. В том же чемодане лежало жемчужное ожерелье в двенадцать рядов, которые доходили до пояса... Через несколько дней мы уехали в Тбилиси. На первых порах остановились на Каргановской у Бидзу и Мариико, но вскоре на той же Каргановской сняли себе квартиру.

Пройти к нашему дому с улицы надо было через сад. Мы чудесно благоустроили три комнаты, в одной из которых горел камин. Все родственники и друзья поздравляли нас с приездом, и мы были счастливы, оказавшись на родине в кругу своих близких. Алеша часто отлучался по делам, а я с увлечением занималась семьей, своим ребенком, похожим на маленького ангела.

* * *

...Стоит осенний день. Я сижу перед камином, слышу – звонят в дверь. Домработница открывает и говорит кому-то: «Отсюда нельзя пройти, к ним надо со двора». Я выхожу. Незнакомая женщина спрашивает хозяйку дома. Я ее пожалела: пожилой человек, ей будет трудно обойти двор, да еще в дождь. И предложила ей пройти через мои комнаты. Сначала мы вышли из передней в гостиную, где гудел камин, из гостиной – в спальню, затем незнакомка должна была пройти через галерею, чтобы выйти к дверям хозяйки.

Спустя какое-то время пришла хозяйка с обеспокоенным лицом. Это была миловидная, очень расположенная к нам женщина по фамилии Гвелесиани. «Дочка, должна сказать тебе неприятную вещь. Сейчас от меня ушла женщина, которой ты позволила пройти через вашу квартиру. И знаешь, что она мне сказала? – «Я буду не я,

если не уложу моего Залико в эту красивую постель, он у меня будет греться у этого камина!..» Я поначалу не поняла: как такое возможно!.. Гвелесиани же, все с той же тревогой на лице, сообщила, что Залико Микеладзе – это помощник Дзержинского, лежит в больнице, а чекисты подыскивают ему подобающую квартиру. Это такая женщина, она ни перед чем не остановится...

Испугавшись, я бросилась к Бидзу и Мариико, благо, они жили рядом, на той же улице в доме № 24. Они тоже сильно встревожились. А на другой день, в полдень, заявила ко мне жена Залико Микеладзе, Наташа. Подумать только, ведь она приходилась родственницей Алеше. И вот, что она сделала!.. Ринулась ко мне и, схватив меня за руки, потребовала: «Немедленно отдай мне ключи!» Ничего я ей, конечно, не дала, но она пригрозила: «Я сейчас пойду в Чека, и ты посмотришь, что с тобой будет!..»

Как только она ушла, я поспешила к Дмитрию Ракову, известному мебельщику. Он привез четырех рабочих-немцев, которые аккуратно разобрали мою кровать из красного дерева и перенесли ее в квартиру Мариико и Бидзу. Мы наняли грузчиков, переносивших тогда тяжести выючным седлом на спине, и к вечеру квартира была частично пуста. Но снова появилась разъяренная Наташа, приехавшая на пролетке с чекистами. Георгий спал в коляске, и хотя няня долго сопротивлялась, («пока дите спит, я его тревожить не буду!»), но под натиском чекистов и их командирши нам пришлось покинуть квартиру. Мы снова нашли приют у Мариико и Бидзу.

Приехавший утром Алеша сразу связался с маклерами, показавшими нам несколько квартир. Я выбрала квартиру на Грибоедовской, 30. Она находилась на втором этаже, – четыре большие комнаты с кухней и просторными балконами, выходящими на улицу и двор. Вскоре на этом балконе я устроила прием на шестьдесят человек. Мы пригласили из Мцхеты декоратора, которого послал Михаил Мамулашвили. Он дивно украсил наши балконы. Необыкновенно хорош был стол с кузнецовским сервизом, известные гости за столом, тамада – Цаца Мдивани, зять Мосе Кикодзе. Пели Ваню

Сараджишвили, Сандро Инашвили и Валико Хускивадзе, виртуозно игравший на гитаре. Гости разошлись под самое утро. Вскоре в дверь позвонили, – это был Ваню Сараджишвили с «браслетами» на руках. Оказывается, когда на улицах начали продавать выпеченные за ночь горячие бублики, Ваню, недолго думая, купил их, надел на руки и вернулся к нам, чтобы крикнуть: «Бублики! Бублики!»...

И снова в любви и ласке потекли наши дни. Алеша купил мне красивую лошадь чистой английской породы, мы назвали ее Офелией. Вскоре открылся сезон скачек, и Алеша предложил бывшему офицеру и кавалеристу Варламу Шенгелая подготовить Офелию к скачкам, т.е. стать жокеем. В программе скачек владельцем лошади была названа я, поскольку Алеша не хотел, чтобы его имя было озвучено. И вот я каждую неделю стала посещать скачки, и моя Офелия приходила первой. Нас награждали бурными овациями, я была счастлива. Обычно до начала скачек врач внимательно осматривал лошадь, проверяя биение ее сердца и состояние желудка.

Однажды, это было в воскресенье, отправляясь на скачки, я заказала нашему повару обед на несколько человек. Мы ждали в гости отца Пети Колю Мхеидзе, Симона Мдивани, Симонику Пхакадзе, Мишу Масхулия, Паоло Яшвили... Сидим, обедаем, слышим – звонят в дверь. Вошли четверо, спросили фамилию человека, у которого мы купили эту квартиру. Алеша пригласил их к столу, но они с недоумением спросили его: «А вы, собственно, кто будете? Эта квартира принадлежит фонду ГПУ, и мы временно предложили нашему сотруднику пожить здесь. Так кто же вы такие? Вы должны за двадцать четыре часа покинуть помещение!..» Надо же: мы столько денег отдали тому военному, который нас так одурачил. Оказалось, что он на наши деньги купил себе на Московской улице трехкомнатный домик... Словом, это была потеря уже третьей квартиры... Только ли квартиры?.. Об этом я узнаю позже, когда уже ничего нельзя будет сделать! Но это потом... А пока свидетелями нашего очередного разорения и унижения стали сестры Мелиты Чолокашвили, наши тогдашние соседи, которые и поныне там живут. И снова маклеры, и

снова огромные деньги... Нашли хорошую квартиру на Кобийской улице в одиннадцатом номере. Это был дом генерала Василия Давидовича Габашвили (деда художника Дуды Габашвили). И в который раз начали обустраиваться. Для гостиной купили мебель в стиле Людовика XV: большой диван, два кресла с высокими спинками, три мраморных столика – овальный и два круглых (между прочим, эти кресла ныне стоят в доме Ладо Гудиашвили). Когда меня и отсюда выселили, и все отняли, то мебель нашу выставили в комиссионном магазине, где их за очень большие деньги купила супруга Ладо Нино Гудиашвили. Ну, а пока... На стене гостиной висит огромный ковер, опускающийся на пол, на тахте разбросаны красивые подушки, спальню украшают два шелковых ковра и гобелены...

* * *

...Сидим в опере, на мне панбархатное платье цвета электрик и манто, которое Алеша привез из Парижа. Оно длинное, с вырезом для рук, но весь его шик в воротнике, – бархатные розы того же цвета электрик, маленькие розочки более светлого тона из шелковой ткани – сочетание этих тонов получилось восхитительно впечатляющим. Поистине, только изысканный парижский вкус способен создать подобную красоту. В руках у меня дивная сумочка – свадебный подарок Алеша работы Фаберже. Сумочка сделана из золотой сетки с тонкой золотой застежкой, в середине и по бокам застежки мерцают сапфиры, обрамленные бриллиантами. Помню, однажды мы с Алешей и супругами Беридзе сидели в оперной ложе, к нам вошел итальянский консул господин Ламан со своим другом Пиниателли, приехавшим к нему погостить. Пиниателли оказался знатным аристократом в полном смысле этого слова. Он долго рассматривал мою сумочку и, взяв ее в руки, сказал: «Очень дорогая вещь, ценнейший антиквариат, сделана с высоким мастерством и так же прекрасна, как и ее обладательница...» (Прошу меня извинить за такое признание, но ведь воспоминания предназначены моим детям и

внукам!). И дальше он произнес в мой адрес ряд таких комплиментов, что Алеша сказал Бидзу: «Как бы мне не пришлось поколотить этого итальяшку с его восторгами!» Конечно, он сказал это в шутку: консул Ламан и его друг Пиниателли и в дальнейшем не раз бывали у нас в гостях.

Еду я как-то с извозчиком навестить теток – Нино Чолокашвили и Оленьку Вачнадзе. На Руставели встречаю Алешу, который в пролетке едет домой, чтобы предупредить меня, что к обеду будут гости. Оказывается, он встретил Вану Сараджишвили и Сандро Инашвили, которые признались ему: «Алеша, мы соскучились по вашему столу...» И Алеша тотчас же с радостью пригласил их к нам. Разумеется, я вернулась домой и подготовила все, как полагается. Накрыли красивый стол. Мы пригласили и других наших близких друзей, и составилось замечательное общество. Как раз в тот самый день из Кутаиси приехал мой любимый дядя Бондо Микеладзе, брат моей матери, прославленный на весь Кутаиси бас. Звучали известные песни, собеседники блистали остроумием... А уже на второй день Сараджишвили и Инашвили давали в опере концерт. Мы сидели в ложе близко к сцене, Сараджишвили и Инашвили пели грузинский романс «Мхолод шен эртс» («Лишь одной тебе»). Дядя Бондо дал мне понять, что здесь нужен бас, и тут же поддержал своим низким голосом их пение. Сандро и Вану мгновенно среагировали, подошли к нашей ложе, и Бондо запел громче. Когда они закончили, в зале грянули такие аплодисменты, что казалось, все вокруг обрушится. В Кутаиси и Тбилиси долго вспоминали об этом и непременно добавляли: «Знать, здание оперы капитально построено, если оно не рухнуло в тот вечер...»

* * *

Мы приглашены на ужин к Радовичам. Марганцевый промышленник грек Радович, очень богатый человек, был женат на Ларе Назареишвили, сестре моей подруги Иси. Гостей немного, всего две-

надцать человек. Я была в черном бархатном платье с накинутым собольим палантином, в руках у меня – та самая золотая сумочка. После ужина мы вышли в гостиную. Смотрю, а там, в красивой «горке» стоят мои вещи: серебро, сакс и фарфор, которые в свое время с моей же квартирой присвоил «большой коммунист» Шалва Элиава. Лара купила эти вещи у его жены. Через какое-то время гости пошли пить кофе в кафе «Кимериони». Я сняла палантин, и мы вышли надеть шубы. Когда прислуживающий поднес нам шубы, я вспомнила, что оставила свою сумочку в кресле, вернулась в гостиную, поспешила к моему креслу, но в комнате уже никого не было, кроме одного человека, спросившего меня, что я ищу. Я сказала, что оставила в кресле сумочку... Алеша взял меня под руку и сказал: «Пойдем!» В «Кимериони» я сидела подавленная, домой мы вернулись очень поздно, и я все ждала, что утром мне пришлют сумочку с нарочным. Но, увы! – она исчезла... Я и тогда поняла, и теперь знаю, кто ее взял! Она была очень дорогая, но для меня главным было то, что это был свадебный подарок Алеша.

О том, что я потеряла сумочку, начали судачить в обществе, и все, словно сговорившись, называли одно и то же имя. Я же всем твердила: «Не знаю!» Это было похоже на безмолвную реакцию Алеша, когда он с одного взгляда оценил ситуацию, взял меня под руку и спокойно сказал: «Пойдем!»

В Дидубе открылся новый сезон скачек. Моя Офелия по-прежнему в зените. В ложах – все знакомые, рядом с нами сидят Шалва и Кетуся Алекси-Месхишвили с сыновьями Гиви и Ладо. И снова поздравляют меня: Офелия пришла первой. Второй пришла лошадь Комета, очень хорошей породы, принадлежавшая директору бактериофага Гоги Элиава.

А вскоре я получила бумагу такого содержания: «Принадлежащая вам лошадь Офелия чистой английской породы по распоряжению С. Гегечкори изымается у вас и переходит из вашей конюшни в конюшню народного комиссариата земледелия».

Так отняли у меня мою красавицу Офелию, что сильно опечали-

ло нас с Алешей. Мы долго переживали этот бандитский захват, да и все общество было возмущено. В особенности огорчились руководители ипподрома. Володя Цулукидзе и Симоника Мдивани громко выразили свое негодование. В 37-м их расстреляли.

1924-Й ГОД

Слезы мир берет в оплату за веселие и смех...

Алеша уехал в Дарквети навестить родителей и уладить какие-то дела по марганцу, но в Тбилиси его привезли уже в качестве арестованного. В кармане у него были золотые часы и золотой портсигар, эти вещи у него изъяли. К нам на квартиру на Кобийскую улицу явились чекисты проводить обыск, перевернули все вверх дном и долго шарили в чемоданах и ящиках. Я была тогда в положении и натерпелась большого страха.

Пошли допросы. Следователь Новосельцев вторично решил делать у нас обыск. Когда он выходил из машины, мой брат Демна увидел, что в машине остался Давид Багратиони, чекист знатнейшего происхождения, ходивший в преданных холуях у Берии. Он успел заложить в Чека все офицерство и дворян. Про него ходил стишок:

«Горько всхлипывают Кура и Риони:

Ты – предатель, Багратиони!»

И все то время, пока Новосельцев и его чекисты рылись в наших вещах, этот «царственный отпрыск» ожидал их в машине. Совести хватило? Не уверена...

* * *

Итак, Алеша сидит в подвале Чека на улице Дзержинского, 24. Я ношу ему передачи, встречаюсь там со многими родственниками,

друзьями и знакомыми, у каждого свой заключенный. Каждый заключенный получает передачу после тщательного осмотра, потом мы долго ждем ответа. После мучительного ожидания получаю из форточки пустую посуду и ответ: «Получил все. Алеша».

Вскоре Алешу перевели в губернскую тюрьму в Ортачала. Нам помогли в этом знакомые, в частности, Петре Модебадзе. Алеша попал туда, где сидели патриарх-католикос Амвросий Хелая и митрополит Калистрат Цинцадзе. Эти двое были арестованы сразу после того, как было отправлено известное обращение католикоса Амвросия к Генуэзской конференции. Я по средам и пятницам всегда посылала им скоромную еду, и патриарх Амвросий прислал мне даже короткое письмо с благодарностью.

Пока дело Алешки находилось в процессе следствия, мне не дали права на свидание с ним. Я никогда не забуду свирепствовавших следователей-латышей Штепу Каулиня и Корвина. Алешу обвиняли в контрреволюционной деятельности, в помощи Какуце Чолокашвили, что считалось самым страшным обвинением. Жесточайшие обвинения, еще более жестокие следователи... Но увидеть Алешу мне все же удавалось. Дело в том, что к католикосу Амвросию и митрополиту Калистрату пропускали желавших посетить их. Кто-то из арестованных, стоявший у окна, разумеется, наш знакомый, крестился; это был условный знак, когда я должна была сказать охраннику, что пришла навестить католикоса или митрополита. В это время проходил мой Алеша, и мы могли увидеть друг друга...

Большинство арестованных были нашими родственниками, друзьями или просто знакомыми, и все они шли по политической статье. Все лучшие собрались здесь, под сводами тюрьмы, и среди них – прославленный артиллерист Илико Махарадзе, Гоги Алексис-Месхишвили, несколько кавалеристов по фамилии Вахвакишвили, многие из семьи Андроникашвили, Вачнадзе, Джорджадзе, Мхеидзе, Юлон Чахава, Бакия Тутберидзе, Дадиани – братья Отар и Мушни, их обоих расстреляли в одну ночь... Не знаю уж, сколько можно перечислять...

А пока кто-то из них – Илик Махарадзе, Юлон Чахава или Дзики Мхеидзе – подавал мне знак из окна, я заходила в тюрьму, чтобы хоть издали увидеть моего Алешу... И вот в один из моих визитов католикос Амвросий и митрополит Калистрат велели мне присесть: «Дитя мое, – сказал Амвросий, – у нас, у стариков, имеется к тебе просьба. Выполнишь ее?» Опустив голову, я сказала: «Конечно, прикажите!» Но их слова больно ранили мне сердце: «Ты должна увезти в деревню свою новорожденную дочь и отдать на воспитание кормилице, ибо тебе придется уделять своему мужу особое внимание. А на это требуется время, и ребенку будет недоставать питания и заботы. Хожение сюда требует много времени и сил. Для здоровья ребенка так будет лучше, да и дело мужа потребует твоего времени и внимания»... Услышав такое, я словно окаменела, мне показалось, что меня хлестнули по сердцу, слезы душили меня, и я вышла, пошатываясь. Взяв извозчика, я поспешила домой, бросилась к Татули, подняла ее из постели, крепко прижала к себе, словно кто-то хотел отнять ее у меня. Я не спала всю ночь, держала ее в объятиях, окропила слезами ее крошечную рубашку... Боль была велика: Алеша в тюрьме, обвинение тяжелое, опасное – расстрел или высылка в Сибирь, а мне-то всего двадцать один год, каково же мне? Как выдержать эти свалившиеся на голову беды?

Но решено: Татули надо отвезти в деревню! И мы с моим братом Димой, взяв двухлетнего Георгия, поехали в Бандзу. Бабушка Тамар и дед Кити были счастливы увидеть нас. Моя кормилица Миная Чикобава была заранее оповещена, и теперь мою Татули должна была кормить грудью ее невестка Буца, жена ее сына Гриши. Сам факт того, что в семье моей кормилицы продолжается традиция, и моя дочка будет спать в колыбели, торжественно отметили. Но я тяжело перенесла разлуку с дочкой и отрыв ребенка от груди. Меня долго температураило, груди распухли, было тяжело...

В вагон ко мне вошли Мушни Дадиани и Нестор Гардапхадзе, спросили, не нужна ли помощь, успокоили меня, – все, мол, устроится. На станции в Абаше – такое же внимание, теплое участие... В

Абаше поезд стоял всего несколько минут. Они оба направлялись в Сванетию, где находился брат Мушни Отар, молодой, полный сил и отваги офицер. По заданию нового правительства (при посредничестве Саши Гегечкори) Мушни Дадиани и Нестора Гардапхадзе отправили в Сванетию за Отаром Дадиани, чтобы, используя его авторитет, пресечь волнения в Сванетии. Но переговоры с ним не увенчались успехом. Эти воистину поразительные люди не понимали, как можно совершить поступок, лишенный рыцарской чести. Фактически, власти коварно заманили Отара Дадиани и арестовали его вместе с Мушни Дадиани и Отаром Гардапхадзе. Братьев вывели со двора Чека со связанными руками. До последней минуты они держались и пели: «Слава Грузии!» Список расстрелянных в те дни можно увидеть в выходившей на грузинском языке газете «Комунисти» («Коммунист») за август 1924 года...

Я с разбитым сердцем вернулась в Тбилиси, чтобы заняться делами Алеши.

Восстание против большевистского режима в августе 1924 г. было зверски подавлено. Оглушенные кровавыми событиями, в слезах, все в черном, беспомощные и безутешные, мы день и ночь бегали друг к другу узнать, кого расстреляли вчера, что происходит сегодня, и так день за днем. Расстреляли моего деда Кити, вместе с ним и Ваню Пагава, Габуня, отца и сына, расстреляли, связав обоим руки... Расстреляли... Расстреляли...

* * *

Алешу и всех офицеров спешно перевели из губернской тюрьмы в Метехи. Но очередь на передачу заключенным растянулась от Метехского моста до ворот крепости, – это были все те же многочисленные друзья, знакомые, близкие люди... Стоим часами, оцепенев от страха, с дрожью ждем ответа. Если корзина, в которой мы передаем еду, возвращается к нам пустой, значит, заключенный жив. Но если корзина приходит нетронутой, то это конец, заключенный расстрелян. Иногда на вопросы ожидающих чекист Оганезов цинично от-

вечал: «Расстрелян!»

Нельзя не сказать о горестной истории деревенской женщины. Она спрашивает о двух своих сыновьях. Короткий ответ: «Оба расстреляны!» Она спрашивает о муже. Ответ: «Расстрелян!» Невозможно забыть, ее неизбывное горе!..

В тот день я получила пустую корзинку с двумя словами утешения: «Получил. Алеша».

* * *

Однажды передав ему посылку, я положила в нее бутылку с напитком. Бутылку мне вернули пустой, но с надписью: «Лучше полная, чем пустая», снизу, мелкими буквами, мелькнула приписка: «Было время, когда Метехи находился в Грузии; настало время – Грузия в Метехи». Эту бутылку я берегла как зеницу ока. Но потом, когда уже меня сослали в Казахстан, она затерялась...

У ворот тюрьмы в страхе ожидания стояли родные Гии Абашидзе, близкие родственники Иване Джавахишвили, мать Гии Текле Орбелиани и его тетка Тамрико. Я купила немного еды, сложила в посылку и послала Гие, но... она вернулась нетронутой. А это означало, что сын Киты Абашидзе расстрелян. Гие было 22 года!.. Его родителей обманули, сказали, что его нет в Метехи, что он в Чека. Когда они оттуда вернулись, то еще не знали, что Гии больше нет, но знала я, убитая этим горем... Так мы в те дни жили... Расстрелы, расстрелы... Большевики убили безмерное количество людей – офицеров, дворян, крестьян. Всех, кто не то подумал, кто не то сказал... Семьи заключенных, мы жили заложниками лютых обстоятельств. Над городом нависла великая беда.

* * *

В Метехской тюрьме чекисты обычно выводили заключенных во двор и зачитывали там списки. Алеша и Иликко Махарадзе стояли

рядом, когда чекист Оганезов читал фамилии. Объявляли имя, отчество, фамилию и уводили человека на расстрел. Алеша потом рассказал мне: «Список был прочитан почти до конца, когда Илико сказал: «Кажется, пронесло!» И в это время назвали его фамилию... Мне словно нож вонзили в сердце»... Они обнялись. Илико мужественно принял свой приговор и успел сказать Алеше: «Я рад, что оставляю тебя. У тебя семья, и, может, чудо тебя спасет...»

И вдруг расстрелы прекратились. Из Москвы пришла депеша-молния: «Прекратить расстрелы!»

Через несколько дней вышло постановление о помиловании заключенных. Освободили всех политических. Когда Алеша и адвокат Григол Лагидзе вышли, они сказали друг другу: «Не ждут ли эти палачи благодарности от нас?»

Дома Алеша признался: «Прости меня, но там бывали минуты, когда я уже не помнил ни о тебе, ни о детях... Я только хотел, чтобы все это скорее закончилось, пусть расстреляют!»

Мы тогда все еще жили на Кобийской улице, и я решила привезти к себе из Бандзы бабушку Тamar, не оставлять же было ее одну после расстрела деда Кити. Алеша торопил меня, но кончилось тем, что он сам привез бабушку Тamar.

Татули исполнился год и три месяца, когда я привезла ее из Бандзы, где она провела со своей кормилицей ровно год. Ее возвращение стало для нас невероятным счастьем, но я видела, что Алеша не мог отрешиться от мучавших его воспоминаний о том, как убивали его ближайших друзей, и вокруг стояло море крови... Он даже попросил, чтобы мы переехали в Дарквети. Конечно, я сразу согласилась с ним, но и в той деревне нас не оставили в покое и занесли в «черный список»! И мы вернулись в город, продолжали жить, принимали гостей и сами ходили в гости.

Однажды утром бабушке стало плохо. У нее случилось кровоизлияние, и мы пригласили известного в Грузии врача Николая Кипшидзе. Но увы, ничего не помогло, и она скончалась. Ее дочери, мои тетки по отцу Соня Накашидзе и Оленька Мхеидзе, хотели похоро-

нить ее в Тбилиси: они настаивали на своем, однако я категорически воспротивилась. Тетки даже просили нашего дядю Датико Пагава уговорить меня, но я была тверда. Я считала, что похоронить бабушку надо в Бандзе, рядом с ее сыном Джвебе и супругом Кити (Ноэ Пагава), расстрелянным в 1924 году. И вот что мы сделали. Муж вырастившей меня кормилицы, Мосе Сартания и его сын Георгий (отец Лидико) ночью незаметно пробрались в то место, где, как мы знали по слухам, захоронили расстрелянных. Они нашли тело деда Кити, выкрали его, принесли домой и сделали все, как полагалось по нашему обычаю. Так же незаметно принесли гроб и положили в него тело. У несчастного в кулаках были пучки волос, видимо, он рвал их на себе от нестерпимой боли. Поздней ночью Мосе и Георгий понесли гроб с телом деда на Шауркарское кладбище. До прихода большевиков там стояла церковь, знаменитая своей древностью и имевшая важное культурное значение. Большевики, конечно, разрушили ее. Мосе с сыном с крайней осторожностью пробирались на кладбище, боясь, как бы их не заметили. Но все обошлось, и когда они пришли, могила была уже готова...

Алеша устроил моей бабушке похороны, какие полагались дочери последнего владетельного князя Абхазии. Панихиду отслужили в нашей квартире на Кобийской улице в присутствии многочисленных представителей общества, тогда, в 24-м, не всех еще успели отстрелять... Шесть богато убранных лошадей везли гроб, покрытый парчой, по обе его стороны шли по три священника. От самой нашей улицы до вокзала процессия шла пешком. Потом близкие сели в поезд, а гроб поставили в отдельный вагон. Из Абаши в Бандзу поехали на извозчиках, после похорон мы вернулись в дом моих воспитателей – кормилицы Минайи Чикобава и Мосе Сартания. Здесь нас ждали поминки, на которых были дети и внуки, и общий любимец семьи Квити Чиковани.

Наш, когда-то великолепный, дом в Бандзе, где жили бабушка Тамар с дедом Кити, где давались пышные приемы и часто бывал с друзьями Георгий Шарвашидзе, – этот дом был уже полностью

опустошен. Я помню там Марджори Уордроп с братом, у меня с тех времен сохранилась их фотография с надписью Георгию Шарвашидзе... Ночью мы вернулись в Тбилиси – время, которое должно залечивать раны, пошло...

Алеша стал работать в марганцевой концессии совместно с американцами. Это общество по разработке марганцевых рудников находилось в Чиатуре. Там работали многие наши друзья и знакомые, которых мы часто приглашали на обед. Бывали у нас и американцы, открыто восхищавшиеся убранством стола и окаймленной серебром дорогой посудой. Перед каждым прибором лежал цветок, маленькая вазочка, столовое серебро с вензелями... Помню, кто-то из американских гостей признался: «Хочется смотреть на всю эту красоту и ничего не трогать...» Да и повар у меня был большой мастер.

Работа у Алеши наладилась, мы даже квартиру оплачивали в валюте. Нашу Татули крестила супруга генерала Габашвили Нина Николаевна. С ними у нас сложились близкие отношения, что в особенности проявилось во время ареста Алеши, когда нам с детьми это было более всего необходимо...

Поскольку американцы развернули в Чиатуре активную деятельность, Алеша, как член общества «Смето» и владелец рудников, должен был часто туда ездить. Дети были маленькие, и Алеша снова решил повезти нас в Дарквети.

ДАРКВЕТИ

Мы взяли в деревню няню Георгия, но нас тут же внесли все в тот же «черный список», запретив держать помощницу. Более того, нельзя было никого позвать в помощь, чтобы подоить корову. Пришлось нам с Алешей самим взяться за это дело, что, конечно, выглядело забавно. Алеша держал корову на привязи, я подставляла ведро и доила, хотя молоко попадало не в ведро, а проливалось. Но вдруг наши мучения закончились, – деревенские жители перестали нас опасаться, и все село стало гурьбой ходить к нам. Приходили не

только местные, но и из соседних сел. Теперь они были рады услужить нам, помочь в работе... Такова жизнь!..

Работа на рудниках спорилась, к тому же американцы платили в валюте. Они удивлялись знаниям и опыту Алеши – действительно, полученная в Оксфорде специальность инженера-горняка не прошла даром. В свое время мой свекор, владелец марганцевых рудников, отправил своих сыновей Бессариона и Алешу на учебу в Англию. Алеша вернулся после учебы, а Бессарион не захотел возвращаться в советизированную Грузию и остался в Лондоне.

Алеша стремился обустроить свои рудники на высшем уровне. Даже туннели выглядели так, словно это была галерея. Столбы, подпирающие стены, были расставлены по стандарту, но к этому стандарту Алеша для большей прочности добавил еще по одному столбу. Все это сооружение выглядело внушительно, но стоило много денег. А один рудник Алеша даже назвал моим именем – «рудник Бабо»...

С американскими партнерами подписывали договор, который потом оформляли в Москве. По-видимому, этими делами в Москве занимался приехавший из Лондона Коте Джакели. В Москве также работала двоюродная сестра Алеши со стороны матери Зина Квиташвили. Она была секретарем Ленина, а после его смерти работала секретарем у Авеля Энукидзе. Мне известно, что Зина принимала активное участие и при составлении этого договора.

Американцы щедро обеспечивали рабочих на рудниках специальной обувью, кожаными перчатками и всегда аккуратно платили деньги. Сами они жили в Чиатуре в удобных благоустроенных квартирах, любили ездить к нам в гости в Дарквети, где их ждал накрытый стол, а специально приглашенный из Чиатуры повар радовал необыкновенными вкусами. Мы с моим братом Димой готовили крушон. Гости по обыкновению засиживались допоздна. У меня даже сохранилась фотография нашего даркветского двора. На ней супруги Ньюман и наш постоянный тамада Саша Лордкипанидзе, работавший на рудниках главным инженером. Он был расстрелян в 37-м...

* * *

Договор с американцами был заключен на двадцать лет. В случае нарушения какой-либо его статьи грузинской стороной, американцы имели право получить движимое имущество, но если же виновниками нарушения признавались они, то все это имущество должно было остаться в Чиатуре. И вот через какое-то время возникли обстоятельства, вызвавшие непонимание и недоумение американской стороны. Дело было в том, что в самый разгар рабочих часов появлялся некто – ответственное лицо, член партии. Их называли политруками. Этот некто стал выполнять определенные функции: во время рабочего дня на руднике он отрывал рабочих от своих обязанностей, читал им газеты и новые правительственные постановления, словом, просвещал их в партийном плане. В те же рабочие часы появлялись и чиновники из профсоюза с профсоюзными инструкциями. Этот отрыв рабочих от своих обязанностей приобрел постоянный характер и наносил заметный ущерб концессионерам, что вызывало возмущение иностранных партнеров. Спустя три года они были вынуждены пойти на разрыв деловых отношений и уехали. Мы с Алешей переехали в стоявший неподалеку двухэтажный дом, поселившись в квартире на втором этаже. С нами жил и мой брат Демна. На первом этаже этого дома жил с семьей Вячеслав Чхеидзе. У меня сохранилось фото с тех времен, где мы сняты вместе с семьей Чхеидзе, их детьми Котиком, Руриком и Леной и сестрой Вячеслава Гульчиной. С нами на фото наш дорогой Герула Церетели...

После отъезда американцев все изменилось, и мирная жизнь, в который уж раз, оказалась недолгой. В 1931 году заявили чекисты, устроили у нас обыск и арестовали Алешу. Мой брат Демна в это время находился в Чиатуре, там его и арестовали той же ночью и увезли в Тбилиси. Оставшись с двумя детьми, я решила тоже отправиться в Тбилиси. Из квартиры меня выселили, а мебель сразу же увезли. Я с детьми осталась на улице. Георгий жил в семье Марико и Бидзу, Татули у Миши и Дали Кикодзе, я моталась по близким знакомым, жила то у Тамары Агниашвили, то у Кати Дадиани, то

еще где... Мое безвыходное положение стало предметом разговоров среди близких. Наконец меня с двумя детьми приютила Женя Цудукидзе, где мы нашли себе обитель в маленькой комнатке рядом с общей уборной. Впрочем, и это было счастьем, ибо Георгий и Татули находились у меня перед глазами. Женя была дочерью крупного бакинского нефтепромышленника, а ее супруг Володя, наш родственник, был шафером на моей свадьбе. Нам только и оставалось, что вспоминать, как в 21-м году Володя и Мери Шарвашидзе прибыли на карете в Сион, где мы с Алешей обвенчались...

Я готовила на кухне у Жени еду для Алеши. Его дело вел следователь... Сказать, что он был беспощадным – ничего не сказать. Эти режимные людоеды сочинили огромное дело против большого предприятия в Лондоне («СОСИПРО») и выдвинули против Алеши опаснейшее обвинение – английский шпион. Следствие по этому «делу» тянулось более года. А надо было жить и кормить детей. Я продала сервиз на 48 персон, огромных размеров хрустальную чашу в серебре, хрустальные стаканы, бокалы и многое, и многое другое... После долгих страданий Алеше объявили вольную высылку: он уехал в Саратов. Я за две недели подготовилась к отъезду, собрала теплую одежду для детей, для себя... Сложив все это, мы с Георгием и Татули отправились в Саратов.

САРАТОВ

И вот мы с детьми живем на берегу Волги в квартире, которую заранее снял нам Алеша – три комнаты, просторный двор, Большая Горная, 209. Хозяйка – милая женщина, муж – пьяница, одна дочь...

Хозяйка научила меня пользоваться русской печью, и вскоре я начала довольно ловко управляться с нею. Открывала створку, придерживала ухватом кастрюлю и ставила ее в огонь. Получалось необыкновенно вкусно. Алеша запасся большим количеством дров, и таким образом была решена одна из сложных проблем нашего саратовского быта.

Конечно, мы не были готовы к непривычным для нас суровым зимам и жестоким морозам. К тому же нас ждало еще одно тяжелейшее испытание – Татули заболела сыпным тифом. Население вокруг голодало, овшивело. Местные рассказывали, что они еще в 21-м прошли через такой голод. Татули заразилась в школе, где все дети были вшивыми. Она очень тяжело перенесла сыпной тиф, буквально находясь на грани... Мы с Алешей метались в панике, врачи предупредили нас: девочку ни на минуту нельзя оставлять без воды, рот ее не должен быть сухим, и только в таком случае она сможет выжить. Чайник все время был под рукой, и мы постоянно добавляли в воду соки. Я не только не спала сутками, я ни на мгновение не отводила от нее глаз. Однажды ночью, когда я наливала в чайник воду, она тронула меня за руку: «Где ты, мамочка? Я тебя ищю, я вышла во двор босиком, здесь лед, мне очень холодно... Если вы уедете в Грузию, не оставляйте меня здесь, возьмите с собой...» У нее был бред, я перепугалась, позвала Алешу...

Больных сыпным тифом не оставляли в домах, а забирали в больницу. Для больного же это был конец: на дворе трещал сорокаградусный мороз, больница не отапливалась, никаких условий... Нескольким раз к нам уже наведывались из больницы, Алеша не ходил на работу, мы жили в страхе и тревоге. Неожиданно к нам заявили пятеро студентов-грузин, учившихся в Саратовском мединституте. До них дошли слухи о нашем положении, и они предложили свое круглосуточное дежурство, только бы не отдавать ребенка в больницу. Появилась надежда, и Господь спас нашу Татули.

Все то лето мы провели на даче – так называли тогда в Саратове остановки трамвая, шедшего из города, – первая, вторая, третья и далее. Мы сняли дачу на четвертой остановке, где был красивый дом и сад. Но однажды ночью в дом забрались воры, к счастью, нас не тронули, но многое из вещей мы потеряли. Увы, сопротивление обстоятельствам жизни оказалось делом совсем нелегким... Пришлось отнести в торгсин серебряные ложки, ножи и вилки с серебряными вензелями, рыбные ножи и вилки, большой половник для плова...

Надо было проявлять исключительное терпение в этих ежедневных столкновениях с жестоким бытом, и только забота о детях, наша ответственность за них и взаимная любовь и уважение помогли нам не прогнуться под тяжестью опасного бремени. Алеша был человеком особой породы: отважный, умный и преданный, его трудно было увидеть угрюмым. Внутренняя сила, душевная чистота и принципиальность сочетались в нем с деликатностью и в то же время переходящей все границы щедростью. Хотя разве слова способны выразить все богатство его натуры?.. Помню, еще до советизации, Алеша несколько лет оплачивал каким-то студентам учебу за границей. И только один из них, Каландадзе, пришел нас навестить. Оказалось, что он дядя товарища моей Татули, а его дочь – зубной врач в поликлинике лечкомбината.

* * *

Смотрю я как-то в окно, жду Алешу с работы. Вот он, наконец-то, но мне показалось, что он с трудом тащит что-то на спине. Открываю дверь, он обеспокоенно говорит: «Грузина привел, смотрю – лежит на земле возле вокзала, стонет, с трудом сказал, что приехал в Саратов в командировку, но его ограбили и он не может вернуться, у него даже нет денег, чтобы своим сообщить...» Так он привел в дом овшивевшего человека в гнойных ранах. Мы с трудом его раздели, посадили в корыто, помыли, словом, поставили на ноги. Спустя полгода его раны кое-как зажили, и все это время он жил у нас. Алеша, чтобы дать ему немного заработать, поручил какое-то дело. Но он оказался непорядочным человеком и обманул Алешу. Мы купили ему билет и отправили в Грузию.

* * *

В Саратове у нас гостили братья Сумбаташвили, Костя и Дата. Дата вскорости уехал в Грузию, а Костя остался. Утонченный интел-

лигент, эрудит, он долго прожил в Саратове и стал не только нашим преданным другом, но и облегчил нам с Алешей безрадостные дни. У нас в Саратове побывали и Петре Мхеидзе со своей женой Ниной Грузинской, подругой моей юности. Но так случилось, что Нина вскоре оставила мужа в ссылке и, вернувшись в Тбилиси, вышла замуж за Гвелесиани. А Костя Сумбаташвили и Петре Мхеидзе – эти два человека до конца оставались нашими близкими друзьями, на которых всегда можно было положиться.

Однажды ночью мне стало плохо. Я терпеливо дождалась наступления утра, чтобы вызвать доктора. В Саратове в это время было много врачей-немцев. Они-то и спасли тогда мою Татули. С одним из них, профессором Краузе, мы успели сблизиться. Поэтому утром мы сразу пригласили его. Мне очень не хотелось отправляться в больницу, оставлять Алешу и детей, но, к сожалению, без операции аппендикса нельзя было обойтись. Это был час, когда Георгий приходил из школы, и я все оттягивала время, чтобы успеть его увидеть. Но вот подъехала «скорая», да и Георгий оказался с ранцем за спиной. Никогда не забуду его испуганного лица... В больнице меня положили в коридоре. И вдруг погас свет. Профессор Краузе сказал, что он не сможет без света оперировать аппендикс, но если я умру до операции, больница не понесет за это никакой ответственности. Каково же Алеше было услышать такие слова... Но обошлось, операцию сделали утром.

... Вот и пришло время нашего возвращения в Грузию. Приехав в Тбилиси, мы большую часть багажа оставили на вокзале в камере хранения, и всей семьей с остальными вещами нагрянули к Аничке и Ване, сестре и зятю Алеши.

Родители Алеши и Тины Гоциридзе жили на ул. Грибоедова, 24, в одной большой комнате. Теперь и мы туда же втиснулись, а нас как-никак четверо. Поэтому мы начали собирать документы, но возникли трудности в получении паспортов. Некто Сашуркин сказал мне в Чека: «Возвращайтесь туда, откуда приехали!»

– У нас кончился срок ссылки, и мы вернулись!

– А мне-то что!

Этот Сашуркин был известен как пыточных дел мастер, зверь! Однажды в комендатуру Чека на Дзержинского доставили на расстрел заключенных. Сашуркин отнесся к обреченным как садист. Среди заключенных был Суслик Андроникашвили, сын Нади, моей тетки со стороны отца. Внезапно Суслик вытащил из стены гвоздь и воткнул в глаз Сашуркину. Суслика тотчас же застрелили. Это было благо – не пришлось выводить его на расстрел...

* * *

Шло время, день за днем. Я решила попросить кого-нибудь помочь нам в восстановлении права на жительство и получение паспортов. И обратилась к Татуше Жордания, жене Рапава, моей бывшей однокласснице. Она, в свою очередь, призвала на помощь Тигэ Лордкипанидзе, занимавшего тогда высокую должность в Чека. Лордкипанидзе, не откладывая, позвонил в милицейское управление, где работала сестра Цицино Хиху Мхеидзе. И та сразу прибежала к нам с хорошими вестями. Итак, паспорта мы получили, оставалось найти квартиру. А тут близкий наш друг Жоржик Джорджадзе узнал, что некий коммунист Алеша Тоидзе продает три комнаты на ул. Дзержинского, 1. Мы поспешили осмотреть, квартира нам понравилась, и мы купили ее...

...Наступало лето, детей надо было вывозить на свежий воздух, и я отправилась с ними в Манглиси, взяв с собой Тинико Гоциридзе, племянницу Алешы, и домработницу. Алеша остался приводить в порядок квартиру. Но нас ждала большая неприятность: Тоидзе отказался отдавать нам третью комнату, хотя деньги за нее он получил сполна. Эта третья комната была самая большая и удобная. Но что было делать? Мы сказали Жоржику Джорджадзе, он разволновался: «Что же делать? Раз он такой негодяй...» И мы остались в двух маленьких комнатах, где, спустя время, хлебнули много горя, пролили много слез...

А пока мы хорошо устроились в этих маленьких комнатах, купили два красивых «Буля», дети ходили в 14-ю школу на ул. Махарадзе, где работали известные педагоги Нино Бопвадзе, Тамар Гегечкори, Шалва Долакидзе... Мы зажили в ладу и спокойствии. И как раньше, бывали в гостях, принимали гостей. Казалось, прерванный ритм жизни зазвучал по-прежнему.

На дворе весна 1935 года. Теплые ласковые дни поднимают настроение, наши похорошевшие после ремонта комнаты залиты солнечными лучами. Энергия Алеши, его честность, самоотверженность в работе принесли такие плоды, что теперь мы уже могли проявлять самое щедрое внимание ко всем нашим родным и близким людям. Почти каждый день с нами обедала моя тетя Оля (Мхеидзе), Алеша тепло и заботливо относился к ней и всякий раз, когда она уходила, незаметно подкладывал ей в сумочку немного денег. Супруга Нико Дадияни, Бачуа, жила в гостинице «Кавказ». Я часто навещала ее, приносила ей сахар, масло и сладости. Гугу всегда бывала у нас, мы старались, чтобы она хорошо питалась, я ее придела, она похорошела, моя бедная сестра, безвинно наказанная судьбой, так и не сумевшая справиться со своими злосчастными сыновьями!.. Летом мы жили на даче, зимою в Бакуриани. Так оно и должно было быть, ибо все что имелось у нас с Алешей, мы делили между моими родными людьми, и, конечно же, родными Алеши. Тина, дочь моей золовки, каждое лето ездила с нами в Бакуриани. Наша чудесная Тина, а уж сколько такта и скромности в ней было... Не меньше заботы я проявляла и к детям моего брата Бондо – малышам Мальвине и Татули.

КАК МЫ ПРОВОДИМ НАШ ДЕНЬ

Мы приехали в Бакуриани в проливной дождь, когда поселок тонул в тумане. Было очень холодно. Но вот выглянуло солнце – и какой уж там холод!.. После первого завтрака мы, захватив книги и коврик, спешили в ельник. А там знакомых – уже полный лес. Нуну и Джана Сванишвили с тетками, Тамара Грузинская с Тезиком (из-

вестный грузинский поэт Петре Грузинский)... Дома в Бакуриани были сплошь деревянные, и Тезик то и дело исписывал стены домов своими стихами. Моей Тине он посвятил такое длинное стихотворение, что пришлось полдня его переписывать. Тамара дала моей Татули задание: «Где увидишь стихотворение Тезика – переписывай!» Отказать ей Татули не могла, зато отчаянно ругалась с Тезиком. Мы почти целый день проводили в роще, собирали полевые и альпийские цветы, составляли букеты, цветочные корзинки, и наши комнаты просто пропахли цветами. Здесь все было до слез красиво, увы, до слез, ибо меня постоянно точили мысли о моих родных, оставшихся на чужбине, о том, как они тоскуют по родине... А тут глядишь на эту сказочную красоту в Бакуриани, и сердце сжимается от боли. Вспоминала я и Константинополь, где, несмотря на свою благополучную жизнь, я отчаянно стремилась в Бандзу, Сухуми, Цирквали, Кутаиси, Тбилиси...

Алеша часто приезжал в Бакуриани, приезжали Акакий и Оля, Петя Бокерия, знаменитый тамада и оратор. Но спокойствию не суждено было долго длиться: на нас надвигался 1937 год ...

1937

Началась беготня по тюрьмам, поиски мужей, сыновей, братьев, матерей и сестер... Отныне мы все ночи проводили у тюремных стен – Метехской или губернской в Ортачала, лишь бы узнать: куда их перевели? Почему о них ничего не слышно? Куда исчезают арестованные?.. Ответ был нечеловеческий: «Без права переписки!» Время тащится, а мы – «без права переписки!» Нет конца нашему горю, но нет и надежд... И снова и снова мы собираемся у стен тюрьмы. Теперь мы решили проследить: может, выведут заключенных!.. Но куда там: примчался чекист и отогнал нас... Мы бродим по улицам, преодолеваем большие расстояния, еле стоим на ногах, в изнеможении садимся на тротуар, и снова идем к тюрьме. Начинает светать, но мы в который уж раз упрямо возвращаемся к воротам тюрьмы... А

здесь уже выстроилась очередь: пришел первый трамвай, из него хлынул поток новых несчастных, спешивших занять свою очередь. Наконец ворота открылись, и толпа ринулась в тюремный двор. Там, в маленьком окошке, кто-то незримый каменным голосом сообщает все то же: «Без права переписки». Мы стоим, одуревшие от усталости, бродившие всю ночь по разным дворам, и стеклянными, ничего не понимающими глазами смотрим на эти игры судьбы... Мы все – Маруся Дадиани, сестра Софии Мачавариани, жена Левана Коркашвили, весь род Кикодзе... Все мы словно объаты пламенем. Возле тюрьмы не разрешалось собираться, и нас гоняли, как собак... Вдруг, гляжу, бежит ко мне бледный, взволнованный Георгий и протягивает какую-то бумажку, на которой неграмотной рукой нацарапано:

Товарищу Масхарашвили.

Вам надлежит освободить вашу квартиру на ул. Дзержинского, 1, две комнаты, и переселиться в Театральный пер., 4.

Меня словно молнией пронзило! Вот, оказывается, что меня еще ждало. Собрались родственники, знакомые, многих из которых уже успели выселить из квартиры. Мы с Георгием тотчас же вернулись домой. Я только сняла было платье, чтобы переодеться, как в квартиру бесцеремонно вломились четверо мужчин. Один из них сказал: «Быстро освобождайте квартиру, она моя. Я доцент университета Зерагия».

Ошеломленная, стоя перед ним в одной рубашке, я говорю ему: «Подождите, дайте мне платье надеть!»

Зерагия, разозлившись, заорал: «Какое время одеваться! Быстрее!» Увидев холодильник, он предупредил: «Холодильник оставь! Он мне нужен!» Потом схватил хрустальную вазу для цветов и швырнул ее в ведро. У нее отломилась головка (ваза и поныне у меня сохранилась). Все, что попадало им под руку, они бросали в ведра, корзины, ящик... очень торопились. Я спешила связать в узел постель, меня колотило, душили слезы, я поняла, что все случившееся связано с судьбой Алеши, и что дело очень плохо, иначе чем же объяс-

нить это зверское ко мне отношение! В это время с работы вернулась Анико, супруга Петре Кавтарадзе, дочь Иллариона Лордкипанидзе. Увидев этот разгул, она буквально, взъярилась на этих дикарей: «Как вы себя ведете? Вам не стыдно? И вы мужчины после этого?» Нет, стыдно им не стало. Затолкав нас в машину, они привезли нас в Театральный пер., 4. Это была бывшая гостиница, в которой отведенная нам на проживание семиметровая клетушка когда-то служила коридором, где не было даже окна. Я постелила детям, отдельно Георгию и отдельно Татули. Для меня же места не оставалось, и я кое-как устроила себе «лежбище» на балконе, где спала целых три года. Зимой на мое одеяло падал снег, и соседи спрашивали меня: «Как ты это выдержишь?» Георгия и Татули, как «детей вредителей», исключили из школы на ул. Махарадзе, и пришлось им ходить в разные школы. Условия нашей жизни стали настолько нечеловеческими, что я подала жалобу в суд. Я писала, что невозможно жить с двумя детьми в семи метрах, без окна, и что я сплю на открытом балконе зимою. Придя в суд в очередной раз, я увидела таких же несчастных обездоленных женщин – выстроившись в очередь, мы ждали приема к Талахадзе. Успев заглянуть в комнату перед кабинетом, где сидел секретарь Талахадзе, я заметила нашего хорошего друга Ираклия Кавлашвили; его отец работал в Чиатуре адвокатом и был известен своей порядочностью. Ираклий, конечно, сразу узнал меня, но сделал вид, что мы незнакомы. И вот, не прошло и часа, как меня вызывают. «Пожалуйста, ваша очередь! – сказал Кавлашвили. – В прошлый раз вы не успели на прием и ушли очень взволнованной...» Так я попала к Талахадзе и рассказала ему о своей беде. Потом я узнала, что Кавлашвили попросил Талахадзе выделить комиссию для проверки условий жизни моей семьи. И в самом деле, вскоре к нам пришли с проверкой. Хорошо помню, как записывавший подробности обстоятельств обратил внимание на висевшую на стене фотографию, на которой мой отец в чохе сидит в кресле. «Кто это?» – спросил он меня.

– Мой отец!

– Не учился ли ваш отец в Кутаиси, в классической гимназии?

– Да, он там учился.

Я поняла, что Федоров тоже там учился, лицо его потеплело, и он застрочил с таким рвением, что стало ясно: составленная им докладная пробьет любую стену. Кроме того, в моем деле сыграло роль и то, что, оказывается, этот Зерагия не имел даже ордера на мою квартиру и вселился туда неофициально. Талахадзе уже в моем присутствии угрожающе сказал ему: «Ты хочешь на ее несчастье построить свое благополучие?» И, повернувшись к Габунии, приказал: «Немедленно пошли протест!» Осмелев, и я подала голос: «Завтра же выведу в Москву и отслежу это дело!» Вот какое добро сотворил для меня Ираклий Кавлашвили. Ведь если бы не смелость Ираклия, такой исход дела по тем временам был практически невозможен...

* * *

Но мы все еще в 37-м, и Алеша по-прежнему в тюрьме. Однажды вечером к нам пришел мой хороший знакомый Шота Букия и сообщил: «Вчера я поздно возвращался домой и вдруг увидел, что из наркомата ВД на грузовиках везут заключенных в сторону тюрьмы, среди них я увидел Алешу». На второй день в наркомате ВД мою передачу не приняли, и я помчалась в Ортачальскую тюрьму. Я побежала туда вечером, чтобы занять очередь на второй день. Там уже волновалось море людей, и грузовики то и дело выезжали, переполненные заключенными. Многие говорили: «Зачем мы тут стоим, если заключенных вывозят!.. Но теснота в очереди была такая, что из толпы невозможно было выбраться. Так мы и простояли там до вечера следующего дня, добираясь до тюремной форточки. Неожиданно объявили, что передачи не принимаются, разрешено лишь передать своим заключенным по 50 рублей. Но когда я подошла к форточке, денег у меня не взяли. Я решила, что Алешу той ночью увезли на Навтлугский вокзал. И мы все, женщины с распухшими ногами, валившиеся от усталости, голодные, устремились в Навтлу-

ги. Там сообщили, что несколько часов назад два эшелона ушли в направлении Ростова. Вокзал был буквально усыпан множеством бумаг. Мы подумали, возможно, заключенные оставили свои фамилии, перерыли и обшарили все что можно было, но ничего там для нас не оказалось. И я решила поехать в Ростов. На второй день я запаслась продуктами, положила привезенный Алешей из Саратова тяжелый кожаный тулуп, подбитый овчинной шерстью. В Ростове я спросила вокзального чиновника, не пришел ли из Грузии эшелон с заключенными. Тот с удивлением посмотрел на меня, но я объяснила ему, почему я приехала, и он, видимо, пожалев меня, шепнул, что в двенадцати километрах от этого места на берегу Дона стоят два эшелона. Как я прошла это расстояние, я уж и не знаю, но прошла с тяжелым грузом в руках. И увидела, что из окошек глядят заключенные. Я стала громко спрашивать, нет ли среди них Алеши Масхарашвили... Заключенные выкрикивали имя Алеши, и оно уже начало эхом передаваться из одного вагона в другой! Прохожу вдоль нескольких вагонов, зову Алешу, зову моих братьев: «Симон, Шота, Володя Дадиани!..» Но караульный, услышав меня, не позволил мне идти дальше... Он крикнул, чтобы я немедленно ушла, и я действительно испугалась – вдруг он выстрелит, и Алеша увидит!.. А дома меня ждут дети...

* * *

Надо признать, что в эти безумные дни и годы нашлись и те, кто проявил ко мне участие. Иначе вряд ли мне бы удалось вырастить детей и довести до сегодняшнего дня!.. Более того, меня неожиданно поддержали и должностные лица, оказавшие мне существенную помощь! Разве забудешь поступок Коте Цимакуридзе, тогдашнего наркома финансов, близкого родственника моей золовки Анички! В том 37-м году, во время ареста Алеши, какой-то чекист, армянин, проявил удивительное благородство: во время обыска он заметил нашу совместную с Алешей сберкнижку и незаметно накрыл ее пап-

кой, так, чтобы никто не увидел. И он спас наши сберкнижки. Я понимала, что денег мне из Алешиной сберкнижки никто не выдаст, но Коте, узнав об этом, совершил подвиг — это в 37-м-то году! Он вызвал в наркомат Татули и всю сумму, которая указывалась в сберкнижке, полностью передал нам. Это было чудом при моей тогдашней нужде, и одному Богу ведомо, как эти деньги спасли тогда нас...

* * *

Мы снова у тюремных ворот. Никто из нас так ничего и не узнал о судьбе наших заключенных, хотя мы с раннего утра подпирали тюремные стены.

В толпе горемычных некий Асатиани, у которого были арестованы сыновья. По всем признакам было видно, что это интеллигентный порядочный человек. И вот что он нам говорит: «Вы же видите, что делается, никакого просвета, езжайте в Москву и пошлите депеши на имя Берии, напишите, что вы приехали в Москву и надеетесь узнать что-то о ваших близких!..» Мы словно встрепенулись, обрели надежду, подхватили эту мысль и решили ехать. Я продала Публичной библиотеке 45 томов Британской энциклопедии за 2500 рублей. Тогда это были хорошие деньги. И в этом мне помог наш уважаемый Симон Джанашиа. Со мной поехала моя подруга Надя Кейгелух, у которой были арестованы два брата. Поехали еще две женщины, одна была из Чиатуры, фамилию я не помню, и армянин, знавший Асатиани.

Детей я оставила на попечении Анички и Ваню, заботились о них и мои друзья Нина Оцхели, Марико и Бидзу.

Один том из Британской энциклопедии все еще оставался у Симона Джанашиа, поэтому кассирша Лена Жужунадзе не могла дать мне денег полностью. Симон вернул этот том, однако я не успевала отнести его в Публичку. И мы договорились с Лизико Мачавариани, тещей Джано Багратиони — я оставляю ей доверенность, она вручает библиотеке оставшийся том, а ей выдают эти 500 рублей, которые

Лизико должна послать мне в Москву «до востребования»... Хотя я пока даже не знала, у кого можно остановиться в Москве. Но Надя Кейгелух предложила мне пожить в семье художника Журули, она лишь беспокоилась, как бы они не узнали, что мой муж арестован, и мне пришлось бодриться...

Встав с утра пораньше, я сказала Наде: «Пойду на главпочтамт, может, Лизико мне денег выслала».

– Я тоже пойду, может, на телеграмму Берии есть ответ...

И мы как обычно подошли к заветному окошку. Неожиданно в окошке показались два человека. Спросив мою фамилию, они попросили паспорт и дали мне бумагу, на которой было написано:

«Прием к начальнику ВД Берии вам назначен...»

Там же, на главпочтамте, мы встретились и с приехавшими с нами товарищами по беде. Оказалось, что, кроме меня, еще двое из них получили приглашение на прием – армянин и грузинка. Надя не получила ответа и была страшно встревожена. На второй день мы с ней отправились в комендатуру ВД. Мимо нас прошли две женщины и мужчина, с виду вполне к себе располагавшие. Я спросила их, как попасть на Лубянку? Мой вопрос их несколько рассмешил: «Вообще-то туда легко попасть!» – ответила женщина и показала мне дорогу.

И вот я на Лубянке, мне дают пропуск, и после долгого ожидания какой-то сотрудник записывает мой ответ на вопрос, с какой целью я приехала в Москву. Немного спустя меня принял Бахчо Кобулов. «Будьте всегда дома, мы вас вызовем», – сказал он. Сидим мы с Надей и напряженно ждем. Действительно, за мной приехал человек с Лубянки, мне дали пропуск и повели наверх по лестнице. Началось долгое ожидание, потом меня принял сотрудник, попросивший подробно объяснить цель моего визита в Москву. Я сбивчиво начинаю рассказывать ему: «Ищу мужа, не знаю, где он, меня выселили из квартиры, я с двумя детьми живу в семиметровой клетушке, в бывшем коридоре гостиницы, без окна, старший брат сослан, не знаю, где он, ищу его...» И все! Мой рассказ записан, он дает мне

проводящего, и меня везут домой на машине...

Мы с Надей спали в одной постели, и я в ухо нашептала ей все подробности того дня. Вскоре меня снова вызвали, со мной поехала Цинуки Дадиани, но осталась ждать на улице. Получив пропуск, я поднялась наверх к Бахчо Кобулову. Он сказал, что Берия примет меня: «Когда мы получили вашу телеграмму, мы искали вас у всех Дадианов, живущих в Москве». Он назвал Лену и еще нескольких. «Не думала, что столько Дадианов осталось в живых», – заметила я. Кобулов рассмеялся и снова, но уже в подробностях, стал выяснять цель моего приезда. «Товарищ Берия непременно примет вас!» – обещал он. В назначенное время Цинуки снова пошла со мной, мне дали пропуск, и я вошла в большую комнату. Встретившая меня женщина сказала по-грузински: «Присаживайтесь, пожалуйста!» Это была секретарша Берии, Вардо Максимелашвили... И вот я сижу одна в большой комнате, в голове пронесется тысяча мыслей... проклинаю себя... не стоило мне приезжать... там я избежала ареста, а тут сама, по своей воле, явилась в это логово... нате, арестовывайте меня... а дети?.. Сижу в этом недобром месте, вокруг подозрительно застыли книжные шкафы, и вдруг... раскрылся один из шкафов, оттуда вышел человек с бумагами – Петре Шария, правая рука Берии. Меня охватил жуткий страх. Прошло какое-то время, показалась грузинка: «Пожалуйста!» Я прошла две комнаты и вошла в третью. За столом сидела «змея в очках» и еще двое русских с ромбами. Берия тоже был с ромбами, только не помню сколько их было. Там был и Бахчо Кобулов, а за спиной у Берии стоял Надарая. Я его сразу узнала: это был тот, кому я в окошко тбилисской тюрьмы передавала передачи для Алеши...

– Зачем вы приехали? – спросил меня Берия.

Я ответила:

– Ищу мужа после ареста, я не знаю, где он находится... арестован и мой брат, Бондо Дадиани.

Сказала ему и о квартире. Но при упоминании имени Алеши, он холодно заметил:

– Ваш муж – английский шпион, и мы ничем не можем ему помочь».

Я жестко возразила:

– Английским шпионом его сделали Штепа Каулинь и Корвин (это были следователи Алеши, латыши, людоеды из самого опасного отделения – «контрреволюция»).

У меня на груди висел маленький медальон с изображением Шота Руставели. Берия заметил его: уж не пришло ли ему в голову, что я буду носить на груди изображения людоедов?..

– Кто это? – спросил Берия.

– Шота Руставели!

И я вспомнила, что в сумочке у меня фото моих детей, Георгия и Татули, и показала ему их фотографии.

– Хорошие ребята, – заметил Берия. – Им требуется хорошее воспитание и образование для общества, для государства, а у них нет никаких условий для этого...

– Меня выселили из двух комнат общей площадью в 22 кв. метра, и дали семиметровую клетушку без окна, это коридор бывшей гостиницы...»

Повернувшись к Бахчо Кобулову, Берия приказал:

– Свяжись с Рапава, пусть ей вернут ее квартиру. Я сказала, что дело по моей квартире в кассационном порядке переслано в Москву.

– Ну, здесь мы поможем», – ответил он. Потом неожиданно спросил:

– А ваш отец, Коки, чем он занимается там?»

– Откуда же мне знать!

– А если кто-то из ваших братьев тайно проникнет в нашу страну, как вы поступите в таком случае?

Я ответила: «Пока мои братья доберутся до меня, вам уже будет об этом известно... Уверена, что наши границы хорошо охраняются».

Берия посмотрел на Кобулова, потом снова повернулся ко мне:

– Должно быть вы нуждаетесь?»

– Это неважно, – ответила я. – Мне важно и нужно знать, где нахо-

дятся мой муж и мой брат.

И он повернулся к русским:

– Вот, такая молодая, а всякий год у нее в тюрьме то муж сидит, то один брат, то другой!» И снова ко мне:

– Наверное вам нужны деньги, мы вам поможем!

Неожиданно поднявшись, я сказала:

– Я не беру денег у моих родных братьев!

И повернулась, чтобы уйти.

– Вы, пожалуйста, бросьте ваши княжеские гордости, – с сильнейшим мингрельским акцентом остановил он меня. – Сад мидихар? (Куда ты собралась? – груз.) Кто вас отпустил?

И вдруг меня оглушило: «Ведь меня сейчас арестуют!..» А он говорит своим:

– Такой может быть только мингрелка!

Я непроизвольно сделала пару шагов, тронула рукой стол, где он сидел, и остановилась: мне не хватило дыхания, внезапно хлынули слезы – то, чего бы я меньше всего желала... не хотела, чтобы они видели мои слезы... Берия сказал Кобулову: «Проводи ее». Выйдя за дверь, я сразу упала в кресло. Присевший рядом Кобулов стал меня утешать: «Успокойтесь, вы же сами слышали, как вас похвалил товарищ Берия».

– Я сюда приехала не за аттестацией, приехала найти мужа и брата!

– Вы ведь слышали, что сказал товарищ Берия, а насчет брата – а насчет брата, скажу, что он велел мне доставить его в Москву и освободить.

Слезы душили меня, я задыхалась, вышла полумертвая. Но слезы беспрерывно текли, и откуда только они брались? Надя, утешая меня, плакала вместе со мной.

* * *

На второй день я выехала в Тбилиси. На вокзале меня встретил

мой брат Демна, Володя Алибегов и еще несколько близких людей. Увидев Володю, я удивилась. При том, что он был нам очень близок, я все же удивилась. Дети были здоровы. Через три дня ко мне пришли мои близкие родственники, и один из них, Пухули Дадиани, сказал мне:

– Должен сообщить тебе дурную весть... – скончался твой отец, Коки.

Это был удар! Отцу было шестьдесят лет, и я все еще надеялась увидеть его. Я очень болезненно пережила его кончину, и все родственники, до единого, приходили со своими соболезнованиями. Знавшие его люди любили его, он производил впечатление не только чертами своего характера, он был очень хорош собой, добр и обаятелен. Соседи удивлялись: «Откуда столько родственников? Весь Тбилиси приходит!..»

Серги Эристави и Букула Микеладзе сорок дней носили траур по моему отцу и не брили бороды. Именно в это горестное для меня время моих детей исключили из школы. Это была лучшая показательная школа, известная как школа № 14, где работали такие педагоги как Нино Боцвадзе, Шалва Долакидзе, Тамара Геловани-Гегечкори... Да и все учащиеся были как на подбор, все из образованных семей – именно такое духовно богатое общество уничтожали большевики, и, пожалуй, не нашлось бы семьи, где не было арестованных. Работала простая схема: родителей убирали, детей отправляли в приют, мебель со всем имуществом присваивали... И эта схема по уничтожению прошлого, более того, памяти о прошлом, действовала безотказно... В какой-то степени это удалось. Именно из таких семей и были ученики школы № 14 на улице Махарадзе, одноклассники Георгия Реми и Леви Сикинчилашвили, да и многие другие. Властям пришлось в голову не держать этих опасных юнцов вместе: Георгия перевели в школу на татарском майдане, а Татули – в другую школу.

Однажды ко мне пришла преподавательница из школы, в которой учился Георгий, представилась как сестра Коли Ревазидзе, нашего близкого знакомого. Она сообщила, что Георгий написал на доске:

«Долой русский язык!»

– Боюсь, чтоб его не арестовали, немедленно пойдите к директору, но только не называйте меня, не губите! Не говорите, что я была у вас! – и она заплакала: «Господи, вам еще этого не хватало, в каком положении вы живете! Как вы только умещаетесь здесь?»

Я сказала, что в комнатке спят дети, а я на балконе...

Не теряя времени, я побежала к директору школы, бросилась к нему с мольбой, со слезами. Вошла к нему в кабинет и учительница. Не знаю, что тогда помогло, но дело замяли.

* * *

Однажды Татули вернулась заплаканная. Ее учитель географии, Климентий Нодия, зять наших друзей Кикодзе, обвинил Татули в том, что она то ли не то сказала про фотографию Ворошилова, то ли не так на нее посмотрела. И я бросилась к Кикодзе: им удалось привести в себя этого разбушевавшегося с виду интеллигента – ведь он подставлял Татули под неминуемую беду!.. Так в тревогах и страхах прошли три зимы, которые я провела все на том же открытом балконе, где на меня по-прежнему сыпал снег, а соседи все так же спрашивали: «Как ты это терпишь?»

По соседству со мной жила семья Сванидзе, их дочь Тамара работала в КГБ машинисткой. Она приходила домой поздно, печатала списки расстрелянных. Чтобы попасть к себе, ей надо было пройти по балкону мимо моей постели. Я обычно просила ее: «Тамара, не могу согреться, накинь на меня что-нибудь». И она выносила мне на постель подушку. И хоть работала она там, у нас с ней сложились добрые отношения, она жалела меня, да и мать ее, родом из Сурами, была доброй отзывчивой женщиной.

* * *

По совету друзей – да я и сама понимала, что другого выхода нет – я решила снова отправиться в Москву и узнать, что там с моим квартирным делом. Я все еще носила траур по отцу, и отправилась в Москву вся в черном, с длинным шарфом, спадающим от шапки во всю длину на спину. Наконец, через несколько дней я попала к Кобулову. На вопрос о моем брате Бондо он сказал: «Скоро мы его освободим, он уже здесь, на Лубянке». Об Алеше – ничего... Сказал только, что они прочли в газете о моем отце некролог... Этот некролог был напечатан в грузинской газете парижской эмиграции.

Я сказала Кобулову, что мой квартирный вопрос все еще не решен, и вот уже три года я продолжаю спать на открытом балконе... «Непрременно поможем!» – снова обещал Кобулов. Вернулась я домой с разбитым сердцем: на работу меня никуда не берут, хотя и мелькнула слабая надежда по квартирному делу, но – когда? И неожиданно я снова почувствовала заботу: ко мне пришли Симон Джанашиа с супругой Мартой. Увидев условия, в которых мы жили, они страшно забеспокоились. Не прошло и нескольких дней, как уважаемый Симон помог мне устроиться в библиотеку Музея Грузии. Какое же это было счастье: вокруг – книги, книги, книги... Рядом хорошо знакомые милые люди – Магито Накашидзе, сестра Нино Накашидзе, Тамара Гогоберидзе-Андроникашвили (теща Зураба Церетели, мать Инессы), Гено Тушишвили, Ирина Дилевская, Лали Торошелидзе... Директор библиотеки – Шалва Чхетия. В самом Музее собралось лучшее общество – девять человек из сектора Чубинашвили. В рукописном отделе работали Чито Шарашенидзе, Илья Абуладзе, в отделе ботаники – Лиза Кикодзе, геологи, зоологи, и все как на подбор. А ведь мне надо ехать в Москву по квартирному вопросу, но как? Я ведь только приступила к работе!.. И я попросила Лизико Мачавариани поехать вместо меня. Лизико без слов отправилась в Москву, где ее встретил брат Анико, Георгий Илларионович Лордкипанидзе. Он в это время жил в Москве и постоянно следил за моим квартирным делом, поэтому с готовностью сопровождал Лизико. И вот,

спустя какое-то время, я, наконец, получила долгожданное решение Верховного суда – вернуть мне квартиру по ул. Дзержинского, которую захватил математик Зерагия. Ему было приказано освободить квартиру и вернуться обратно в Театральный пер. № 4. В это время в суде работал Гела Гардапхадзе, сын Нестора, которого расстреляли еще в 1924 году, тогда же, когда расстреляли Мушни и Отара Дадиани. Гела послал пристава с исполнительным листом, и Зерагия тотчас же выволокли из квартиры. Но его не унимавшаяся подлость заранее вылезла из душонки: он изрубил топором и изуродовал все стены, выдернул покрывавший пол линолеум и изрезал его на кусочки – знаковая модель красного университетского профессора!..

Стоял второй день марта 1940 года.

* * *

Я принялась наводить в квартире порядок и создавать уют для себя и своих детей. В 1941 году, когда была создана Академия наук, Симон Джанашия в который раз не забыл позаботиться обо мне и перевел меня из Музея в Академию на должность делопроизводителя Президиума Академии наук.

Академия находилась напротив моего дома, работа была очень интересная и давала возможность постоянно общаться с известными личностями. И все было хорошо и спокойно в нашей наладившейся жизни, если можно считать таковой жизнь без Алеши...

Но вот и пришло 22 июня 1941 года. Георгия как призывника взяли в армию, но как сына «врага народа» отправили в Баку в рабочий батальон на черные работы. Вместе с ним там оказались и его однокурсники, такие же «дети репрессированных врагов народа», как и мой Георгий.

«Черные работы» оказались адскими, строили аэропорт и работали голодными по 18 часов в день.

Но вот аэропорт построили, и военную часть, где служил мой Георгий, направили из Баку через Тбилиси прямо на фронт. Попав

в Тбилиси, Георгий успел забежать домой: оказалось, что он подхватил дизентерию в тяжелой форме, с температурой до сорока. Я поспешила на Навтлугский вокзал, где стояла военная часть Георгия, и умолила начальника части провести Георгия через врачебную комиссию, чтобы оставить его в военном госпитале, – дело почти безнадежное. Оказалось, что в этой комиссии работает однокашник Георгия Леван Тевдорадзе. И он нам очень помог, как помог и незнакомый седовласый врач, бывший председателем комиссии... Много лет спустя, вижу в Сионском храме, кто-то молится перед иконами. Лицо этого человека показалось мне знакомым, и я спросила его, не был ли он в такое-то время военным врачом. Я не ошиблась: это был он, тот самый, спасший от гибели моего Георгия. Так нам удалось оставить больного Георгия в тбилисском госпитале.

И надо же было случиться, что врачом в этом госпитале работал свекор Ниты Табидзе, воистину «божий человек». Он каждый день приносил из дома в госпиталь еду для тяжелых больных, а специально для Георгия – диетическое питание. Во время войны, в голодные годы, такая помощь больным была бесценной. Я, конечно, готовила для Георгия дома, да и близкие и родные принимали участие, что и помогло его спасти. Это было очень трудное время, когда нельзя было достать самые необходимые для существования продукты. Георгию давали на работе какой-то паек, и он делился с нами. Помнится, в те дни наш давний знакомый Датико Джапаридзе, бывший тогда врачом-отоларингологом, дал мне свою продуктовую карточку, так называемый С.П. (специальный паек). По этой карточке я могла получить на выбор порцию супа или кашу из крупы, но надо было выстоять в длинной очереди. Однажды писатель Джаджу Джорджикия, увидев меня в этой очереди, громко сказал с присущим ему юмором: «Ты все никак не растаешь со своим дадианством, тебе и раньше готовили обеды другие, и теперь продолжают готовить!..»

* * *

Дети моей кормилицы, жившие в Бандзе, настойчиво звали меня приехать к ним на какое-то время с детьми, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Мы с Татули и Георгием поехали и повезли кое-что из одежды, чтобы выменять ее на фасоль и кукурузную муку. Увы, моей кормилицы уже не было в живых, но ее дети очень обрадовались нашему приезду. Нас встретила Буца, жена Гриши, сына моей кормилицы, та самая Буца, которая и выкормила Татули. Мать четверых детей, она так привязалась к моей Татули, что даже клялась ее именем. Да и Татули называла Буцу не иначе как «нана» («мама» по мингр.). В доме напротив жила семья Георгия, второго сына моей кормилицы. Но в это время оба брата были на фронте. У Георгия было шестеро детей, самая маленькая, пятилетняя Лидико, постоянно бегала за своей курочкой, которую называла «Пихвия». Поймав ее, она бежала ко мне. Лидико глаз с нас не сводила, ласкалась и прижималась к нам. Перед отъездом я не спала всю ночь: я твердо решила взять с собой в Тбилиси этого ребенка и вырастить. Я сказала об этом Татули и Георгию, и они с восторгом поддержали меня. Мои дети успели полюбить маленькую Лидико, которую мы долго называли «Пихвия». Я подправила и перешила свой связанный жакет, чтобы было в чем увезти ребенка. И мы уехали. Георгий достал один билет в международный вагон, а для себя купил в общий. Когда Лидико вошла в вагон, она растерялась от изумления, не сводила глаз с зеркал: «Как такое может быть, откуда берется вода? Как же вода приходит сюда?»

Лидико страдала рахитом, к тому же прихрамывала: в младенчестве, сестра, державшая ее на руках, уронила ее, и у ребенка повредилась шейка бедра. Я отвела ее к известному специалисту Михаилу Цхакая. Осмотрев девочку, Цхакая назначил время, чтобы вправить ей шейку без хирургического вмешательства. В назначенный день наш президент Нико Мухелишвили дал мне машину, и его водитель Ваган Хачкованян привез нас в больницу. Лидико сделали анестезию, и профессор Цхакая вставил ей выпавшее бедро. Выйдя из

операционной, он распорядился: «Сделайте снимок!» Взглянув на снимок, он с удовлетворением потер руки и произнес: «Превосходно!» Меня провели в палату, где моя малышка в гипсе все еще спала. Проснувшись, она меня позвала, называя кратко: «Мами» (от «мамида», сестра отца, – груз.). У нее начался бред: «Почему я столько времени в бане... подними меня... вытри меня, я мокрая...» Потом позвала Георгия, он подошел, приласкал ее, она вцепилась ему в волосы и снова просит: «Вытри меня... я мокрая...» Я всю ночь просидела у ее постели, а через два дня мы привезли ее домой. Лидико должна была носить гипс три месяца. Гипс долго не высыхал, начался зуд, сильно беспокоивший ребенка. И я придумала, как облегчить ее страдания: замочив в одеколоне вату, оборачивала ею линейку, а затем, просовывая под гипс, осторожно обтирала раздраженные места. Это успокаивало малышку. Наступило время показать ее профессору. Он осторожно разрезал гипс и сказал персоналу: «Смотрите, как она ухожена!» Похвалил и поблагодарил меня. Но он снова, хотя уже на два месяца, наложил гипс, и этот период Лидико перенесла легче. Пролетели и эти два месяца, и мы снова повезли ее к профессору. Он и в третий раз наложил ей гипс, но совсем на небольшой срок.

В моей комнате было большое окно с широким подоконником, выходившее на улицу Дзержинского. И я вот что придумала: положила на подоконник матрац, на котором Лидико весь день могла лежать на чистом воздухе и разглядывать улицу. Ну, и мы с детьми ни в чем ей не отказывали. Спустя время мы ее крестили, и крестил ее сам католикос-патриарх Калистрате Цинцадзе. Крестными были я и Тина Гоциридзе. Католикос-патриарх привязался к Лидико, как мог, баловал ее, сотрудники Академии наук задаривали ее игрушками, да и друзья Татули и Георгия проявляли к ней внимание.

Еще во время войны Президиум Академии наук раздал своим сотрудникам участки в Караязи. По субботам мы отправлялись туда на большом автобусе мотыжить кукурузу. Спали мы на полу в помещении нашей опытной станции, а с утра пораньше отправлялись на

участки, где работали до вечера. С нами трудился и академик Георгий Ахвледиани, да и многие научные сотрудники, поэтому кто-то из молодых остроумцев заметил: «Здесь вырастет кукуруза в галстуках!» Пришло время собрать урожай, и я получила со своего участка восемь пудов кукурузы, разложила ее дома в комнате у детей, где она заняла много места. В это время к нам зашел Ваню, муж моей Анички, отец Тинико. Глянув на все это кукурузное великолепие, он печально покачал головой, в глазах его стояли слезы...

* * *

В годы войны наш католикос-патриарх Калистрате Цинцадзе заметно бедствовал. Я решила сообщить об этом Нико Кецохели, и он пожелал навестить его. Сказав об этом католикосу и получив от него согласие, мы с Нико Кецохели посетили Святейшего.

После нашего визита, Кецохели позвонил своему брату Шахро, работавшему тогда в совнарком. В результате католикос Калистрат получил карточку по снабжению, по которой он ежедневно мог приобретать продукты. Я была счастлива, что мое участие в этом благородном деле оказалось успешным.

МАРТВИЛИ

1946 год, 19 августа (по ст. ст. 6 авг.). Преображение.

В этот день, пришедшийся на понедельник, я побывала в Мартвильском монастыре. Жужу Сартания, дочь кормилицы моей Татули, позаботилась, чтобы меня сопровождала уборщица местного отдела здравоохранения, Элисабед, ставшая моим гидом. Элисабед росла при моей бабушке, была крещена моим дедом и осталась работать в их семье. Увидев меня, она много плакала, вспоминая, как водила меня за ручку, и многое напомнила мне из далекого прошлого. Все услышанное от Элисабед имело для меня важное значение, хотя и светлые воспоминания причиняли душевную боль: очень

тяжелым оказался конец жизни моих родных. Мы поднялись на пригорок, откуда открывался дивный вид, уходивший за горизонт, а Элисабед все продолжала говорить о трагических событиях своей жизни, о смерти своих детей, мимо домов которых нам пришлось идти. Неожиданно перед нами возникла монастырская ограда. Я подошла к воротам, опустилась на колени и в День Преображения вознесла молитву Богородице.

Элисабед принесла монастырские ключи, и мы с благоговением вошли туда, где покоились мои предки. Пока она ходила за ключами, я осматривала храм снаружи. Но когда мы вошли внутрь, я удивилась: храм порастил меня своей неожиданной величавостью – громадный и торжественный, построенный с блистательным мастерством, он являл собой искусство зодчества, достигшее высшего уровня. Мне захотелось осмотреть каждый камень, каждую линию, резьбу и орнамент этого заброшенного и забытого великолепия. Меня словно вели пробудившиеся, неизведанные мною доселе чувства... Возможно, то было сильнейшее воздействие рассказанных женщиной историй о погубленных жизнях, что перенесло меня в те времена... Преклонив колена перед фамильной усыпальницей моих предков, я с волнением смотрела на находившуюся на самом видном месте могилу Давида Левановича Дадиани, на удивление с прекрасно сохранившейся надписью:

ВЛАДЕТЕЛЬНЫЙ КНЯЗЬ МИНГРЕЛИИ

ДАВИД ЛЕВАНОВИЧ ДАДИАНИ

Родился 26 января 1813 года

Скончался 30 августа 1853 года

А вот надпись на следующем камне:

АНТОН ДАДИАНИ

Скончался в 1852 году

А этот камень поставил я, владетельный князь

Мингрелии Давид Дадиани

Затем:

СЫН ДАВИДА ДАДИАНИ АНДРЕЙ
Камень поставила сестра его, Саломе,
Принцесса Мюрат

АНДРЕЙ ДАВИДОВИЧ ДАДИАНИ-МИНГРЕЛЬСКИЙ
1850-1910

Далее: СЫН МТАВАРА ЛЕВАНА ДАДИАНИ ГРИГОЛ
Генерал-адъютант
1814-1901

ЕПИСКОП ВИССАРИОН, СЫН НИКОЛОЗА
1832-1900

Отдельно в маленькой часовне:

КНЯЗЬ ЭЛИЗБАР ГЕОРГИЕВИЧ ДАДИАНИ
Камень этот поставила я, супруга его княгиня
Софья, дочь Цулукидзе
(год не указан)

В той же часовне:

Генерал-майору и кавалеристу
НИКОЛОЗУ ГЕОРГИЕВИЧУ ДАДИАНОВУ
Камень этот поставили сыновья его
Георгий, Бессарион, Петре и Павле Дадиани
(год не указан)

В храме до нас в прекрасной сохранности дошла только могила Левана Дадиани. Крыша, фрески, окна были сильно повреждены временем и проливными дождями...

В Мартвили я встретила с Ваном Георгиевичем Квеквечия. Бывший лакей Георгия Шарвашидзе, Ван служил ему двенадцать лет, он появился у моего деда, когда тому уже было шестьдесят лет, и был с ним до самой его смерти. Георгий Шарвашидзе скончался в феврале 1918 года в Сухуми. Смерть наступила внезапно: дед стоял, смотрел в окно и вдруг упал. Вызвали доктора Григолия, но дед уже был мертв. В его сухумском доме было шестнадцать комнат.

Теперь Ван Квеквечия живет в Мартвили, в чистом прибранном доме с садом, полным фруктовых деревьев. Когда я пришла, его не было дома, меня встретила дочь Вера.

Я помнила еще молодого Вану в чохе, но увидела сильно изменившегося старика в давно побитых солдатских ботинках и старых, шитых-перешитых брюках. Ему было семьдесят восемь лет.

Когда Жужу сказала мне: «Да вот же он, Ванико!», – не поверила и даже спросила его: «Ты Ван?» Внезапно он приосанился, как в былые времена, в годы его лакейской службы, молодежато выпрямился, подтянулся и опустил руки: «Да, госпожа, это я!» В наше время подобное почтение можно увидеть только у солдата, отдающего честь своему командиру.

Я подала ему руку и спросила: «Вано, ты помнишь меня? Я Бабуся!»

Он почтительно взял обеими руками мою руку, склонился над ней и поцеловал. Потом снова, сановито выпрямившись, спросил: «Госпожа княжна Бабуся, как вы?»

Мы сели с ним в мартвильском саду, и я попросила его рассказать мне все, что он помнил про деда. Вот что сказал Вану:

– Он был очень привязан ко мне, и я тоже привык к нему, я ведь знал и помнил все его привычки, знал, к примеру, когда он собирался в поездку, сколько чего и как ему складывать на дорогу. Если он собирался в гости в нашей стране, он непременно брал с собой резино-

вый таз и резиновое ведро. По утрам он рано вставал, я поливал его холодной водой, а он вертелся под брызгами, как форель, и тер тело большой мочалкой. Госпожа княжна, я ему всегда говорил: «Князь, не простудитесь!» Он отвечал: «Не бойся, это закаливает здоровье!» И всякое утро так мылся. Потом завтракал, а после завтрака уходил в кабинет, писал и читал... Вы же помните, моя княжна, какая это была большая комната, и все стены были заполнены книгами.

– Ваню, – спросила я, – скажи, нет ли у тебя чего-то из написанного им? Я дам тебе денег, только отдай мне, если что-то есть!

– Кто мог знать, уважаемая княжна, кто мог знать? Столько у него было написанного... Весь его стол был завален бумагами, и стол, и шкаф... Пока мы князю Коки дали депешу, многие успели подобрать, кто что смог... И Тата Маршания и Володя Шарвашидзе, а потом я уж и не знаю, кто что взял... После князя мне уже ничего не хотелось, и я отправился в деревню...

– Ваню, пожалуйста, вспомни еще что-нибудь! – попросила я. Он сказал: «Когда скончался Боратынский, князь отправился в Петроград и взял меня с собой. Мы жили в гостинице. Деньги обычно были у меня. За все гостиничные расходы и за все другое расплачивался я. Князь не требовал с меня отчетов, разве что в год раз... Какие это были дни, уважаемая княжна, какие дни, каких людей я встречал!.. И вот, где я теперь...» И он называл тех, кого встречал в той своей жизни – Бессариона Хоперия в Поты, Чхотуа в Зугдиди, Квариани в Тбилиси, и многих, многих других. «Спросите у них бумаги князя, они должны быть у них, потому что они всегда бывали у нас, все что-то обсуждали, говорили о литературе... Он очень торопился в Бандзу, к княгине Тамар, любил охотиться на перепелов... Очень любил те места...»

* * *

В 1946 или 1948 году, не помню точно, меня перевели в отдел терминологии Института языкознания, которым заведовал Вукол

Беридзе. Мы работали над толковым словарем грузинского языка. Зарплата была небольшая, нуждались все, но как-то жили.

Институт давал нам дополнительную работу для составления пояснительных карточек для словаря. Платили две, иногда три копейки. Татули и Георгий помогали мне в работе, и все, что мы вырабатывали, я получала вместе с зарплатой.

Война закончилась, и мы вроде бы перевели дух. Но покоя у меня не было: то и дело меня вызывали в это отвратительное заведение, спрашивая одно и то же о моих родных, живших в Париже. В особенности они интересовались моей сестрой Мией.

Как-то утром Георгий сказал мне: «Какой-то человек глаз не сводит с нашего окна». Я выглянула – некто в галифе, с виду типичный шпик. Я торопилась на работу и не успела выйти на улицу, как этот тип подлетел ко мне: «Идите вперед, но со мной не заговаривайте, я пойду за вами».

– Но у меня ключи от кабинета президента Нико Мухелишвили, мне надо передать их.

На самом деле никаких ключей у меня не было: я, как безумная, вбежала в комнату, где сидела Наташа Кикодзе (сестра Геронтия Кикодзе) и быстро сказала ей: «Наташа, меня забирают, присмотрите за моими детьми!..» Наташа схватилась за голову, а тип сделал мне знак, мол, пошли, и потащил меня в это проклятое (чтоб оно сторе-ло!) заведение, где было пролито столько слез. Он дал мне пропуск и повел вверх к какому-то следователю. Тот заставил меня долго ждать: то и дело открывались двери, заходили-выходили люди, смотрели на меня. Просидела я часов пять-шесть. Потом смотрю, кто-то сел за стол, и, строго посмотрев на меня, выдавил: «Ну, рассказывайте теперь, чем там занимается ваша сестра с американцами...» На подобные вопросы ушло много времени, и когда я оттуда вышла, рабочий день уже заканчивался. Некоторые сотрудники, не знавшие в чем было дело, увидев меня недовольно бурчали: «С утра тебя не было, что же ты сейчас явилась?» О том, что произошло, знали те близкие, кому доверилась Наташа Кикодзе, и они сразу меня окру-

жили... Но я поспешила домой, где мои обеспокоенные дети ждали меня в тревожном напряжении.

1951 ГОД

А сегодня я собралась идти на похороны брата Нико Бердзенишвили. Из нашего института будут многие. Денег на хлеб нет, но обед я приготовила. Мне уже неловко занимать у сотрудников, разве что иногда у нашей кассирши, добрейшей Ксении Богдановой. Денег она, конечно, даст, но как обычно, печально заметит: «Все берешь, а как зарплата придет, так нечего будет получить». Еще я всегда могу брать у Нино Порфирьевны Бараташвили, заведующей нашей библиотекой. Об этой женщине стоит сказать особо. Нино – истинная аристократка. Ее родители похоронены во дворе Кашветской церкви, справа от главных ворот перед лестницей. На их могиле стоит большой памятник. Я взяла у нее 30 коп. и кинулась купить хлеба для детей... И не успела выйти, как слышу – меня зовут. Это были Нато Вачнадзе и Коля Шенгелая. Они тоже собрались на похороны, и мы пошли вместе. Я была в хорошем настроении, мы шутили, смеялись, я даже сказала: «Непонятно, куда идем, на похороны или на свадьбу!..» А дома дел у меня осталось невпроворот, да и постирушка ждала, но Татули сказала: «Завтра постираешь, ты уже устала».

29 декабря Татули готовилась сдавать кандидатский минимум по марксизму-ленинизму, стол был завален книгами и конспектами. Недавно она перенесла воспаление легких, была еще слаба, и мы решили в тот день пораньше лечь спать. Но слышались чьи-то шаги на лестнице, это пришли Медея Джапаридзе и Резо Табукашвили с маленьким Лашей. «Ты так и не навестила Лашу, вот мы тебе и привели его!» – сказали они Татули.

Медея и Резо жили на ул. Кирова, ныне Леонидзе. Они недолго пробыли у нас и вскоре ушли, но их приход внес какое-то радостное оживление... А ведь прошло совсем немного времени, как мы, уже находясь в казахстанской ссылке, в комнатке, непохожей на че-

ловеческое жилье, перебирали наши наспех закиданные в чемоданы вещи. Неожиданно в этой груде вещей мелькнул носочек маленького Лашика, что нас сильно разволновало...

Мы уже спали, когда в дверь постучали. Это случилось 25 декабря 1951 года. Было три часа ночи. В комнату вошли чекисты и несколько военных. Первым делом они бросились к Георгию и скрутили ему руки. Сперва я подумала – никак, он что-то натворил! Но Георгий сразу все понял, да и мы... Русский военный посмотрел на часы, сказал: «Даю вам один час на сборы». И вдруг увидел чемодан, на котором лежал кинжал. Этот кинжал купили мне в подарок мои братья, Бондо и Дима. Они случайно увидели его в комиссионном магазине, заняли денег, купили и преподнесли мне. Кинжал был очень дорог мне, поскольку принадлежал когда-то моему деду Георгию Шарвашидзе, да и сам по себе он был ценной вещью. «Его брать нельзя!» – сказал русский. Грузины мягче вели себя. Один из них в сердцах проговорил по-грузински: «Ах, какую семью разоряем!» Повернувшись ко мне, он вдруг произнес: «Возьмите себя в руки (а я изо всех сил старалась держаться), в Навтлуги вы увидите около пятисот таких, как ваша, семей...» Хотя я бы предпочла, чтобы таких было поменьше... Они помогли связать багаж. Я с трепетом обернула свои иконы в чистые наволочки, но Георгий остановил меня: «Мама, ты не перенесешь, если они потеряются!» Он резко рванул с тюфяка покрывало, запихнул туда все фотографии и иконы. А чекист сказал про Лидико: «Это не ваша дочь! Ее надо вернуть родителям!» «А вы у ребенка спросите!» – ответил Георгий. Но Лидико обняла меня: «Я с вами поеду!..» Когда нас начали выводить из квартиры, я взмолилась: «Татули лежит с воспалением легких, оставьте ее!» Но какое там! Вынесли наш багаж – то, что было разрешено взять с собой, из соседей же к нам никого не подпустили. Этажом ниже жила семья из нашего села, глава семьи Ражден Эсебуа, дед Татули Долидзе, был наш добрый друг. Конечно, они бы поспешили к нам, но нас так ловко вывели, что те даже не услышали. Дочь Цисаны Эсебуа вышла замуж уже после нашей высылки, и, родив девочку, назвала ее Тату-

ли, в честь моей дочери... Но шум услышали другие соседи, Григорьяны, и всей семьей выбежали во двор. Несмотря на грозное предупреждение не подходить, женщина бросается ко мне, сует деньги, я решительно отказываюсь брать, но она, плача, впихивает мне их в карман. Ее сын, Гриша, совсем еще мальчик, успевает подбежать к машине и быстро спрашивает меня: «Кому сообщить?» – «Улица Грибоедова, 24, там живет моя племянница Тина, скажи ей, только тихо, у нее мать больна, не знаю, как она это перенесет...» Но кто дал договорить! Послышалось грозное: «Скорей! Скорей!» Нас спешно погрузили в грузовик и помчали на вокзал в Навтлуги. Жуткая картина предстала нашим глазам, несметные толпы, грузовые машины. Кто-то увидел меня и крикнул: «Бабо, снова ты?..» Это был врач Датио Тевзадзе, он был со своей семьей.

На станции стояли два длинных эшелона, наверное, вагонов по шестьдесят в каждом. Когда нас затолкали туда, я увидела, что это не вагоны, а теплушки, предназначенные для перевозки скота, потому и воняло. Спать будем на нарах. Плач, крики, отчаяние. И безысходность.

Снаружи шумел народ, но к теплушкам не пускали, наш поезд окружил 8-й полк. И все же, были и те, кто, проявляя жалость, по возможности пытались помочь найти своих: «Пройдите через кольцо, идите, передайте!..»

Эшелон стоял в тупике, поодаль от Навтлутской станции на кахетинской трассе. Неожиданно я увидела в этом скоплении мою Тину Гоциридзе и других близких. Они обнимались, кричали и плакали. Я тоже стала кричать и звать их. Мое горе стократно усилилось оттого, что в эту страшную пучину были втянуты мои дети, Георгий и Татули, у малышки Лидико был затравленный вид... Лучшее, что могло случиться со мной – это умереть, умереть и не видеть кошмара вокруг. Да провались я к черту, только б дети не видели такого!.. И вот стоят эти два эшелона среди плача и криков, один напротив другого, стоим мы, запертые снаружи железным засовом, в холоде и в темноте до 9 вечера. И вот еще – когда наконец, эшелон

тронулся и отошел от станции, люди, собравшиеся на кахетинской трассе, пошли за поездом. Я не знаю, откуда они прибывали, но все упорно шли и шли за нами, уже едущими. Они бросали в окошки деньги, одежду, теплые вещи и шли и шли за эшеленом, плакали и кричали нам вслед слова утешения... Как описать эту картину!.. К тому же, оказывается, снаружи на вагонах были растянуты красные плакаты с надписью: ДОБРОВОЛЬНО!.. Четырнадцать дней и ночей шел наш поезд, успев обогнуть северный Казахстан и доставить нас в южный. А морозы крепчали и достигали 40 градусов. В пути, во время остановок, двери с лязгом открывались, и нас выпускали по нужде, – спасибо за это доброе дело нашему проводнику Саруханову. Хотя в теплушках и стояли параша, но пользоваться ими было затруднительно и неловко. В одном вагоне нас набилось тридцать пять человек, теснота страшная, мало того, что вагоны были холодными, вдобавок дуло изо всех щелей. Одежда, которыми мы утепляли стены, покрывались тонкой наледью, и когда мы пытались их снять, на стенах оставались куски ваты. У Татули осложнилась простуда и вернулось воспаление легких. К счастью, в нашем эшелоне оказался врач, Нодар Цинцадзе, давний товарищ моих детей, из одной школы с Татули. Нодар обеспечил ее лекарствами и всю дорогу заботился о ней. В вагоне имелась чугунка, но топить ее было нечем. На каком-то полустанке наши мужчины увидели раскиданный уголь в огромном количестве, бери – не хочу! Конечно, они притащили, а вернее украли столько угля, сколько успели. И мы, худо-бедно, грелись возле чугунки, но стоило отойти от нее, как мерзли...

В соседнем вагоне ехал Гурам Габашвили с матерью Мариам Габашвили. Гурам и мой Георгий были близкими друзьями, а теперь оказались в одной беде. По соседству ехала семья Кокоши Чхатарашвили – его мать, супруга Нора Лордкипанидзе с ангельски красивыми детьми Темуром и Мариной. Оказывается, когда той ночью 25 декабря за ними пришли, Кокоши в Тбилиси не было. Он приехал следом, с большим трудом отыскал свою семью, и мы все вместе приступили к новой жизни в этих чудовищных условиях.

В другом вагоне, чуть подальше от нашего, ехали Вера Габлиани и бабка Маношки Мирианашвили и Гулбата Давиташвили. Она была не просто глубокой старухой – ее, лежащую больную, притащили на носилках. Сам Гулбат приехал из Франции вместе с теми «французами», которых обманом выманили в Грузию, после чего отправили в Среднюю Азию. Гулбат был хореографом и успел поставить в нашей опере прекрасный детский спектакль. В ночь высылки он находился в Баку, поэтому выслали его мать. При каждом удобном случае, когда эшелон останавливался и двери раскрывались, я старалась ее навещать.

Однажды на какой-то станции Гурам и Георгий услышали ожесточенный спор дежурного железнодорожника и нашего проводника-чекиста Саруханова. «Здесь интеллигенция, а вы хотите бросить их в пустыне, оставить их в самых безлюдных местах? Знайте, я не двину эшелон!» – с возмущением сказал ему Саруханов. Дежурный молча ушел и доложил об этом начальнику железнодорожного узла. И вот пришел приказ: «Передайте машинисту – пусть, согласно распоряжению, идет в самые незаселенные места». Так оно и случилось, и наш эшелон стал первым, попавшим в адские условия. А между тем из Тбилиси в ту ночь отправилось целых 18 эшелонов!

Итак, пробыв в пути все эти четырнадцать дней и ночей, наш поезд остановился в 6 часов утра. Лязгнули железные засовы, раскрылись двери, и мы вышли. Нас ждало множество грузовиков с железными цепями на колесах, – это означало, что предстоит осилить непролазные дороги. Мало того, помогать грузовикам должны были стоявшие в боевой готовности трактора, именно они должны были расчищать грязь на дорогах, чтобы грузовики смогли проехать через ухабы и рытвины. Сопровождавшие нас чекисты зачитали список фамилий и передали нас чекистам-казахам. Закончив сверку, нас погрузили в кузовы грузовиков. Татули, тепло закутанная, сидела в кабинке рядом с водителем: Саруханов, зная, что у нее осложнилось воспаление легких, посадил ее в кабину.

Нас распределили в колхоз Пахтаральского района в южнока-

захстанской области. Колхозу было всего два года со дня возникновения – здесь не было ни света, ни школы, ни почты. Контора, где трудились начальники, помещалась в маленькой хибарке, там же примостилось и почтовое отделение. Но многие из нашего эшелона попали в совхоз, где условия оказались лучше, чем в нашем колхозе, – у них там были деревянные полы в домах, и свет. Мы же почти четыре месяца прожили в крайне бедственных условиях, в землянках, где казахи держали коз. Коз убрали, но остались выпачканные козым навозом стены и мокрая земля под ногами. Пришлось сдирать с книг твердые обложки и с их помощью соскребать грязь со стен. Неожиданно пришли греки, высланные ранее из Сухуми и Батуми. Они обняли нас, успокоили, принесли нам хлопковые тростники и застелили ими землю.

На второй день нас вызвали в контору и дали подписать две напечатанные бумаги: одна гласила, что мы высланы «на вечное поселение», да и другая оказалась не более утешительной: «В случае побега нас ждет 25-летняя каторга». Трудно описать, что мы пережили! Георгий изодрал эти бумаги и швырнул в лицо чекистам: «Сперва скажите, за что вы меня выслали, а после я подпишу!» Я страшно испугалась, запаниковала, стала умолять Георгия: «Подписывай, иначе нас пошлют в разные места, тебя могут арестовать...» Но Георгий, потеряв самообладание, стоял на своем. Мы остолбенели от ужаса!

Вконец изнервничавшийся Георгий сказал мне: «Выходите отсюда, оставьте меня одного...» В это время подъехал «виллис», привезший какого-то чекиста. Войдя в комнату, он подошел ко мне и спросил: «Мамаша, чего вы плачете?» Я ему говорю: «Там сына моего могут расстрелять, он не хочет подписать бумагу на вечное поселение...» Положив мне на плечо руку, он спокойно произнес: «Мамаша, ничего вечного нет!» Его фамилия была Арисланов. Слова этого человека вернули мне разум и успокоение. За все время нашей ссылки эти слова стали мне опорой и придавали сил и надежду. Я никогда не забуду этого человека, это был хороший человек...

В нашей ссылке находилась мать Гиви Габлиани, она была в Гру-

зии известным педагогом, награждена Орденом Ленина – вот такая ирония судьбы! Арисланов приносил ей спрятанную под шинелью бутылку керосина – это было продление ее жизни...

А мы собирали хлопок, норма – 80 кг. в день, и все эти дни стояла невыносимая жара и засуха. Приходилось вычерпывать из канавы грязную воду с червями, выливать в наволочку и процеживать. Я послала Тине наш адрес и описала наше положение. Конечно, обо всем я писать не могла, боясь навредить (хотя неприятности ее не миновали). Наконец, спустя три месяца, пришла первая почта – ее привезли на верблюдах, ведь грязь лежала слоями, поэтому машины не шли. Как мы ждали известий из Грузии! И вот они, наконец, – письма, посылки, деньги... Несмотря на дикий сталинский режим и всеобщий страх, наши друзья и сотрудники не забывали нас, и все это время заботились о нас как могли. А какую самоотверженную преданность проявила наша Тина Гоциридзе, племянница Алеши! Близкие снабжали ее деньгами, продуктами, и она постоянно пересылала их нам. Но и этот кусок стал поперек горла нашим органам; Тину вызвали и грозно предостерегли: «Вы помогаете семье врага народа! Прекратите, иначе мы вас с вашими старыми родителями отправим к ним!..» А Тина им заявляет: «Да хоть сейчас и высылайте! Я буду о них заботиться!» И действительно, все те годы, ни наши друзья, ни сотрудники, не прекращали посылать нам деньги и продукты. Тина по-прежнему, не щадя себя, заботилась о нас и каждый месяц посылала нам всю свою зарплату, наша добрая, светлая Тина. Я любила ее как свою дочь, это она спасла от голода и гибели в ссылке моих детей и воспитанную мной Лидико Сартания, которую сама и крестила.

Месяцев через пять мы с помощью близких друзей перебрались в совхоз «30 лет Октября». Это был большой совхоз с четырьмя отделениями, и главное, там было много наших грузин. Весною нас увозили на машинах на хлопковые плантации, где мы пололи и мотыжили, в осеннее же время, до наступления морозов, собирали хлопок. Татули устроилась в конторе статистиком, до этого там работал Георгий,

он отдал ей свое место, а сам пошел в электрики.

К Татули поступали сведения из отделений с указанием количества хлопка, собранного каждым из этих отделений. При этом в количество веса добавлялись нули, и эти показатели, распухавшие затем в Алма-Ате, посылались в Москву. Ничего не зная об этом, Татули отправляла данные главному статистику и директору, а те уже пересылали дальше ложные показатели. Но случилось так, что однажды, когда не было на месте ни главного статистика, ни директора, а сведения надо было срочно передать, и Татули отправила их в том виде, в каком ей прислали отделы. Когда вернулся директор и узнал об этом, он пришел в ярость, орал на Татули и осыпал ее грязной руганью. Татули пришла домой заплаканная, никогда в жизни она не слыхала подобных слов...

В 1952 году в медпункте мне случайно попался на глаза маленький мальчик из Рачи. Хотя медпункт и назывался больницей, но ни лекарств, ни еды больные там не получали. К тому же это помещение зимою не отапливалось. Мальчику было лет восемь, он так ослаб от голода, что не мог стоять. Он был похож на скелет, и на него было больно смотреть...

Я взялась его опекать, написала об этом моей Тине и получила от нее посылку с витаминами и лекарствами. Трижды в день я ходила в медпункт кормить ребенка. Заботиться о нем стали и другие наши грузинские семьи – Габашвили, Чхатарашвили, Бакрадзе, Каландадзе – все они по очереди посылали через меня еду для мальчика. Через некоторое время его выписали, но он отказался жить с отцом, и я взяла его к себе. Нашелся и сосланный грек-священник, мы покрестили нашего Мэлора, но при крещении я назвала его Георгием, а он называл меня крестной матерью. Отныне мы вместе – я, двое моих детей, Лидико Сартания и наш рачинский мальчик – делили нужду и судьбу. Он прожил с нами все время до своего освобождения после смерти Сталина, поскольку сначала освобождали детей. И вот что особенно запомнилось: когда нашему мальчику дали документ, он вдруг сказал Татули:

– Ты поезжай по моему документу, а я останусь вместо тебя, количество ведь не изменится, и Павлов ничего не узнает...

Этот Павлов был комендантом-надзирателем, но поступок нашего мальчика многого стоил!..

После смерти Сталина мы получили кучу телеграмм от родных, друзей и знакомых: «Поздравляем с днем рождения!» Такие же телеграммы получили и многие наши, а на почте удивлялись: «Что это вы, грузины, все в один день родились?»

И все же положение наше отныне заметно облегчилось. Пошли освобождения: прибывал эшелон и группами увозил спецпоселенцев. Уже освободили многих наших близких – Чхатарайшвили, Габашвили, Варазашвили... Но неожиданно после ареста Берии что-то произошло: «наверху», по-видимому, решили, что все надо заново пересмотреть, поэтому наше освобождение затягивалось. Нам удалось переехать в город Чимкент, где мы сняли комнату в семье узбека. Там, в Чимкенте, случилось чудо: мы встретились с Адой Комнин, супругой Габо Ратишвили – давними друзьями еще с тех времен, когда наши родители были по-родственному близки. Поэтому встреча с Адой и Габо напомнила встречу Робинзона Крузо и Пятницы – это была неожиданная радость! И теперь наши с ними отношения продолжились в изгнании, далеко от родных мест, в чужом для нас Казахстане. И там же, в Чимкенте, нашу тягостную жизнь осветила еще одна радость: к нам приехал жених моей Татули, скульптор Тенгиз Гвиниашвили, приехал и увез мою дочь! По тем временам это был исключительный, героический поступок, ведь мы еще не были освобождены! Это стало совершенно особенным событием в моей тогдашней жизни, и, конечно же, мой зять заслужил отныне мое вечное преклонение и восхищение. И нас осталось в Чимкенте трое – я, Георгий и Лидико. И, конечно, с нами всегда были рядом Ада Комнин со своим супругом Габо Ратишвили.

Но надо же мне было именно в это время схватить болезнь Боткина. Георгий незамедлительно отвез меня в больницу. Она находилась далеко от нашего жилища, но он три раза в день приносил

мне еду. Он обошел весь город, чтобы купить необходимый для меня «Боржоми», пока наконец, какой-то добрый грек не помог достать его. Я очень тяжело перенесла болезнь, и, вернувшись домой, еще долгое время была слаба.

Сидим мы как-то с Георгием в саду – в Чимкенте был большой красивый сад, и вдруг, не знаю почему, я говорю: «Ступай до конца сада, а я пойду тебе навстречу, и сделаем вид, будто мы встречаемся, как знакомые». Георгий дошел до конца сада, повернул, чтоб идти обратно, и я пошла навстречу. Он, как знатный кавалер, молодежато щелкнул каблуками, почтительно произнес: «Здравия желаю, Варвара Николаевна!», и поцеловал мне руку...

* * *

... От Гурама Габашвили пришло письмо: «Бросайте Казахстан и приезжайте!» А мы все еще жили тогда в узбекской семье на улице Доласк. У нашего хозяина было девять детей. Вдруг пришло известие, что скончалась его мать, жившая в другом городе. Плач узбеков по покойному я могу сравнить только с мингрельским. На похороны отправилась вся семья, но старшего сына хозяин оставил приглядывать за нами. Ведь мы каждый месяц должны были отмечаться в комендатуре местного МВД, подтверждая, что пребываем на месте. А Гурам Габашвили удивлялся и спрашивал: «В чем дело? Разве вы не получили бумагу об освобождении? Не ждите документов, плюньте на все и приезжайте!» Должна сказать, что и в моей голове уже вертелась такая мысль. «Давай, сбежим», – говорю я Георгию. Георгий подхватил мое предложение, и мы ударили по рукам. Но все надо было держать в тайне, ведь мало ли что могло случиться в дороге, и тогда мы оба должны были отвечать за побег. Об этом мы признались только Аде Комнин, но она тяжело переживала расставание с нами и боялась за нас... Итак, Георгий, Лидико и я легли спать, укрывшись пальто. Георгий успел послать багаж контейнером, хотя и волновался, чтобы хозяйский сын не прознал об этом. Но, к счастью, того в это время

не было дома. «Мама, ты спишь?» – спрашивает Георгий. И Лидико подает голос: «Я тоже не сплю!» Мы никак не могли уснуть, заснули лишь к рассвету. Никогда не забуду, как проснувшийся Георгий, взглянув на часы, воскликнул: «Все, опоздали!» Время подходило к девяти утра, когда на улицах было полно народу. Схватив пальто, Георгий в одно мгновение буквально вылетел из дома и вскорости приехал на машине. Я наложила на ухо кусок ваты и обернула бинтом голову: «Я больна!» Мы сели в машину, наш «смотрящий» ничего не увидел, и мы помчались в Ташкент. В дороге Лидико стало плохо – она не выносит машину. Мы молча сидим, боясь заговорить, чтобы водитель не догадался, что мы грузины, да еще ссыльные. Но Лидико пришлось несколько раз выходить из машины, и Георгий, смеясь, сказал: «Гурам Габашвили писал – плюньте на все, но не блюйте!» Удивленный водитель спросил: «Вы грузины?» И мы без опаски продолжили путь в задушевных беседах.

В Ташкенте мы отправились к моему родственнику Мишико – ровно 31 декабря, под самый Новый год. Нас встретили замечательно, по-домашнему, что стало для нас преддверием возвращения на родину. На душе было тепло, и встреча Нового года прошла замечательно. Но сев в поезд, мы испугались – ведь у нас с собой не было никаких документов... Поэтому мы всю дорогу тихо просидели в своем купе, даже не выглядывая оттуда. Приехав в Москву, отправились к Казишвили, потом мы с Лидико поехали к Мирзоянам, а на второй день уехали в Тбилиси. Георгий взял билеты на поезд «Москва-Ереван».

– Почему не «Москва-Тбилиси»?.. – недовольно сказала я. – Ведь я только и думаю, что о Тбилиси...

– Других билетов не было! – ответил Георгий.

На тбилисском вокзале нас ждала масса народу: родственники, мои сотрудники, одноклассники Георгия, друзья, весь класс Лидико – ее тут же, с вокзала, потащили в кино. Обняв Татули, я шепнула ей, что мы сбежали. И мы отправились в нашу квартиру на улице Держинского № 1. Татули вернули ключи от квартиры в госкомитете, и мы вошли в опустелые комнаты. Моя золовка Аничка заранее принес-

ла стулья, обеденный стол купили сотрудники моего института, каждый понемногу принес самое необходимое... На второй же день мне надо было явиться в местное отделение МВД к Шургая. Шургая меня хорошо принял, но спросил: «Почему же вы не дождались получения документов?» И показал мне «молнию» из Казахстана:

Спецпереселенцев семью Дадиани-Масхарашвили арестовать и этапным порядком выслать обратно в Казахстан.

У меня подкосились ноги, и Шургая увидел перед собой побитую жизнью женщину со следами болезни на лице. «Вы болели?» – участливо спросил он. Я сказала: «Да, болезнью Боткина... Мне было очень плохо, я решила не ждать документов, чтобы не умереть там, я хотела умереть на своей земле, в Грузии...»

«Успокойтесь, дорогая, вам нанесли столько ударов, что мы решили помиловать вас, только подпишите эту бумагу». Меня как громом сразило: не иначе, как они предлагают мне сотрудничать с ними! Надо или покончить с собой, или вернуться в этот Казахстан на вечное поселение... Но в бумаге было написано, что я не имею права без разрешения МВД покидать Грузию! Переведя дух, я сказала: «Если вы сами меня не вышлете, я из Грузии и шага не ступлю». Шургая засмеялся.

* * *

Я, конечно, отправилась в свой Институт языкознания, где работала до ссылки в Казахстан, но директор принял меня холодно, ни словом не обмолвившись о моем восстановлении. Для меня это стало сильным ударом. Тогда я решила обратиться к секретарю райкома. Я записалась к нему на прием и пришла в назначенный день. Смотрю, в приемной сидит знакомый, который тоже пришел на прием. Увидев меня, он прикрыл лицо газетой – не вижу, мол, газету читаю!.. Он даже поздороваться со мной испугался, отчего у меня сердце захолонуло... Ведь если уж близкий знакомый опасается со мной здороваться, чего же мне ждать от секретаря райкома! Пожалуй, пойду-ка я отсюда, – но в это время меня вызвали: «Ваша очередь, пожалуйста!»

Я несмело открыла дверь и вошла в кабинет. Навстречу мне поднялся секретарь райкома Датико Чхиквишвили и не просто поднялся, а подошел, обнял и сказал: «Как же вы настрадались, дорогая Бабо!..» Чхиквишвили работал у нас в Академии наук и помнил меня еще с тех времен, а о его благородстве говорит то добро, которое он сделал для меня. В моем присутствии он позвонил президенту Академии наук Нико Мухелишвили и сказал: «У меня сидит Бабо Дадияни-Масхарашвили, она вернулась из ссылки, надо бы восстановить ее на работе, я вас прошу, пожалуйста, сообщите мне об исполнении...» Вот и все – и продолжилась прерванная ссылкой моя работа.

Человеческое сознание, искореженное режимом страха и насилия, помутнело и изменилось. Многие остерегались общаться с носителями клейма «врагов народа», опасались – мало ли что! – лишний раз поздороваться, поговорить, с такими как наша семья, – страх разедал мозги, и ничего с этим знаменем времени не поделаешь – что было, то было! Однажды директор нашего института вызвал меня в кабинет и в резкой форме предложил: «Напишите заявление об уходе с работы!» Я с вызовом ответила: «У меня двое детей, третья – удочеренная, и ее мне растить и воспитывать! Я не уйду по своему желанию! Если это так необходимо, то вы сами и пишите приказ о моем увольнении!» Но он не нашел мотивации согласно закону о труде...

Помню и такое: в большом зале Академии наук шла сессия, на которой должны были присутствовать все сотрудники, мест в зале почти не было. Рядом со мной оказался свободный стул, и к нему поспешил наш сотрудник, член партии. Он присел, оглянулся, но, увидев меня, сорвался с места, отбежал и прислонился к дверям. Бедняга перепугался соседства со мной, посчитал, что оно крайне опасно!..

Но помню и такое: мы все – сотрудники института – были на панихиде у сослуживца. Стояла сырая осень, был поздний холодный вечер, хлынул дождь. А на мне – матерчатые полотняные туфли. «Как же на улицу-то выйти?» – с тоской подумала я. В это время ко мне подошел Тамаз Гамкрелидзе и предложил: «Калбатона Бабо, не уходите, я вас доведу до дому на машине...» А ведь вокруг было немало сотрудников с машинами, но только Тамаз Гамкрелидзе проявил благородство. Он

довез меня до дому, вышел из машины и ждал, пока я войду в подъезд... Такое не забывается.

* * *

Годы проходят, один за другим, но прошлое стоит передо мной, словно это было вчера... Как-то мы с моим Алешей ехали в Батуми. В пути какой-то англичанин (и откуда он тогда взялся!) обидно и оскорбительно выразился о грузинах, Алеша, не выдержав, влепил ему оплеуху. Англичанин выстрелил в Алешу, мы тогда едва его спасли!.. Свидетелем этого случая стал брат жены Нико Мухелишвили, Тер-Микаэлян. После этого он при каждой встрече с нами с восторженным одобрением вспоминал этот поступок Алеши... Но кто мог знать, что меня ждало в будущем? Оказывается, меня, еще совсем молодую, ждали аресты, и снова аресты, аресты, ссылки, самые страшные слова, которые говорят человеку: «БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ!» Когда я, в поисках супруга, поехала в Ростов, когда я металась от горя и бегала от одного эшелона к другому, третьему и громко звала его по имени, когда я всучила какому-то арестанту теплый тулуп, чтобы он передал Алеше – а вдруг он с ним встретится? – я, обезумевшая, не знала, что мой Алеша уже расстрелян... Ведь сказали: «Без права переписки!»... Расстреляли моего любимого деда, моих дядей...

Мой брат Бондо Дадияни ждал исполнения смертного приговора в камере смертников. Неожиданно к нему зашел его бывший друг, работавший в то время по части арестантских камер. Он сказал: «Я хочу выполнить твою последнюю просьбу!» И дал ему возможность в последний раз повидаться с женой и детьми. Приговоренный к расстрелу Бондо вернулся в камеру в точно оговоренное время. В последний момент его спасла присланная из Москвы бумага о помиловании за подписью Энукидзе... На самом деле, надежда – она цепляется за невозможное, и я это понимаю. Ведь по законам древних афинян из-

гнание из отечества и смертная казнь считались равновеликими наказаниями. Злые времена дважды «удостоили» меня этой участи.

* * *

Но вот ушел в прошлое сталинский режим и, казалось, все вроде бы изменилось. Я начала переписываться с мамой Мери. Вскоре я получила от нее приглашение приехать, но вышестоящие органы мне отказали. Тогда я села, написала и отправила в Москву пространное заявление, написала о диком насилии, исковеркавшем мою жизнь и жизнь моих родных... Я сообщила, что получила реабилитацию, что в Париже живет моя семья – восьмидесятилетняя мать, брат и младшая сестра, что другой брат живет в Америке. «Ведь после смерти Сталина открылись пути и дороги, – писала я, – очень многие ездят в Париж, и многие из них уже побывали в гостях у моей матери. Почему же мне не разрешают выехать? Прошу разрешить мне выехать и повидаться с моей семьей, которую я не видела вот уже сорок пять лет...»

Спустя какое-то время меня вызвали в КГБ и спросили: «Почему вы послали жалобу в Москву? Заполните анкеты, подготовьте все необходимые документы и вы получите право на выезд в Париж...» Меня раширало от радости, и можно только представить, с каким рвением я занялась сбором нужных документов. Из Москвы пришло разрешение и в 1963 году я впервые отправилась в Париж. На вокзале меня встречали Георгий и Мия... И вот мы подъехали к дому. На лестнице стояла мама Мери в накинутой на плечи красной шали. Она ждала меня целых сорок пять лет... Той, первой, ночью мы почти не спали. На второй день отправились на кладбище к отцу... И вторая ночь в Париже была горькой и бессонной. Ну, а после начались «вождения» по достопримечательным местам Парижа. Все парижские грузины стремились оказать мне особое внимание и даже составили список очередности, кто и когда окажет мне прием. Мы без конца говорили и говорили с мамой Мери, вспоминали Кутаиси, Ртищевскую улицу в Тбилиси, где сыграли мою свадьбу. Однажды мама Мери,

Георгий, Мия, Люси пригласили всех живших в эмиграции близких, друзей и знакомых, – пришли сорок шесть человек, и мы провели незабываемое время.

В Париже я повидалась с Мери Шарвашидзе, известной как «Мери Галактиона». На самом деле была другая история, о которой я вам поведаю.

Я написала – «Мери Галактиона» – но в действительности она никогда не была «его» и не стала бы, ибо была из совсем другого круга, в который Галактион не смог бы попасть (ее супругом был великолепный Гутуша Эристави, к сожалению, умерший вскоре после эмиграции). Но не в этом дело. Галактион и не пытался приблизиться к ней, да это и не нужно было ему. Мери, сама того не ведая, дала поэту самое главное – вдохновение. Высокая, прекрасно сложенная, с медовыми глазами, она выглядела обворожительной и величавой, что впечатляюще сочеталось с скромным и мягким нравом. Внешность ее была поистине неотразима, даже император, не сдержавшись, однажды сказал ей: «Грешно быть такой красивой!..» У меня сохранилась фотография, на которой Мери снята в одежде фрейлины: на ней бархатное платье бордового цвета, на груди – бриллиантовый шифр, свидетельствующий о статусе фрейлины.

Известно, что в Грузии было несколько дам, претендовавших на роль «Галактионовой Мери». Великий поэт даже не старался убеждать кого-то из них. Когда я спросила Галактиона об этом, он улыбнулся, погладил бороду и ответил: «Как они мне надоели, эти докучливые дамы! Приходится заверять каждую: «Конечно, тебе я посвятил «Мери»! Но, видит Бог, что это стихотворение я бы никому не посвятил, кроме вашей Мери!»

Галактион впервые увидел Мери в Кутаиси во время ее венчания с Гутушей Эристави. Мери же, как я уже сказала, его вообще не знала. Однажды Ладо Гудиашвили сказал мне, что Галактион дал ему фотографию Мери и попросил написать ее портрет. И Ладо написал его в своей манере, но Галактион, увидев портрет, ужаснулся: «Нет, это не моя Мери!» Кроме того, что мы с Мери родственники со стороны

Шарвашидзе, мой отец, Коки Дадияни, был шафером на ее свадьбе. Сама же Мери была подружкой на моей с Алешей свадьбе, она с особой любовью вспоминала эти два счастливых дня, и даже писала мне об этом из Парижа...

В Париже я узнала, что сын адмирала Макарова, погибшего во время русско-японской войны, был безумно влюблен в эту роскошную женщину. Перед своей кончиной он завещал ей пять тысяч долларов – большие деньги по тем временам...

В последний раз я виделась с Мери в Париже в 1982 году. Она проживала в доме для престарелых в двух удобных комнатах, с великолепным уходом и личной помощницей. Мери ушла из жизни в 1987 году, до конца сохранив ясный рассудок и память. Она была все так же неисчерпаемо прекрасна – ей было 97 лет...

О кончине Мери я сообщила нашему Католикос-патриарху Илье II, отслужившему в Сионском соборе панихиду по ней. Вот так, далеко от Франции, в Тбилиси, Грузинская церковь позаботилась о ее душе...

Но это будет после, а пока я продолжу свой рассказ о моем первом пребывании в Париже. Я пробыла там три месяца. За это время я получила столько любви и тепла, столько заботы от своих родных и друзей, словно они старались возместить своим отношением пережитые мною кошмарные годы. И, конечно же, наперебой облачали меня в лучшие одежды, дарили множество подарков, водили на приемы... Это нежно-трепетное ко мне отношение проросло из трагедии семьи, разделенной, разлученной стараниями изуверов-деспотов, превративших насилие в инструмент своей политики... Я побывала в семьях «дочерей буров» – Ирины и Наташи Багратиони, в другой раз меня принимали в семье Амилахвари (дочери Базорки Амилахвари – супруги киноактера Кински)... И вот, однажды утром из Сан-Франциско прилетел повидаться со мной мой младший брат Свимон, Симоника, и в тот же день, в три часа дня прилетел старший брат Михаил (Бучу), и в тот же вечер прилетел из Лондона мой деверь Виссарион Масхарашвили... Все это ошеломило меня, казалось невозможной сказкой! Мои братья, которых я не видела на протяжении очень долгого времени... И вот они передо мной, и все это произошло

в один день... Полвека и один день... Никакими словами нельзя передать мои чувства, когда я обнимала каждого из них...

* * *

Достоверное описание прошлого необходимо так же, как и ожидание будущего. Ведь я сама бывала частым свидетелем того, как искажались подлинные факты, и я восставала против этого, как могла... Нередко и ныне приходится опровергать ложные вымыслы, и писать об этом.

Однажды в газете «Колхская диадема» (от 2 апреля 1991 года) было опубликовано известие о том, что некой престарелой религиозной женщине Марте, не пропускавшей ни одного богослужения, предложили стать епископом, но она отказалась! Но кто и когда мог предложить женщине стать епископом? Начиная с 1921 и по 1927 год Патриархом Грузии был Святейший и Блаженнейший Амвросий Хелая; с 1927 по 1932 год – Христофор Цицкишвили, с 1932 по 1953 гт. – Калистрат Цинцадзе. Так, когда и при ком, могло иметь место столь невозможное и недопустимое предложение для православной христианской церкви? Но женщину, о которой пишет корреспондент, я знала. Это была Марта, мать Лаврентия Берия – в высшей степени набожная дама. В то время нас было всего пять или шесть женщин, не пропускавших богослужение. В те времена в храме нельзя было увидеть ни одного мужчины. Марта старалась быть незаметной для окружающих, она обычно одиноко стояла в углу с опущенным головным убором – лечаки. Она редко говорила, а если уж к кому-то и обращалась, то это были мы, все те же давнишние члены паствы, Нино Лоладзе и я. Я была тогда молодой, и Марта относилась ко мне с сочувствием, она жалела меня, зная, что вот уже два года, как арестован мой супруг, что у меня на руках остались двое детей без крыши над головой. Марта говорила: «Мне жаль тебя, но я ничего не могу сказать Лаврентию, нет у меня на это права... Молись, молись и проси Господа, Он поможет...»

Однажды, по-видимому, в состоянии сильнейшего душевного волнения, она босой явилась к Католикосу Калистрату, желая отмолить свои и чужие грехи... Свидетельницей тому стала Анфиса Цинцадзе, племянница Католикоса, которая и поныне служит в Сионском соборе певчей... Мне в мои 88 лет, одной из старейших членов Сионской паствы, все еще нередко вспоминается скромная и богобоязненная Марта с ее трагической судьбой – быть матерью палача.

* * *

Теперь мне хочется лишь одного – провести оставшиеся дни в покое и благополучии, наслаждаясь детьми и внуками. Я помню вынужденную разлуку с Татули, когда страшные обстоятельства разлучили меня с ней на целый год, и я отправила ее к кормилице в Бандзу. Через год мои дорогие Нана Миная и Мосе Сартания привезли ее в Тбилиси. Мне был тогда ровно двадцать один год... Пролетка остановилась у нашего дома, и я увидела Татули. От бешеной радости меня начала бить дрожь... Вот она, моя загорелая, упитанная Татули, с блестящими озорными глазками, очень шаловливая... Георгию было уже три года, он сидел на коврикe среди игрушек. Татули с удивлением смотрела на этих игрушечных знакомцев, ведь она каждый божий день видела их в деревне живьем...

Наша семья живет теперь спокойно и благополучно, в полном ладу с совестью и гражданским долгом. Я горжусь своими детьми – они выросли замечательными людьми. Скромность, порядочность и благородство, присущие Георгию и Татули с ранних лет, сформировали их и наложили отпечаток на всю их дальнейшую жизнь, и я часто задаюсь вопросом – затягивает ли время раны? Не знаю, да и кто может знать!.. Но сегодня я утомилась, сильно болит рука... А как хочется полнее рассказать о трагедии поколений многих семей, о душевной боли и мудрости разума, но одолела бессонница...

Написано дождливой весной 1959 года.

НИКОЛОЗ (КОКОША) ЧХАТАРАИШВИЛИ

18.04.1915 – родился в г. Кутаиси.

1932-1937 – учился в Тбилисском индустриальном институте.

1938-1951 – работал главным инженером электросбыта энергосистемы Грузии и начальником электроинспекции.

1951-1953 – сослан в Среднюю Азию.

1955-1973 – работал в Тбилисском научно-исследовательском институте средств автоматизации и приборостроения заведующим отделом, а затем в должности главного инженера института.

1971-1991 – работал в Государственном Политехническом институте Грузии профессором кафедры автоматизации и вычислительной техники.

Скончался в 1991 году, похоронен в Тбилиси на Сабурталинском кладбище.

РАССКАЗ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

25 декабря 1951 года. Я приехал в Ереван на Всесоюзную конференцию энергетиков. Нас из Грузии четверо делегатов. Утреннее заседание окончено, объявлен перерыв до вечернего заседания после обеда.

Мне тридцать шесть лет, я главный инженер энергосистемы энергостанций и начальник электростанции. Мы с главным диспетчером «Грузэнерго» Колей Гагнидзе, успев пообедать, сидим с армянскими коллегами, зашедшими к нам в номер. Открытие конференции и радушный прием, оказанный нам армянскими коллегами, произвели на нас, гостей, самое приятное впечатление. А впереди Рождество, начало Нового года, и мы спешим домой, где полным ходом идет подготовка к празднику: мама небось суетится, дети успели украсить рождественскую елку, супруга пришла с работы и включилась в семейные дела... А мы тут с коллегой, главным инженером «Энергосбыта Арменэнерго», обсуждаем тезисы моего доклада, проблемы увеличения коэффициента мощности энергосистемы и сокращения потерь.

Коля Гагнидзе предлагает отдохнуть, до начала вечерних заседаний остается час. Меня позвали к телефону: диспетчер «Арменэнерго» сообщает, что меня вызывают на селектор для срочного разговора, машину за мной выслали, и мне, не откладывая, надо срочно ехать... Я ничего не понял: непохоже, что это вызов с работы, тогда бы вызвали главного диспетчера, Гагнидзе, ведь всего лишь пара дней, как я приехал из Тбилиси, что же могло случиться? Я испугался, кинулся в вестибюль, а там навстречу нам идет Марья Араколова с звездой «Героя Труда» на груди (в те времена немногие имели такую награду). «Ты куда? Я к вам в гости пришла». Коля Гагнидзе объяснил ей ситуацию, и Марья предложила мне свою машину. Мы воспользовались ее любезностью, но в голове у меня мелькали тысячи мыслей – дома что-то произошло, кто-то заболел!..

Но вот и диспетчерский пункт, где на громадном щите управления светятся индикационные лампочки. Дежурный диспетчер, уви-

дев меня, вызывает по селектору Тбилиси. Я жду разговора с женой, – она инженер и тоже работает диспетчером электросистемы, но нет! – слышу чужой голос. Со мной говорит Тамара Кетелашвили.

– Что случилось, Тамара? Где Нора?

Тамара с трудом выговаривает:

– Батоно Николоз, вашу семью забрали...

Речь прерывается всхлипом. Я ору в микрофон:

– Куда?! Кто забрал?

– Не знаю... вчера ночью...

– Дети?

– Всех, и вашу маму, Нору, детей, говорят, в Сибирь или в Среднюю Азию...

Я пытаюсь восстановить состояние, овладевшее тогда мною. Прошло более тридцати пяти лет, но я все еще помню, что меня терзал только один вопрос: «Почему? Зачем?»

Я оглянулся вокруг, не заметив, как столпились люди – Коля Гагнидзе, управляющий «Арменэнерго» Периханян, главный инженер Тер-Акопов, кто-то еще... Помню, что все участливо смотрели на меня, но вдруг я почувствовал себя словно отчужденным от них, в каком-то ином измерении...

– Помогите мне, я должен спешно ехать, – сказал я главному инженеру. Он был намного старше меня, одно время был хорошим футболистом, играл в бакинской команде. Он обнял меня, и я почувствовал исходившее от него искреннее тепло.

– Сию минуту все сделаем, через два часа уходит тбилисский поезд... Успокойтесь, наверное, это какое-то мероприятие, скорее всего, оно вас не касается. Крепитесь и успокойтесь, все будет хорошо...

За это время народ собрался на вечернее заседание, и когда я выходил из здания «Арменэнерго», я понял, что все уже знают о случившемся – одни смотрели на меня с участием, другие отводили глаза, как бы – «от греха подальше».

Проводил меня на вокзал только Коля, ни на минуту не оставлявший меня, пока поезд не тронулся. Я смотрел из окна, как он стоит

на освещенной лампами платформе, над которой, смеясь над моей судьбой, во всю длину протянулось красное полотнище с лозунгом: ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЙ!

Этот лозунг провожал мой поезд, а я со своим непрочитанным докладом прощался со своим прошлым.

В купе я оказался один. Тогдашние «международные» деревянные вагоны были другие – вдоль двух спальных мест во всю ширину тянулись зеркала. Увидев в зеркале свое отражение, я поразился, настолько чужим оно мне показалось: на меня смотрел другой человек, растерянный, ставший меньше ростом. Меня охватила гневная печаль из-за собственной неполноценности. Это ощущение долго не отпускало. Оно исчезло спустя время, когда я нашел свою семью в Голодной степи Казахстана, когда охватившая меня ярость разбудила во мне того, прежнего, и толкнула меня на решительные действия, вернув прежнюю уверенность, – не потому ли, что моим родным так нужна была моя помощь? Но теперь, сливаясь с ритмом колес, душа вопила: «Зачем? Зачем? Зачем? Какое такое безумие могли совершить моя старая мать, супруга, мой девятилетний сын и дочка семи лет? Что, что они натворили? За что их, беззащитных, подняли среди ночи и потащили в неведомые дали? И вот я сижу в фешенебельном международном вагоне и спешу напасть на их след! Определенно, это я в чем-то виноват! Но в чем?»

Перед глазами поплыли картины моей жизни... Я вспомнил Батуми в 1921 году, когда я, маленький озорник, развлекаю взрослых чтением вызубренных стихотворений: «Свобода! Ты – пристань для народа...», хотя не знаю, что значит «свобода» и почему она – «пристань». Но одно было ясно: вокруг нескончаемая тревожная суета, кто-то приходит, кто-то уходит, ночами стреляют, говорят – это «погром».

Мой отец был директором банка, смутно помню, как ему сказали: «О чем ты думаешь? Видишь, страна разваливается, бери свою казну, и уедем, пока последний корабль не ушел!» Отец ответил: «Моя родина не разрушена, отечество мое здесь, и я его не покину!»

И поставил в банке вооруженную охрану во главе со Спиридоном Гагловым (который и потом работал с моим отцом)...

Наша семья жила тогда в помещении банка. Помню, как близкий нам Парфен Готуа, добрейшей души человек, отец писателя Левана Готуа, сказал моему отцу: «Молодчина, Евтихий, я и не ждал от тебя другого поступка. Я тоже должен вернуться в Тбилиси и сдать правительству отданные мне на хранение ценности», – и показал какую-то вещь. Она была похожа на красную звезду и украшена сверкавшими камнями. Помню, что мама зашила ему эту вещицу в подушку – «думку», и дядя Парфен отправился в Тбилиси. Спустя много лет он сказал мне: «Эта вещь как ценное сокровище хранится в государственной казне».

...Помню, что дело было ночью, с улицы доносилось мерное цоканье копыт, и отец поднял меня на руки, чтобы я мог смотреть в окно: безоружный военный, понурился голову, неторопливо ехал на белом коне.

– Наверное, дезертир! – сказал отец. – Видишь? Прямо перед нами площадь Азизие, где стоял гвардейский лагерь, теперь там пусто, а этот, наверное, один остался и возвращается домой.

– А что такое «дезертир»? – спросил я.

– Это человек, бросивший свои обязанности.

Немного помолчав, он, словно бы про себя, проговорил:

– Да и я оказался бы таким, если бы уехал на том корабле...

Почему это врезалось в мою память? Наверное потому, что я ничего не понял тогда, и долго поотом этого искал объяснения отцовским словам, ведь он для меня был, как и многие другие отцы для своих сыновей, кумиром: самый сильный, самый умный, самый любимый! Мое чувство и уважение к нему не ослабло и тогда, когда я уже мог объективно различать в любом человеке добро и зло. Откуда мне было знать, что его ждет трагическая участь, и он уже никогда не увидит, как возмужал его сын!..

Воспоминания той жизни наплывали фрагментами. В те годы наша квартира казалась мне огромным миром; она была частью

здания банка, и я бродил по этому пространству, чувствуя себя его повелителем. Я был одинок в своих иллюзиях, ведь одному моему брату было три года, а другому – несколько месяцев от роду. Все, что происходило вокруг меня, я представлял себе согласно своему тогдашнему мировосприятию. Потому-то мне и запомнилось именно то, что произвело сильное впечатление, казавшееся мне необъяснимым. Приведу два случая, разных по своей значимости. Первый. Завечерело, и моя молоденькая тетушка, сестра мамы, Веня, укладывала меня спать. Я капризничал, в это время в комнату протиснулся один из стражников банковской охраны, Мирза. Его движения показались мне странными, он словно кривляясь, протянул моей тетке туфли и сказал, что «отнял их у погромщиков». Но самое смешное – туфли оказались разными и по размеру, и по цвету. Все долго потешались над этим случаем, но отцу об этом не сказали. А я удивился: ведь смешно, почему же не сказать отцу? Второй случай: в доме начался шумный переполох, говорили, что в город вошла часть красных кавалеристов под командованием Жлобы. Они стали на постой в бывшем лагере гвардейцев, в конце площади Азизие, напротив здания нашего банка. Между банком и лагерем стоял минарет, откуда муэдзины обращались к мусульманам. В тот же вечер отец принимал у себя Жлобу. Помню накрытый грузинский стол, во главе – признанный тамада Леван Коркашвили, представители тогдашней батумской интеллигенции, долгие годы связанные с нашей семьей, и их имена навсегда остались в моей памяти. Думаю, что в тот вечер за столом сидели Григол Лагидзе, Мемед-бег Абашидзе, Какола Бараташвили, Нестор Беридзе, Кохта Магалашвили, Пармен Сабашвили... К сожалению, никого из них уже нет в живых, не у кого спросить о тех временах – их всех поглотил 1937 год!..

Но волнение сидевших за столом в тот вечер, их думы о судьбах родины, споры, их одухотворенный, возвышенный настрой – мне это было непонятно. Хотя я запомнил, что Жлоба произвел на гостей хорошее впечатление, особенно понравилась его речь в ответ на тост тамады. Но удивило меня другое: как только Жлоба вошел

в дом, он отстегнул саблю и вручил ее на хранение хозяйке дома – моей матери. Все потом говорили: настоящий рыцарь! Вообще наша семья с радостью приветствовала советизацию, и следующие годы быстро промчались. Отец считался по тем временам одним из лучших специалистов банковских и финансовых дел. Он учился в Петербурге и там же начал работать в фирме «СИМЕНС». Затем, по заданию акционерного общества, возглавил в Кутаиси организацию «Волго-Камского банка», став его директором. В 1921 году его назначили уже директором «Батумского центробанка». Потом ему поручили создание банковских предприятий в западных областях Грузии, поэтому мы переехали в Сухуми, где отец возглавил созданный им «Народный банк». Затем мы снова в Батуми, где отец возглавляет им же созданный «Сельскохозяйственный банк», потом ему поручают создать «Коммунальный банк», где он работает до 1932 года... Все это – годы моего детства и отрочества, когда я впервые пошел в школу. Эта школа, бывшая тогда «четырёхлетней», носила одно время имя Александра Мгеладзе, известного гуманиста и педагога, на уроках которого витал дух Якоба Гогешвили. В юности Мгеладзе был членом марксистского кружка «Месаме даси». Мне все еще слышится его теплый, проникновенный голос: «Фиалка опьянила и одурманила пеструю бабочку...». В шуточной форме он читает рассказ «Коза и Гиго», и торжественно, со сдержанным пафосом – стихотворение Рафиэла Эристави «Родина хевсура»!..

В тот период я стал посещать кружок «Шевардени», которым руководил Георгий Мерквиладзе. Я хоть и недолго посещал кружок, зато навсегда запомнил приветствие: «Служу народу!» – на что мы хором отвечали: «Всегда!» Это уже были годы 1924-1925-е. Мне более всего запомнились волнения в Грузии в 1924 году. Мы тогда поехали в Гурию, в деревню Шемокмеди к сестре отца тетюшке Маро отмечать ее именины в День Мариамоба – Успения Пресвятой Богородицы, и ждали гостей. Утром я проснулся от шума и услышал несколько выстрелов. Это сосед бежал за соседом и целился в него из ружья. Я слышу, как гуриец кричит гурийцу: «Остановись, Го-

гия, стрелять буду!» – «Вах! Не делай этого!» – не повернув головы крикнул в ответ Гогия, и одним махом перескочил через каменную ограду. Других баталий не последовало. Вечером женщины нашей семьи отправились в «Джвари», сельский центр, где в помещении церкви заперли сельских коммунистов, среди них сестру моего отца Паткулию и нашего родственника Колю Чхатараишвили. Мой отец был беспартийный, я помню, что он предупреждал соседей не поддаваться на провокацию. Войдя во двор своего крестного Эквтиме, воспитавшего его, и услышав его громкое «Христос Воскресе!», отец прочел ему нотацию и даже позволил себе рассердиться: «Одумайся, старик, что за бред ты несешь!» Этот Эквтиме Чхатараишвили не был нашим родственником, в свое время весьма состоятельный акционер, он оказал большую поддержку своему крестнику, моему отцу. Происходивший из заметно обедневших мелкопоместных дворян, отец рассказывал мне, как ходил из деревни в Озургети в школу в давно сношенных башмаках. И тут ему помог Эквтиме. Он отправил его сначала в Тбилиси, где отец окончил коммерческую школу, а затем в Петербург...

Ночью нас вместе с деревенскими женщинами, детьми и стариками спешно увели в лес от греха подальше. Отец же добрался до Батуми, и, не вняв мольбам моей бабушки, твердо заявил, что в это смутное время он должен быть на работе. На третий день все было кончено. Прискакали около десятка всадников под главенством некоего Гогуадзе, выпустили из церкви оставшихся без охраны узников и, не найдя «восставших», схватили первых попавшихся ни в чем неповинных молодых мужчин и расстреляли в роще у реки. Участников восстания наказали, но еще больше жертв оказалось среди невиновных. Много бед случилось и в других районах Грузии. Говорят, что в Имеретии и в других местах людей загрузили в железнодорожные вагоны и стреляли в них из пушек. Прошел слух, что Гурию спас Филипп Махарадзе, случайно заехавший в свою родную деревню.

Мы вернулись в Батуми, и жизнь пошла своим чередом. У меня нашли способности к рисованию и отправили в студию Илюшина.

Потом решили, что из меня выйдет поэт, и я пытался сочинять стихи. Наконец, меня увлекла техника, и я принялся изобретать «перпетуум мобиле». Поступив в индустриальный институт, я перестал думать о «вечном двигателе». Что же касается художества и поэзии, скажу, что у меня на всю жизнь остались тяга и потаенная печаль по несостоявшимся мечтам. Но вообще-то я был по-своему счастлив. В 1924 году я надел пионерский галстук, и меня как «пионера» приняли в коллектив при рабкоме. Особенно нравилось шагать в строю под звуки горна и барабанной дроби. В школе я иллюстрировал «Ильичевку», а вечерами в кинотеатрах недалеко от нашего дома смотрел фильмы «Тарзан», «Эдиполо», «Знак Зоро». Потом, перейдя в семилетку, я отчаянно защищал на диспутах в литературных кружках Тариэла Мклавадзе и Гайоза Гадалендия. Призывая в свидетели Джона Локка и других, не помню, кого, я горячо доказывал, что человек рождается как чистый лист, а за все в ответе только общественный строй...

Тем временем, подросли мои братья, и мы все вместе, с отцом и матерью, часто выходили погулять на наш любимый батумский бульвар. Мы обычно шагали впереди, а родители шли за нами, молодые и красивые, они привлекали к себе взгляды прохожих, и я помню, как во мне поднималось горделивое и радостное чувство.

В 1932 году я впервые в жизни почувствовал пугающий оскал судьбы. В Батуми начались аресты, шла «кампания» изъятия валюты, были арестованы врачи, адвокаты, люди, связанные с коммерцией, и много разных заметных граждан. Арестовали и моего отца. Он сидел почти год, сначала в Батуми, потом в Тбилиси. Его оправдали и отпустили, но в Батуми он уже не вернулся, чувствуя себя глубоко оскорбленным местными властями. Он остался в Тбилиси, продолжил работу в том же Коммунальном банке и вскоре перевез нас туда. Наша жизнь снова наладилась, я был рад, что правда победила, и верил, что без вины никого не наказывают. Начала работать и мама, и мы переехали в кооперативную квартиру. Отцу она очень нравилась; он объединил две комнаты, поставив между ними

раздвигающуюся стенку. Он считал, что нужен большой зал, – как-никак, предстоят свадьбы трех сыновей!

Я учился в Индустриальном институте, Дато – в Медицинском, а Леван пока ходил в школу. Это были чудесные студенческие годы, первая любовь, Нора, клятвы, мечты о будущем. Но пришел тот черный 37-й, и пошли повальные аресты, на свободу вырвались демоны зла, и лютовали органы «безопасности». Не было ночи, чтобы кто-то с убитой душой не покидал семью... И вскоре все близкие и знакомые нашей семьи были арестованы. Однажды, отец, вернувшийся домой после парада в майский праздник, печально усмехнулся: «Когда мы проходили мимо трибуны, мое «Ура!» звучало громче всех. Кажется, даже на трибуне удивились: «Гляди-ка, он все еще гуляет на свободе?»

И вот это случилось 20-го июня в первом часу ночи. Я читал, слышу – у нашего подъезда остановилась машина. Меня охватило какое-то дурное предчувствие, и я прислушался. Прибывшие остановились на лестнице нашего подъезда, позвали соседей и позвонили в нашу дверь! Я словно бы оцепенел, питаюсь надеждой, что беда не поступит к нам, потому и пощадил своих, подумал – не буду их пугать, и открыл дверь. Они вошли бесшумно, не заламывали мне рук, просто пришли как предвестники беды. «Одевайтесь!» – сказали они отцу. Пока шел обыск, отец тщательно застегивал запонки, надел галстук, мать в слезах кружила вокруг него, мы с Леваном едва держались на ногах, Дато же был в это время в деревне, он должен был привезти отцу его любимую «кахамбали» – сорт черешни. Потом отца вывели, спустились по лестнице, потом вдруг остановились. Один из оперативников вернулся, позвал меня: «Отец просит тебя спуститься». Он ждал меня у подъезда, прислонясь к дереву. «Сынок, – сказал он мне, – ты теперь остаешься за старшего в семье, позаботьтесь друг о друге, заботьтесь о матери и запомните: я никогда не предавал ни семью, ни родину, и вы должны это доказать своими поступками». Он отошел от дерева, пошел к машине, потом, словно вспомнив о чем-то, повернулся ко мне: «Только прошу вас, не вздумайте оже-

сточиться!» И добавил с чисто гурийской интонацией: «Ребятам передай, не хочу, чтоб кто-то сказал, что отец их плохо воспитал...» Его посадили в машину и увезли. Я прислонился к тому дереву. Это дерево и поныне живет у моего подъезда... В дальнейшем судьба не раз бывала несправедлива ко мне, не раз ввергала меня в искушения, но я никогда, ни разу не предал прощальной просьбы отца.

Из института меня исключили «за связь с отцом, врагом народа», – так было указано в приказе, но сердце мое не ожесточилось, друзья меня не оставили, я не бросил учебу, работал и занимался по предметам, которые проходили мои однокурсники. В этом, конечно, большую роль сыграли Нора и многие друзья моей юности. Их преданность придавала мне сил, помогая не озлобиться. Мама была уже дома на легальном положении: после ареста отца мы, не откладывая, поспешили упрятать ее в Имеретии, а потом в Гурии. И нам действительно удалось ее спасти: когда за ней пришли, она уже была в надежном месте. Потом, когда волна репрессий спала, ее уже не трогали. Спустя какое-то время меня восстановили в институте, который я и закончил. Хотя на мне все еще висел ярлык «сына врага народа», я, не щадя сил, старался одолеть неодолимое. Теперь уже мало кто вспоминал при мне «грехи» отца, наоборот, многие с уважением говорили о нем, как о достойном человеке. Ведь люди, в большинстве своем, понимали, что погибшие от репрессий были невиновны, но какой же смельчак попробовал бы в 37-м сказать это вслух!..

Наша семья, которую мы с Норой создали при активной помощи мамы, снова встала на ноги. Я прошел через все служебные ступени – от монтера до главного инженера. Мой средний брат бесследно исчез в урагане войны, а младший, Леван, обрел замечательную семью, и мы все вместе жили под отцовским кровом. «Так почему же? За чем? – ломал я голову, пытаясь вспомнить экстремальные эпизоды своей жизни. – Когда и где я мог оступиться?» Внезапно молнией сверкнула мысль. Однажды я пришел с работы, обедаю я обычно поздно, около восьми. В дверь позвонили. Мама открыла. «К тебе

чекисты», – сказала она. «Войдите, пожалуйста», – говорю я им. Двое в форме МВД. «Мы на машине, вы должны поехать с нами, вас ждет министр».

– В чем дело? – спрашиваю я.

– Не знаем, все ваше руководство находится там...

Я быстро оделся и через двадцать минут был в кабинете министра Рухадзе. Там уже были управляющий «Грузэнерго» Д. Чхеидзе и главный инженер Б. Мхеидзе.

– Вы слышали, что случилось? – спрашивает возмущенный Рухадзе. – Вчера вечером, когда Сталин хотел поужинать, в Ликани погас свет, и его не было целых пятнадцать минут! Вы понимаете, что это значит?

Бросив взгляд на руководство «Энергосистемы», я понял, что отвечать на этот вопрос придется мне как начальнику электроинспекции. И я сказал:

– Могут быть разные причины, я поеду туда, посмотрю на месте и доложу вам.

Рухадзе поднялся. «Одно дело – найти причину, но нужно сделать, чтобы такого больше не было!» – произнес он многозначительно и грозно посмотрел на моих начальников. Гнев Рухадзе в те времена хорошего не обещал.

Было уже девять вечера, когда решили поехать в Боржоми на машине Чхеидзе. Я заехал домой, чтобы успокоить своих, а также позвонил своему непосредственному начальнику, директору «Энергосбыта» Г. Булашвили, и попросил его прислать мне в подмогу на моей машине инспектора Корганова. В первом часу ночи я уже был в Боржоми, объятый тишиной и страхом – в Ликани отдыхает Сталин!..

Совещание проводил секретарь райкома Гелашвили, угрюмый и вислоусый человек. Его кабинет был забит местными должностными лицами. Увидев меня, Гелашвили обрадовался: «Быстро, вас ждет генерал Нибладзе, если я понадобится – знай, что я здесь до утра».

Рядом с генералом стоял врач, директор курорта Гокиели, едва доходивший ему до плеча – может от того, что генерал стоял, выпрямившись во весь свой и без того высокий рост, в то время как его собеседник съежился от страха, втянув шею в плечи. Ясно, что они говорили о случившемся. Нибладзе ввел меня в курс дела и предложил в помощь двух своих сотрудников. Моим помощником стал майор, кажется, по фамилии Гордезиани, он был без формы и во все время моего пребывания не отходил от меня ни на шаг. Той ночью мы собрали сотрудников электросетей и вдвое больше, нежели это допускалось нормами, расширили «просеку», подпитывающую воздушные пути парка. А утром мы уже были на подстанции парка разливного завода для проверки автоматической релейной защиты линий. Из Тбилиси приехали мой инспектор Корганов и инженер релейной защиты Г. Гоф. В полночь, когда моя работа была уже закончена, вдруг сообщили, что в ликанском киоске монтера ударило током. Мы немедленно поспешили туда, но монтера уже отвезли в больницу, он, оказываясь, прикоснулся к проводам низкого напряжения и получил небольшой ожог. Пришлось приводить в порядок электропроводку в сантехнических узлах. По просьбе Нибладзе я босым влез в наполненную водой ванну, чтобы проверить, нет ли откуда-то утечки тока. Работа закончилась.

Было, наверное, часа три-четыре дня, когда мы с Нибладзе разговаривали в комнате, выходящей на лестницу, а лестница вела в парк. И вдруг вбежал, сам не свой, русский полковник, по-видимому, из Москвы, и истошно заорал: «Вон! Вон!» Но времени исчезнуть уже не было, и мы с Нибладзе прижались к стене. Спокойно, неторопливо вошел Сталин и, не глядя на нас, спустился в парк.

– Неужели я там допустил какой-то промах?

Поезд остановился, тронулся, снова остановился. Господи, скорей бы Тбилиси!.. Если бы Леван был тогда в Тбилиси, он хотя бы маму оставил!.. Но Леван уехал с семьей в Москву по делам своей диссертации. Мог ли я тогда знать, что Леван и его семья потому-то и спаслись, что их не было в Тбилиси, и что главным «виновником» этих

событий была именно моя мама!.. Мать пропавшего в огне войны сына, врача, который, как оказалось, попал в плен со своими солдатами, когда они с лазаретом оказались во вражеском окружении!..

Поезд приближался к Тбилиси, уже заметно рассвело, а я так ничего и не вспомнил. Бросив взгляд в зеркало на тень бледного человека, я вышел в тамбур. Стояло декабрьское утро, солнце не грело, но воздух был чист и прозрачен, и отчетливо виднелась гора Давида. Электровоз коротким гудком оповестил тбилисский вокзал о своем прибытии, и поезд остановился. Предо мной пролегал неизвестный путь разрушенной жизни, и я не знал, где искать конец его – в Сибири или в какой-нибудь среднеазиатской пустыне! Первым, кто взлетел по лестнице в тамбур и обнял меня, был водитель моей служебной машины Шалико Адамашвили. «Господи! – подумал я. – Если уж меня встречает водитель моей личной служебной машины, то, возможно, дело не так уж плохо?» Потом я увидел мою тетку, нескольких друзей, небольшую группу ждавших меня родственников, торопливо рассказывающих, как все произошло. Не помню, кто что говорил, помню, что некоторые совали мне деньги, а тетка принесла теплые вещи, думала – а вдруг меня прямо на улице арестуют!

Шалва сказал: «Машину я поставил возле аптеки у Дезертирского базара». Плохо соображая, я твердил: «Мне надо на работу пойти!» Наверное, решил по наивности – ведь там меня все знают, и помогут мне! Потом я из аптеки позвонил одной моей сотруднице: ее муж, полковник КГБ Федя Катаров, был прикреплен к моему отделу и хорошо меня знал. Она ответила: «Я сейчас же позвоню Феде и спрошу совета». Минут через пятнадцать я получил ответ: «Если он сможет (т.е. я), пусть незамедлительно оставит Тбилиси и отправится в Среднюю Азию. Свободному человеку легче найти свою семью». «Почему их выслали?» – «Причина в его брате. Он попал в плен, и теперь высылают семьи военнопленных».

Тут я совсем растерялся, – но я-то при чем? Тем более моя жена, маленькие дети, мать!.. И моя удивительная мать стала перед моими глазами, удивительная не потому, что я хотел наделить ее какими-то

особыми свойствами, представить в необыкновенном виде, нет: она была обычной любящей грузинской матерью, но обладала завидной выдержкой. Она старалась, чтобы сердце ее сына, потерявшего в 37-м отца, не озлобилось. Мы не видели ее слез, не слышали нытья или упреков – она как-то незаметно помогала нам не нарушить напутствия отца: не ожесточиться. И только редкими ночами я слышал загнанный в глубину души звук, похожий на всхлип. А слезы были потом, когда моего брата Дато поглотила пучина войны, где он бесследно исчез. Зато теперь-то мама уже знает, что жив ее Дато, жив! – вот когда возликовало материнское сердце! Но удар, нанесенный рукой тирана... Что стало с ее счастьем, когда этот удар разрушил гнездо маленьких внуков, и вместе с нею отправил их в дальние дали! Нет уж, я останусь в Тбилиси и буду бороться! Ведь где-то она должна быть, эта справедливость!

В середине дня я уже был в Центральном комитете, позвонил Гиви Джавахишвили и попросил принять меня. Он как раз ведал тогда отделом, который занимался промышленностью и энергетикой. «Пожалуйста! – ответил он и со смехом добавил: – Ты что, снова повздорил с Цулеискири?» Этот Цулеискири руководил тогда проектом по «Тбилисскому морю», и у нас были постоянные столкновения из-за электроинспекторов.

– Нет, мне нужно к вам по личному делу.

Гиви Джавахишвили был интеллигентным, воспитанным человеком, встретил меня с улыбкой, подал руку. Я, волнуясь, рассказал ему о случившемся несчастье. Он, остолбенев, так и остался стоять, потом растерянно сказал: «Я не понимаю, что происходит вокруг! Знаешь что, ступай к Николаю Максимовичу, он ведь тебя хорошо знает...»

Я понял, что дело плохо, ноги у меня подкашивались, я чувствовал безумную усталость – ведь я не спал всю ночь, страшную ночь!.. Мне хотелось прилечь или хотя бы присесть, ноги не держали меня. Домой мне дороги нет, квартира опечатана, и я отправился к тетке. Пришли соседи, друзья и рассказали, какой ад стоял той ночью, той

«Варфоломеевской ночью», накрывшей не только Тбилиси, но и всю Грузию... Оказывается, по всей стране, где догорал грузинский очаг и подходила к концу рождественская ночь, не оставалось никого, кто бы не пострадал сам или не испытал мук, глядя на горе соседей или близких людей. Вся ночь прошла в разговорах, а утром я отправился на прием к Рухадзе. Но принял меня его помощник, полковник Котэ Беришвили. Я спросил – какая вина лежит на нашей семье? Почему на меня обрушилось это несчастье? Если всего пять месяцев тому назад мне настолько доверяли, что отправили в Боржоми, в резиденцию Сталина, то за что же меня так наказывают сегодня? За какой проступок? Я ведь должен знать?

Да, у того полковника КГБ все еще оставалась совесть, он не похож на своего начальника генерала Рухадзе, потому-то, наверное, его миновало то наказание, которое понесли спустя несколько лет его сослуживцы вместе с Рухадзе. Мне-то казалось, что я одним «орлиным оком» враз уничтожу своего погубителя, а оно вон, как пошло! Что же получается? Что меня так смяло, придавило и обессилило? И до меня дошло – ведь я стою как беспомощный проситель и плечи мне пригнул тот самый страх, который в этом проклятом здании испытало множество людей... Я выпрямился, стараясь придать себе достойный вид. Не знаю, получилось ли у меня, однако я заметил на лице полковника явное сочувствие и жалость. Он сказал: «Держитесь, но семью вашу мы вам поможем найти как можно скорее...» Много лет спустя я навесил этого человека в клинике профессора Сараджишвили, где он лежал, изможденный болезнью. Передо мной в то время открывались новые перспективы жизни, а он... Почему я его навесил? Наверное, потому, что на многие годы запомнил его искреннее отношение, когда он дал мне почувствовать, что он – человек, а не палач. И потому, наверное, что помню: когда я вышел от него, один репрессированный, выживший в 37-м, сказал мне, что отца повели на допрос и приказали ему 24 часа стоять на ногах, он не выдержал и начал опускаться, прислонясь к стене. Надзиратель же прикрыл глаза газетой. Через несколько часов надзира-

тель сказал ему: «Теперь поднимись, идет мой сменщик». И когда обессилевшего отца ввели в камеру, он сказал: «Оказывается, и среди палачей попадаются совестливые».

Да, уж! Хвала господу, весы судьбы все же уравнивают добро и зло!..

Потом я почему-то отправился к себе на работу, вошел в кабинет и присел к письменному столу. На столе я заметил пыль, смахнул ее, сдвинул на место чернильницу – зачем? Не знаю. Вошли сотрудницы, одни женщины. Из мужчин пришел только один – пожилой Туманян, главный бухгалтер. Потом я поднялся наверх, в главное управление. Там уже вокруг меня собрались люди, но я не хотел лишних разговоров и укрылся в кабинете главного инженера Бесо Мхеидзе. В это время туда вошел незнакомец в кепке, и сделал знак рукой, мол, дело есть! Я все понял.

– На минутку спустимся на первый этаж, тебя просит Коринтели, начальник РОМВД.

И все! После этого человек в кепке, как приклеенный, уже не уходил от меня, сопровождая повсюду. Коринтели сказал мне: «Нам поручили помочь вам отыскать вашу семью. Возможно, мы уже сегодня сможем вас отправить, готовится эшелон для отправки оставшихся людей, человек пятьдесят наберется. Мы поможем вам поехать с ними, как только найдем соответствующие вагоны».

Я позвонил начальнику электрификации Закавказской железной дороги Ш. Лодуа и попросил его помочь выделить вагон. Я был столь наивен, что решил: если речь идет о таком количестве, то нас можно будет отправить обычным вагоном, и продолжал упрямо убеждать себя, что имею право пользоваться привилегиями «свободного человека», держался с достоинством и даже храбрился. Наверное, я был очень смешон! Потом я попросил Коринтели позволить мне войти в мою квартиру и взять личные вещи. Мой человек в кепке был майором, он пошел со мной, позвал двух соседей, в их присутствии снял печать с дверей, и мы вошли в дом... Все стояло на своем месте, мебель потом продали на торгах с аукциона, детские игрушки

были разбросаны в беспорядке, повсюду были заметны признаки торопливого собирания вещей, казалось, что из каждого угла квартиры на меня тоскливо глядит опустошение и печаль. И я спрашиваю себя: «Зачем я пришел сюда, в этот покинутый, забытый дом!..» Забытый, ибо у него отняли душу... Не знаю, что это было на самом деле, жест или растерянность... Я вынул из шкафа несколько технических книг, потом вспомнил, что у меня тут где-то должна быть записка – бутылка «Артека», мы с братом Дато привезли ее из Крыма в октябре 37-го, поклявшись открыть, когда вернется отец. Все еще верили! Но вера умерла вчера, за ней последовала надежда, а я продолжал упрямо хранить эту бутылку, как талисман. И что теперь? Кто знает, где Дато? Леван с семьей в Москве и тоже без пристанища, а мой путь лежит в Среднюю Азию, на поиски пропавшей семьи. Я тщательно обернул бутылку в бумагу, положил ее в карман и сказал удивленному майору: «Пошли!» И, ни разу не обернувшись, вышел из своей квартиры. Вечером я уже был в Навтлуги, где встретил тех, с кем мне предстоял долгий путь. Я понял, что меня окружает сплошной блеф:

– Моему водителю велели уехать, – спросите у моего хозяина! – заупрямялся тот.

– Он тебе больше не хозяин, делай, что говорят, – сердито прикрикнули на него...

Я хотел было выйти из помещения на улицу, где меня ждал мой дядя Максим, но охранник преградил мне дорогу. Сложив пальцы решеткой, я дал понять дяде, что арестован. Потом меня повели в кабинет, где заполняли какие-то анкеты, потом я вернулся в общую комнату, а потом... Потом ее закрыли снаружи на засов. Вот и все...

Так кто же они, эти несчастные люди, которых, словно опасных злодеев, стерег за дверью человек с ружьем?.. Вон стоит крестьянин из Кахетии, Дата, прошедший войну и попавший в плен – теперь он здесь, да не один, а с женою и четырьмя малолетними детьми. «Нас было семеро, – сказал он, – шестерых взяли, а седьмая – моя собака Мурия, ее оставили. Небось, бегают теперь по двору и скулит, зовет

нас...» Дата сидит на своих узлах, обернутых в тряпье, и старается шутить, чтоб ободрить семью. «А знаете, что тут у меня под ногой? – и показывает на большой мешок. – Это хряк, я его заколол к Рождеству, хотел продать в Сагареджо, а теперь выходит, что сам должен его съесть... Вишь, как обо мне заботятся!..»

Семья Нергадзе – мужчина, переваливший за средний возраст, портной по профессии, прошел войну, попал в плен. А теперь он с женой, дочерью и сыном, сидит, понунив голову, его сын, парень лет двадцати, иногда вскидывает полные гнева глаза... У окна – женщина-врач, с сынишкой лет пяти-шести, Шотико. Женщину зовут Лера, ее муж попал в плен, но, когда ночью за ним пришли, его не было дома, вот и загребли жену и сына. Рядом стоит высокий мужчина, кажется тушинец, пастух, в преклонных годах, но держится, сохранил статью. С ним юнец лет 16-17. Оказывается, ночью пришли за сыном этого пастуха, как побывавшего в плену, но того не оказалось дома, он гнал стадо баранов. «До зимы еще можно потерпеть, – сказал старик, – мальчика жалко, он ведь в гости ко мне пришел, и вот что вышло!»

Сидела женщина в положении, вокруг которой суетились напуганные муж и свекровь. Другая плакалась мне: «Не пойму, меня-то с какой стати забрали? Оказывается, мой муж – будь он проклят! – был в плену, но я ничего об этом не знала, может, его родственники внесли меня в список?»

Помню, что самой многочисленной была семья Анджапаридзе. Их привезли из Мингрелии, да еще и с новорожденным ребенком. Трудно по прошествии стольких лет восстановить перед глазами каждое лицо, которое несчастье превратило в маску скорби, когда страдания каждого, взятые вместе, складываются в одно общее горе, горе народа. Я не мог установить точное число людей, но, думается, что нас набралось человек 80-90, в основном, женщин и детей, «случайно забытых в деревне». Словом, все они были «забытыми остатками», как их называли тогда, от тех шестнадцати тысяч грузин, чьи жизни разрушили той недоброй ночью. В глаза бросались черная

бурка горца, кахетинская шапочка Даты, папаха отца Нергадзе, папаха сына Нергадзе... И только один я, не к месту, в широкополой шляпе, синем драповом пальто с высокими плечами, в черных кожаных перчатках, в белой рубашке с накрахмаленными воротником и манжетами, да еще при галстукке... Настоящий петух, попавший не туда, и чувствующий себя ужасно неловко... Хотелось облачиться в траурную одежду и крепко обнять этих несчастных людей... Ночью нас вывели на железнодорожный путь, где уже стояли три четырехколесных вагона, негодные даже для перевозки скота. При этом вооруженных солдат было больше, чем нас, высылаемых. Позже мы узнали, что в дороге нас будут «пасти» три человека: начальник эшелона капитан Биашвили, его помощник подполковник Кусраев и майор Джикаев – вполне достаточно, ибо кому бы пришлось в голову бежать?

– Быстрее! Быстрее поднимайтесь! – командовал хмурый мужик в шапке из серого каракуля. Он позвал капитана Биашвили и что-то ему сказал, – но мне послышалась моя фамилия. Биашвили подошел ко мне: «Нам приказали оказывать вам в дороге внимание». – «Кто приказал?» – «Шадури».

Наконец, мы с грехом пополам втиснулись в эти три вагона. В конце и начале вагонов стояли двухэтажные нары, на которых могли уместиться шесть человек, «в обнимку» же – и все десять-двенадцать. Между двумя рядами наров, в середине вагона, стояла чугунная печь и лежали запасы угля. Я попал на привилегированные нары вместе с нашим «генералитетом» – Биашвили, Кусраевым и Джикаевым. В нашей компании оказалась и врач Лера с маленьким Шотико. Остальные, в основном, устроились семьями. В каждом вагоне должен был находиться один сопровождающий, но эта «тройка» решила по-своему: раз вагоны закрываются снаружи, то они постановили спать по очереди и на удобных для «этого дела» остановках выпускать желающих оправиться. Поскольку я был «прописан» на привилегированных нарах, где обсуждались все вопросы, то я был в курсе этой «стратегии и дислокации». Мы установили дежурство

мужчин по добавке в чугунок угля, чтобы он не остывал, иначе нам грозило замерзнуть в дороге. Через какое-то время нас прицепили к маршрутному багажному составу, и поезд двинулся. Оглушая, загремели колеса, вагон качало и мотало на рельсах так, что, казалось, вот-вот перевернется. Я заметил, что лицо капитана Биашвили пожелтело, и испугался – неужели моя семья прошла через такие мучения? Но тройка меня утешила, убедила, что моих отправили в пульмановских вагонах. Впрочем, человек ко всему привыкает, и мы привыкли к грохоту колес. Потом поезд стал нести ровно, и колеса застучали ритмично. К тому же в дороге возникали проблемы: нужно было запастись углем, едой. Мы поняли, что нас везут безо всякого графика. Биашвили нервничал – в тех пунктах, где выдавали провиант, нам ничего не дали, сказали, что для вас, мол, ничего не предусмотрено, и мы вернулись с пустыми ведрами. Наши «высокие чины» Кусраев и Джикаев оказались в этом деле совершенно беспомощными. И нам, «пассажирам» трех вагонов, только и оставалось, как, встречаясь на остановках, поверять друг другу свои опасения и переживания. Капитану Биашвили при содействии спецкомендатуры удалось на какой-то большой станции получить из вокзальной кухни несколько буханок хлеба и по два ведра похлебки на каждый вагон, а также запас угля, антрацита.

Прошли четыре дня и четыре ночи, а мы все едем, стоим, и снова едем, и снова стоим. Самыми мучительными были долгие стоянки на перегонах, где далеко вокруг, и еще дальше, не было ничего кроме тьмы кромешной, и только в маленькой железнодорожной будке мерцала искра тусклого света. Но для «оправки» такие места были наиболее подходящими. Вот мы и встретили этот новый год, накрывшись одеялами, с нашим горем и заботами. Так шли дни за днями, и даже наши сопровождавшие стали проявлять заметное беспокойство. Теперь они вроде уже ничем не отличались от нас – и капитан, и оба высших чина – теперь мы одинаково переносили эшелонные тяготы. «Мы как беспризорные, – пожаловался мне Биашвили, – больше всего меня заботят дети, еда, питье...» Я ответил:

«Видишь, в нашей плановой стране незапланированное выселение не получается, если этим процессом не управляет центр». И предложил ему: «Послушай, у нас у всех есть деньги. Давай мы с тобой на какой-нибудь большой станции закупим продукты – не в городе, так в деревне».

Дата Кахеладзе давно уже предложил нам своего хряка, мы все мясо распределили по вагонам, это было радостное событие, тем более что нашлась и водка. И началось то, что обычно происходит за таким греховным застольем: высылаемые со своими тюремщиками проглотили все до последнего кусочка... А еще у нас закончился запас угля; стоило только затухнуть огню в чугунке, как замки внутри вагонов сразу покрывались наледью. Даже свечи закончились, и мы на каком-то полустанке закупили сотню свечей и раздали по вагонам. Теперь надо было решать проблему отопления, и мы ее решили: наловчились на остановках сдирать со встречных составов пакли, пропитанные маслом или дизелем, и разводить огонь в чугунке. Конечно, все мы покрывались копотью, да так, что к концу дня становились совсем черными...

Но случилось так, что с нами остались двое сопровождавших, Биашвили и Джикаев. С Кусраевым в дороге случилась беда, и он выбыл из нашей компании. А дело было так: на какой-то станции нас прицепили к новому составу. За нашими вагонами шел такой же «сборный» из Шамхора, груженный тамошним вином. «Смотрящий» того вагона, узнав, что мы грузины, сообразил, что мы в беде, послал нам много печенья и позвал в свой вагон наших смотрящих и меня. И вот, мчится на перегонах наш поезд, мы же, присев у бочонка, пьем из банок шамхорское вино. Мои собутыльники сильно опьянели, но тот, кто пригласил нас, сам вина не пил, да и я не особо усердствовал. Биашвили вздремнул, Кусраев пытался спеть на осетинском языке. Джикаев был сравнительно трезв, но затянула нескончаемый тост, запутался, и уже не знал, как выйти из этого многолетия. Внезапно Кусраев свалился со своего высокого стула и застонал. Мы вскочили, ничего не понимая – ему было трудно дышать. Я ре-

шил, что у него ущемление ребра, а может, оно и сломалось. Хорошо еще, что поезд вскоре остановился, и мы перенесли Кусраева в наш вагон. На следующей станции была спецкомендатура, и Биашвили по железнодорожному телефону попросил оказать помощь подполковнику, который во время выполнения служебных обязанностей получил травму. Поэтому нас там уже ждала санитарная машина, и Кусраева унесли на носилках. На второй день нас снова прицепили к другому «сборнику», но, когда я прощался с «шамхорским виночерпием», он успел мне шепнуть: «Я этого сукина сына огрел поленом, они моего брата стубили...» Джикаев, кажется, что-то учуял, ибо выглядел напуганным, втянул голову в плечи, но сказать – ничего не сказал, опасаясь за свою жизнь. А признание в том, что произошло, могло обернуться для него еще большей бедой.

Биашвили окончательно подружился с нами и уже даже не скрывал, что считает наше положение чудовищным. Вино и водка, которые нам оставил шамхорец, развязывает язык и настраивает человека на дружеский лад, если, конечно, в нем от природы не заложено зла.

Начался четырнадцатый день нашей «поездки», если ее можно так назвать, хотя пошел четвертый день, как наши три вагона отцепили и мы торчим как неродные в резервном тупике. Оказывается, до Оренбурга остается всего лишь каких-то 175 км. Но на дежурного этого «подувокзала» не действуют ни слова, ни увещания, между тем как сквозные составы все идут да идут. Биашвили, однако, смог связаться по телефону с Оренбургом:

– Говорит капитан Биашвили. Я сопровождаю 90 человек – оставшихся спецпереселенцев. Уже три дня, как наши вагоны отцепили, но не поставили на маршрут. А у нас здесь роженица, дети и больные. Прошу вашего вмешательства и распоряжений.

На другой день нас прицепили к проходящему составу, и мы, наконец, поехали. Состав состоит из пустых вагонов, и мы мчимся по дорогам Северного Казахстана. Адски холодно, стальные пред-

меты и замки покрываются инеем. Наконец, после долгого безостановочного пути поезд остановился. Нашему Биашвили сказали, что прождать придется часа три. Капитан, не откладывая, по-солдатски приступил к делу. Он достал несколько ведер антрацита, и, хотя стояла ночь, ему удалось где-то разжиться и хлебом. Мы были рядом и помогали ему, – я, Дата-кахетинец и сын Нергадзе. На голову я нахлобучил папаху отца Нергадзе. Какой-то русский сказал: «Неподалеку возле вокзала живут ваши кавказцы». Я прошу Биашвили: «Давай ходим туда, может, это мои, а может, знают, куда их отправили?» Он не соглашается, говорит, что место нашего назначения совсем другое, но мне удалось его уломать – ведь мы с ним ровесники, и дома его тоже ждут жена и дочь... Вглядываясь в темноту, он говорит: «Если я их больше не увижу, пусть это останется на твоей совести...» И, махнув рукой, решительно сказал: «Пошли, быстро, не будем тратить время!»

Снегопад усилился, и в темноте мы с трудом различаем длинные постройки, скорее бараки. А время не такое уж позднее, всего-то около восьми. Неужто все спят? Биашвили мне говорит: «Ты один зайди, я ведь в форме...»

Я приоткрыл дверь, и меня обдало теплым паром. В просторном бараке вокруг докрасна раскаленной жестиной печки сидят мужики, – кто кальяном затягивается, кто сигаркой в длинном мундштуке. Они с удивлением уставились на меня, незнакомца. «Ты кто?» – спрашивает меня самый пожилой из них, видно, старший в группе, на его длинной белой бороде играют отблески огня из печи, черная папаха надвинута по самые глаза. Я сразу понял, что это не грузины.

– Я грузин, ищу свою семью. Может, вы слышали, есть здесь грузины?

Помолчав, он поднял голову и произнес: «Грузины, грузины!.. Они отняли у нас родину, мы – кабардинцы, там дальше – балкарцы. Тут нам всем конец придет! В наших местах грузин нет!»

Вдруг что-то словно сковало мое тело, как если бы несчастье этих людей еще одним большим камнем легло на мое горе. Я напрягся и

почувствовал, что и они напряглись. Прошли какие-то две минуты, и мне показалось, что это я несу ответственность за все их сегодняшнее положение и будущее. Я вспомнил Кабарду, «Баксангэс», где студентом проходил практику, радушное гостеприимство кабардинцев и обычай балкарцев вежливо, но гордо здороваться. «Я потерял семью, – с трудом вылавливая слова, говорю я им, – не знаю, где они, теперь вместе с конвойным брожу, где придется, ищу их...» Повернулся и пошел к дверям. «Послушай, сынок, – остановил меня старший. – Тут прошли эшелоны, говорят – идут в Южный Казахстан...» Потом, словно в утешение мне, добавил: «Там все же лучше, чем здесь». Я поблагодарил его и вышел, пошел быстро, почти бегом, да так, что Биашвили с трудом меня догнал и спросил: «Что они тебе такого сказали?» – «Ничего, но мне кажется, что моя прошлая жизнь плюнула мне в глаза...» Господи, я-то в чем виноват, да и все те, кому судьба уготовила этот адский путь!..

Спустя неделю наш состав остановился в Ташкенте. Биашвили с изумлением сказал: «Чего нас занесло в Узбекистан? Ведь наш конечный пункт в Казахстане!» И побежал выяснять, но скоро вернулся и сообщил, что нас прицепят к новому составу и ночью отправят.

– Завтра же мы будем в Чимкентской области, туда направились наши первые эшелоны.

Мы запаслись едой, почувствовали облегчение и легли на свои нары. Во всяком случае, уже хорошо, что оказался конец этого ада-ва пути, заставившего каждого из нас потерять свое лицо. Слава богу, все наши «эшелонные дети» более или менее ухожены – заботливые руки матерей даже в таких условиях умудряются делать свое дело. Шестимесячный ребенок Анджапаридзе набирает дни, женщине в положении, слава богу, пока рано рожать, да и остальные дамы в относительном порядке, стараются держать форму. Мужчины же похожи на папуасов. А что же я? О себе я вам сейчас расскажу.

– Послушай-ка, капитан, – говорю я Биашвили, – мы сейчас в Ташкенте, и у нас уйма времени до отъезда. Поведи меня в «Узбекэнерго», может, я смогу что-то выяснить насчет своей будущей работы?

И Биашвили не отказал. Я вынул свою бережно обернутую серую шляпу, пальто, чистую рубашку, галстук, Дата полил нам из чайника, мы помыли лицо, руки, оделись и пошли. Пришли в парикмахерскую на железнодорожном вокзале, где работают одни женщины. Я попал к полногрудой русской мастерице. Прежде чем надеть на меня передник, она в замешательстве посмотрела на меня: «Господи, что это вы такой взлохмаченный?» Воротник моей новой рубашки почернел от копоти на затылке, а корни волос торчали как грязная щетина. Многодневный «комфорт» сделал свое дело, и я был готов со стыда провалиться сквозь землю. «Я арестованный, – сказал я ей, – три недели в дороге, а это мой конвоир». Показываю я ей мизинцем на присевшего в соседнее кресло Биашвили. Она мгновенно преобразилась: «Бедняги вы мои, несчастные!» И сразу повела меня к раковине за занавеской, сняла с меня рубашку, помыла мне голову и, глотая слезы, приговаривала: «Несчастный ты мой, бедняга!» Выстирала и выгладила рубашку, но денег с меня не взяла. Привела в порядок и Биашвили, но сказала: «Никто слезу не проронил от сожаления, да и денег с него взяли». К полудню, выглядевшие в полном порядке, мы – один в форме капитана, другой – в шляпе, шагали по улицам Ташкента.

Биашвили проявил такт, оставшись в приемной, а я вошел к главному инженеру «Энергосбыта Узбекэнерго» Быкову. Он встретил меня с распростертыми объятиями и удивился: «Откуда вы? Почему не сообщили о приезде, мы бы вас встретили!»

В Москве мы часто встречались с ним в министерстве, на конференциях и, как коллеги, были в хороших отношениях. И я рассказал ему все. Не ожидая подобного поворота, он помрачнел, хотя не хотел, чтобы я подумал, что видеть меня в такой роли в качестве гостя ему нежелательно.

– Что я могу для тебя сделать? – спросил он. И действительно, что он мог сделать! Я уже сожалел, что пришел к нему и поставил его в такое затруднительное положение.

– Ничего! – сказал я. – Считаю, что я пришел попрощаться.

И только было собрался встать, как он мне говорит: «Да погоди, не кипятись!..» Соединяется по телефону с Москвой, с заместителем тогдашнего министра, и слышу, как он говорит: «Но ведь его можно использовать по специальности?» «Конечно, – отвечает замминистра. – Если он где-нибудь окажется на нашей орбите, сообщи, и мы примем надлежащие меры. Но посоветуй ему, пусть постарается попасть на строительство Туркменканала. Главный руководитель там Эристави, его соотечественник».

Услышав, что я распределен в Чимкентскую область, он сказал мне: «Это же очень близко от нас, в этом месте Казахстан полуостровом врзается на территорию Узбекистана, а сам Чимкент совсем рядом, свяжись со мной, и я смогу помочь».

Откуда мне было знать, что я буду жить в пустыне, где слишком рано было думать об энергетике, хотя именно там я стану начинателем малой энергетики!..

...Поезд остановился, нам велели выйти из вагонов и влезть на грузовики. Я, семья Нергадзе и еще некоторые попали в одну машину. В строю машин мы оказались вторыми, а снег все падал и падал без передышки. Мать Нергадзе отказалась сесть в кабину, сказала: «Я своих не оставлю, хочу быть с мужем и сыном». В кабину рядом с водителем пришлось сесть мне, и, признаться, сделал я это с удовольствием, ибо в этой моей шляпе я бы без ушей остался. Может, так подумала и эта грузинская мать, когда, обвязав себе шалью голову, настойчиво попросила меня сесть в кабину на ее место...

Первую машину сопровождал Биашвили, Джикаев поехал в последней. Ночью мы приехали в какую-то деревню. Теперь осталось явиться в комендатуру, но снежные хлопья гущают мрак. Неожиданно послышалось удивительно стройное пение.

«Лети, черная ласточка!» – пела семья Нергадзе, так тихо, что я подумал – показалось! Потом голоса усилились, и слова – «Принеси весточку об ушедшем на войну брате...» – зазвучали погребальным плачем, мольбой. Распахнулось несколько окон в доме, и во тьме вспыхнул свет. Потом открылись двери, и выбежал человек с коп-

тилкой. «Вы кто, грузины?» – слышалось с разных сторон. Первая машина остановилась у спецкомендатуры, Биашвили идет туда, а к нашим грузовикам осторожно приближаются темные тени, и мы слышим:

– Я Гогитидзе; я Гогоберидзе... Нас забрали из Аджарии...

Кто-то обнял меня: «Я же был в Батуми директором колбасного завода и помню тебя еще с тех времен...» С опаской оглядываясь, он поведал о пережитых страданиях, о том, как жестко обходились с ними во время переезда, да и встреча на место прибытия не сулила надежд на жизнь, хотя бы отдаленно напоминавшую человеческую.

Биашвили вернулся и сообщил: «Это не пункт нашего назначения, мне объяснили, куда вас везти. Сегодня мы здесь заночуем, багаж не трогайте, все должны поместиться в помещении комендатуры, а завтра рано утром уедем».

Переночевав, мы уехали на рассвете, оставив наших грузинских братьев в этом концлагере, – по-другому их поселок и не назовешь! Машины с грохотом шли по дороге, заваленной снегом. В полдень снегопад прекратился, и мы подъехали к железнодорожному пути. Здесь нас ждали несколько открытых вагонов, прицепленных к дрезине, и несколько конвойных с автоматами – по всем признакам это был уже регулярный конвой. Мы торопливо перебрались в открытые вагоны и через несколько часов оказались на месте назначения, называвшемся «Славянка». На этом рельсовый путь закончился. Потом я узнал, что это был тупик, в вагонах, в которых нас привезли, периодически возили стройматериал, в основном, деревянный щебень и гравий – ведь в пустыне, сколько не ищи, не найдешь и камешка. Именно здесь и была устроена перевальная база для строителей. Меня удивило, как нас приняли здешние власти: успевшие привыкнуть к сравнительной свободе во время пути, мы еще и ступить не успели на так называемую платформу, как нас окружил конвой с наведенными на нас автоматами. Последовал приказ: «Сеть!» и каждый из нас, кто где стоял, опустился на корточки. Потом стали зачитывать список – Биашвили передавал нас новым хозяевам.

Список фамилий с трудом читал русский, искажая их до неузнаваемости. Тот, чью фамилию называли, в сопровождении автоматчика выходил за круг и по приказу: «Разобрать свои вещи!» переносил свой багаж из какого-то небольшого помещения в большой двор. Семья Анджапаридзе была указана в конце списка, поскольку их привезли из Мингрелии в последний день. Меня приписали после них – все уже вышли, а я по-прежнему сижу на корточках в своей серой шляпе, в синем драповом пальто и в кожаных перчатках под дулом наставленного на меня автомата. За круг уже вышла вся семья Анджапаридзе, и я жду, что произнесут мою фамилию. Но слышу – снова объявляют Анджапаридзе, Зураба Анджапаридзе, хотя, кроме меня, уже никого не осталось. Люди зашумели, русский орет: «Где Анджапаридзе?» Вышедшие за круг услышали, что вокруг меня поднялся шурум-бурум, Анджапаридзе-отец мгновенно оказался возле круга, высоко поднял своего шестимесячного сына и взревел, как раненый бык: «Здесь, здесь Зураб, вот он!..» Наконец и я попал в этот обнесенный колючей проволокой двор. А там уже суетились местные мужики, казахи. Сначала выбирали документы, затем подходили к нам и оценивающим взглядом смотрели на выбранных мужчину или женщину. Это были председатели или представители колхозов, искавшие рабочие руки для своих хлопковых плантаций. Одни искали бухгалтера, другие ветеринара, а кто-то – еще кого. Самым унижительным было то, что они бесцеремонно разглядывали выбранного ими человека, а иногда даже руками ощупывали мускулы. Словом, все было так, как бывает на конском рынке. На Дату-кахетинца положили глаз сразу несколько охотников, а Дата говорит мне: «Николоз, возьми меня к себе!» Бедняга думал, что я что-то решаю, и со мной ему будет легче...

В это время ко мне подходит малорослый человек, с ногами и повадками кавалериста, с каким-то орденом на груди, кажется «Боевого Красного знамени». Он держит документы, и то и дело заглядывает в них: «У вас говорят – незванный гость хуже татарина! Вы – гость, а я татарин. Не знаю, к кому теперь эта пословица относится, знаю,

что вы инженер, работали главным инженером. Мне нужен такой человек, как вы. Я – директор совхоза «30 лет Октября». Пошли ко мне работать, меня зовут Арслан Ахмад Шакурович».

Выслушав его, я сказал: «К сожалению, Ахмад Шакурович, мне сейчас не до работы. Я ищу свою семью, их выслали за несколько дней до меня, а я уже 25 дней как в дороге. Не стану вас обманывать, пока их не найду, мне будет трудно думать о работе». Татарин бросил на меня взгляд снизу, немного задумался и сказал: «Слушай, я не собираюсь мешать тебе искать семью, наоборот, я тебе помогу, а потом поговорим о работе». Мог ли я отказаться от такого предложения? Вряд ли кто в таких условиях предложил бы мне лучшее. Конечно, я согласился, осмелел и попросил его: «Возьмите и этих ребят». И показав ему на семью Нергадзе продолжил: «Это – хорошие рабочие руки, а Дата вообще искусный ремесленник. А вот еще женщина-врач с сыном...» – «Как же я врача пропустил! Конечно, я эти две семьи возьму!»

Семья Анджапаридзе тоже поместилась в его машине, других не помню, но я их больше нигде не встречал. Всех разобрали по разным совхозам и отвезли на совхозных машинах.

Снег уже не шел, временами сыпал мелкий дождь. Машина с трудом протискивается через затвердевшую грязь, мотор ревет, лязгают колеса, машину мотает то вправо, то влево, из-под колес вылетает пудовая жижа и с шумом заливает парприз сзади идущей машины. Нас вдруг качнуло так, что мы повалились на дощатый кузов. Я покатился, задрав ноги, и даже не пытался сесть, пока машина не вырुлила. Наш сопровождавший вцепился в борт кузова – он, видно, привык к таким вывертам и таким дорогам, поэтому ему удалось не потерять равновесия: «Сейчас выедем на прямую, и все будет в порядке. Хорошо еще, трактор не понадобился, обычно машина не ходит по такой грязи». Сопровождающий – высокий сухопарый мужчина, видимо, любитель поговорить. Он работает в той спецкомандатуре, от которой зависит, в каком месте мы будем жить. Наконец машину вынесло на прямую дорогу, по обе стороны побежали

дренажные рвы. Казалось, безбрежную пустыню рассекает надвое, убегающую далеко вперед узкой полоской, исчезающей из виду.

Русский относится к нам с явной симпатией, он говорит: «Там много грузин, даже один профессор, высокий, красивый, обещал устроить больницу». И добавил: «У него хороший голос, баритон, по вечерам он даже поет у себя». Я сразу подумал: никак это профессор Грамитон Асатиани, гинеколог!.. Я знал, что его сын Геде, как и мой брат, пропал на войне. «Нашел, где песни петь!» – подумал я.

Эта дорога кажется бесконечной, и, хотя машины не спешат, но километры-то накручиваются, а конца не видно. Понятно, что мне не терпится найти свою семью, да и остальным хочется увидеть конец пути, неизвестность всех тревожит, и всякий желает: пусть будет то, что должно быть, но скорее! А я смотрю на это бесконечное пространство – нигде даже следа снега нет, словно его и не было. Оглодавшая земля жадно всосала талый снег, превратившийся в воду, недаром эту землю так и назвали – «Голодная степь»... Не дай бог попасть туда на грузовике после дождя: в мокрой грунтовой каше увязнет не только машина, но и человек уйдет в эту грязь по колено. Наш проводник рассказал, как однажды густая жижа затянула тракториста вместе с трактором... Ни дерева, ни куста, степь, только, голая безбрежная степь. Нам понадобилось двенадцать часов, чтобы с невероятным трудом одолеть эту проклятую дорогу!..

Около одиннадцати часов ночи мы подъехали к совхозу, переехали арык по небольшому деревянному мостику и остановились возле спецкомендатуры.

Пошла «разгрузка». Вначале мы высадили женщин с детьми, потом взялись за багаж. Кроме сотрудников местной комендатуры, с нами было и несколько военных, и по ним было видно, что они не местные. К полуночи, надорвавшись, мы перенесли весь багаж. У меня своих вещей не было, но я помогал остальным так, что пот заливал мне лицо, месил ногами грязь, взваливая на себя все, что передавали нам женщины из грузовика. Они с такой надеждой передавали нам эти вещи, словно то было не обиходное барахло, а

сокровище. Хотя, конечно, сокровище: ведь каждая сумка, каждый узел были частью той семьи, откуда однажды ночью все это безбожно было вышвырнуто и завезено в эту чужую бескрайнюю степь. От вещей все еще пахло теплом очага, который остался там, в Грузии, потухший и растоптанный...

Нас загнали в две комнаты – одна большая, другая поменьше. Потом началась выдача-приемка. За столом сидел малорослый безволосый комендант, отныне ставший нашим полным властелином. Он вызывал каждого по очереди, клал перед ним лист бумаги, который все должны были подписать. На этом листе были записаны порядки проживания в поселении и обязательство, согласно которому каждый из нас в конце дня должен был являться в комендатуру и своей подписью подтверждать свое пребывание. За нарушения обязательств в зоне могли без суда отправить на принудительные работы. Отныне это место становилось твоим вечным местопребыванием...

И вот, сидит этот безволосый, похожий на бесполое существо, мужик, молодой, но уже толстозадый, с туго раздутыми щеками, и при свете тускло светящей лампы громко зачитывает наши «обязанности». И вдруг разом зашумели-заплакали женщины, за ними – дети, заволновались мужчины: «Такого не подпишем! Не подпишем!» У меня сердце сжалось и невольно на глаза набежали слезы. Вдруг кто-то тронул меня за локоть и отвел в сторону. Оказалось – тот русский капитан, ехавший с нами. И говорит: «Поверьте, смотрю я на вас с болью в сердце, вижу ведь, вы образованный человек. Никакого значения не имеет, подпишете ли вы эту бумагу или нет, ничего это не изменит, а только ухудшит ваше положение здесь. Это всего лишь формальность, к тому же на этом свете нет ничего вечного и постоянного. Поверьте, все изменится, убедите ваших». Я почувствовал искренность этого человека и спросил: «Кто вы?» – «Я из Ленинграда!» Он повернулся и ушел. Больше я его не видел, но снова и, кто знает, в который раз, убедился, что человек есть везде...

Я подошел к столу первым, подписал бумагу и сказал всем то, что услышал от ленинградца. Комендант с удовлетворением сложил бу-

маги, вышел из-за стола и показал помощнику на лампу: «Забери!» Они ушли. Падая от усталости, мы легли на пол, и я еще долго слышал тихие всхлипывания... Не помню, как прошла ночь, но заснул я мертвым сном.

И вдруг за окном послышалось, как кто-то по-грузински сказал: «Привезли их, привезли!» Мы вскочили. Высланные до нас, они успели узнать наши фамилии. «Коко, Кокоша!» – ласково позвали меня по имени, как обычно звали дома. Я узнал голос Кето Бокерия, супруги Грамитона Асатиани, выбежал, и мы обнялись. Там стояли заместитель директора совхоза Царелко и руководители каких-то отделов. В совхозе было пять отделов, куда нас всех и распределили. Я попросился во второй отдел, в котором числились супруги Асатиани. По представлениям местных считалось, что они жили в хорошем доме. У них была одна комната и топчаны без матрацев. Поэтому Грамитон подкладывал под себя какой-то медицинский баллон, похожий на автомобильную камеру. Я со смехом спросил его: «И вам после этого до пения? О вашем пении мне успели рассказать в дороге, и я понял, что скоро увижусь с вами». Он сказал: «Мой единственный сын Геде жив, поэтому мне и поется». И добавил: «Вообще-то я всю жизнь опасался двух вещей: монгольских глаз и пустыни, и вот я здесь...» Кето суетилась, позвала соседа, Хакибея Смира, тоже высланного, и попросила его достать для меня топчан. «Будешь жить здесь, пока не найдешь своих!» – сказала она. Господи, как же хорошо становится, когда в тяжелое время ты слышишь теплые, ласковые слова родных людей. Я смотрел на счастливых родителей, попавших в плачевное положение, – их оптимизм ободрял меня и придавал надежду. И впрямь, человек никогда не должен ее терять! Я вспомнил об этой встрече с ними спустя более двадцати лет, когда, будучи в Америке, посетил в Кливленде Геде Асатиани и приехавшую к нему в гости мать. Как он нежно обнимал ее, и как они были счастливы!.. Мог ли я тогда представить, что через пару лет он покончит с собой! Будучи ученым врачом, Геде обнаружил у себя рак поджелудочной железы и принял двойную дозу яда, а его мать на второй

день после кремации сына повесилась в ванной. Урну с пеплом матери и сына привезли в Тбилиси и захоронили на старом Верийском кладбище...

Но в то время, когда супруги Асатиани приютили меня, и я строил планы поисков своей семьи, в этом поселении никто о них не слышал.

Первый человек, которого я встретил, выйдя на улицу, был Володя Расинский с женой, Шурой Цагурия, высланный из Гагры. Володя оказался самым информированным о делах нашего совхоза: «Моя жена по специальности инженер-строитель, я лесник, а какие здесь леса, видишь? Вот я и пошел по строительным делам». Его назначили «нормадром», а жена уже работала над планировкой дорожного строительства. Расинский сказал также, что главный руководитель всего строительства – широко образованный и знающий инженер Б. И. Головкин, с которым можно найти общий язык. Оказывается, в совхоз привезли до пятисот грузин – «надо объединиться с ними, помогать друг другу, и тогда мы создадим сносные условия жизни». И Расинский действительно сделал немало: мы постепенно стали переводить к нам грузин, живших в гораздо более тяжелом положении. По сравнению с тем, в каких условиях жили грузины в других поселках, наш совхоз «30 лет Октября» выглядел вполне цивилизованным местом. По главной, довольно широкой улице тянулись ряды типичных одноэтажных домиков по две комнаты с передней в каждом, хотя полы большей частью были земляные, но сами дома построены из необожженного необработанного кирпича из глины. По обе стороны улицы проложены канавки с водой для орошения. Перед некоторыми домами торчат хилые саженцы деревьев – авось пустят корни и пойдут в рост! Правление совхоза помещалось в большом одноэтажном доме в конце улицы, а спецкомендатура находилась в начале. Несколько таких улиц, но поменьше и поуже, пересекали главную: такие же типичные домики, хотя многие были недостроенные. Эта часть поселения считалась «центральной», или, как ее называли – «центральная усадьба». Главным нервом, жизненной артерией

всей этой части являлся канал, по которому шла животворная вода из Сырдарьи. Расположенные в окрестностях канала остальные пять отделов хозяйства были поменьше «центральной», но построены в таком же порядке, только недостроенных домов здесь было больше. Все эти дома были предназначены, в основном, для тех, кто пожелал бы здесь поселиться; желающие могли получить дом в аренду, место для огорода, корову, зерно и какую-то денежную дотацию, – только живи и работай на хлопковой плантации! Таких называли «плановыми переселенцами», но тех, кто приехал привлеченный обещанными условиями, оказалось совсем немного: большинство, «вкусив» местный быт, покидало эти места, – одни в поисках лучших условий, другие же предпочли бедствовать дома, нежели воевать с пустыней.

Из свободных поселенцев, помимо некоторых сотрудников совхоза, сюда забредали и случайные люди, находившие временный приют. Многие из них скрывались от уголовной ответственности. Здесь им было привольно, никто не интересовался их прошлым, да никто их и не искал. А если кто и спрашивал, то они легко и незаметно исчезали и находили себе пристанище в другом месте. Ведь их ничто не связывало, они не были обременены ни семьей, ни какой-либо другой ответственностью. Они выдавали себя кто за монтера, кто за механика, жили себе без забот, пока не «прокальвались» на незнании ремесла. Вот почему везде тускло коптилась керосиновая лампа, и руководству хозяйства трудно было подготовить механизацию для засева хлопка, вот почему не было рабочих рук и специалистов, а лишенные прав люди вроде нас были позарез необходимы «Голодной степи»...

Сосланные в эти места в 1924-1943 годах греки жили в домиках, слепленных из сырца-кирпича, в которых крышей и стенами служил свезенный с берегов Сыр-Дарьи тростник, замешенный на том же сырце. Из маленьких окошек в тростниковой стене едва пробивался дневной свет. Из Абхазии, Эшер, выслали Цинекидов, Лиалекидов, Тулгаридов. В основном это были мастера, они строили «типичные домики» для свободных жителей, сами же жили в ужасных услови-

ях. В подобной же плетеной лачуге они устроили молельню, где греческий священник проводил тайное богослужение, прося Господа спасти несчастных православных. Грузин также, большей частью, подселили к грекам, одних в бараки, а кому повезло – поселились одной семьей с несколькими другими семьями в недостроенных типичных домиках без окон и дверей на окраине поселка.

Я испытывал угрызения совести: еще не работая, я жил в доме, где были стены, пол, окна, жил на всем готовом и искал свою семью. Арсланов выполнил обещание: он договорился со спецкомендатурой, и мне дали право выхода из зоны, а иногда он давал мне однолошадную бричку. И я отправлялся в соседние поселения, один или с кем-нибудь, искал, спрашивал... Боже мой! Глядя на грузин в колхозах, сердце мое сжималось и глаза наполнялись слезами. Некоторые наши были подселены к еще более бедствующим грекам, были и такие, кто жил в курятнике, и все они смотрели на меня печальными безнадежными глазами. Но никто из них не слышал о моей матери, жене и детях.

Так я тщательно, шаг за шагом, прошел всю эту сторону канала, не пропустив ни один его уголок, обошел все деревни Кировского районного центра, решив продолжить поиски по правой стороне канала.

Канал, или арык, как его здесь называют, являет собой удивительнейший феномен в пустыне – строение из бетонных жалюзи и коллекторальных построек. Он протянулся от Сыр-Дарьи на много десятков километров, питая всю ирригационную систему, орошающую территории хлопковых плантаций. Орошением занимаются мирабы. С весны до сбора хлопка этот канал заполнен водой и щедро поит не только ненасытную целину, но является и единственным источником воды для человека. Повторюсь, источником, если можно считать таковым мутную воду, заполненную песком и пылью пустыни. Между тем жители хранят эту воду в бочках и банках, и требуется много дней, пока грязь осядет, и воду можно использовать для питья. Но каково ее пить летом, когда температура в тени до-

стигает 40-42 градусов, каково это на вкус? А ведь порой приходится даже мечтать о такой воде!

Помнится, однажды, когда время для орошения еще не пришло, из канала надо было выкачать всю воду, чтобы произвести там ремонт. Дело было летом, у многих закончился запас воды, и людям пришлось брать ее друг у друга в долг, и тогда правление совхоза отправило за водой на Сырдарью несколько цистерн. Но кому бы этого хватило!.. И тут грянул дождь, – шумный, проливной, как это бывает в пустыне, короткий, в крупных каплях. Дети бегают, разевают рты, подставляя их живительной влаге, взрослые с посудой в руках стараются собрать как можно больше воды, льющейся с крыш... Но вот дождь прекратился, уплыла черная туча, невесть откуда взявшаяся, и снова засияло солнце, над землей стелился легкий пар, как единственный след прошедшего дождя, а дети бегали в поисках остатков дождевой влаги во вмятинах от копыт скота. Но все это будет потом, летом, а пока что здесь лютовала зима, по ночам и ранним утром морозило, днем же на узких тропинках, протоптанных по расквасившимся дорогам встречались редкие, согнувшиеся от холода прохожие. Каждый думал о своем, о том, что будет завтра, каким он будет, этот неизвестный завтрашний день!..

Канал уже был до краев наполнен, так что его вялое течение было едва заметно. Один из старых тамошних жильцов, Ставицкий, сказал, что канал построен на костях жертв 1937 года. Ставицкий был в те годы заключенным, теперь – главным агрономом совхоза. Он еще сказал, что этим участком строительства руководил грузин, инженер Мелия, и он, будучи заключенным, тоже похоронен где-то здесь. Тогда было много грузин, был даже один философ, Гогиберидзе... И я понял, что речь шла о профессоре Мосэ Гогиберидзе. Здесь он рыл землю, а потом его унесли, да и похоронили где-то...

Я все ищу, ищу, ищу... Спецкомендатуре ничего не известно, пока не учтены все списки высланных. Я решил перенести поиски на левую сторону канала и начать с ближайшего пункта – «Винсовхоза». Ходили слухи, что грузин там немного, человек 100-150, но

спросить-то у них надо, может, кто что и слышал. Знаю, что там живет однофамилица моей жены, врач Лордкипанидзе, сама она – Марго Муджири, жена актера Элгуджи Лордкипанидзе, который был репрессирован в 37-м вместе с Сандро Ахметели. Марго же выслали с пятнадцатилетним сыном, Джанико – брат Марго был эмигрантом и жил в Париже.

Марго – энергичная женщина, и ее вскоре перевели врачом в райцентр, но мы с ней все знали друг о друге, и нашим «связистом» стал ее сын Джанико, часто приезжавший к нам в совхоз. Вернувшись в Грузию, Джанико поступил в университет, закончил факультет журналистики и до конца своей короткой жизни работал редактором газеты «Молодежь Грузии»...

Там я встретил и Тину Карумидзе, архитектора, которую также вскоре перевели в райцентр. Оттуда ее направили в командировку в Туркестан в связи с реставрацией мечети, имевшей важное историческое значение. А мне уже нечего было искать в этом совхозе, Марго знала все про всех тамошних переселенцев. Этот совхоз носил название «Винсовхоз», но в основном там развивали хлопковое хозяйство. Хотя имелся и кустовой виноградник на опытном участке, и в зимнее время, чтобы защитить от снега, его присыпали землей. Грузины в основном трудились на хлопковых плантациях, хотя и там, как и в нашем совхозе, не было окончательного распределения, кому где работать.

...И вот, наконец, Гурам Габашвили! Гляжу – навстречу мне спешит молодой, спортивно сложенный красавец. Он так быстро шел, что его коричневое драповое пальто широко распахивалось и развевалось на ходу. Оказывается, узнав, что в их совхозе появился какой-то новый грузин, он заторопился ко мне. Мы обнялись, как давние знакомцы, хотя до этого я никогда с ним не встречался. Наша дружба завязалась сразу и, закаленная общими страданиями, переросла в братскую любовь, продлившуюся до старости.

Гурам – внук Екатерины Габашвили, был выслан со своей матерью. Причина? Отец Гурама в 1921 году отправился в эмиграцию,

во Францию. Тогда Гураму было около двух лет. Следующие тридцать лет он шел по жизни своей дорогой, стал архитектором. Он был также известным спортсменом, членом сборной команды Грузии и финалистом Всесоюзного кубка по волейболу.

...За ними пришли ночью, не назвав причины, произвели обыск и увели мать с сыном. Хрупкая, но сильная духом Мариам, мать Гурама, вызывает уважение умением достойно держаться; от нее словно исходит светлая сила, и ты понимаешь, что дети таких матерей не сгинут в песках пустыни.

По-видимому, разгромная ночь 1951 года обрушилась не только на родственников тех, кто попал в плен; это была ночь, каких Грузия не знала со времен нашествия Ага-Махмад хана. Еще более странным и непонятным показалась мне история с выселением человека, с которым познакомил меня Гурам в этом совхозе.

...Однажды, в дореволюционные времена, пятнадцатилетний отрок Шахро Романишвили удрал из дома, снедаемый жаждой путешествий и приключений. Побродив долгое время по белу свету, он попал в Харбин, работал на русско-китайской железной дороге, потом обосновался в Китае. Составив себе огромное состояние, Шахро поселился в Париже. Он удачно занимался коммерцией и жил в свое удовольствие, но неодолимое желание увидеть родину грызло ему сердце. И как только такая возможность представилась, он распродал свое движимое и недвижимое имущество и вернулся в Грузию с группой грузин, заручившись гарантией какого-то Ильи Тавадзе. Увы! Мечтавший о родине, он прожил на свободе всего лишь два года. Люди того времени помнят человека, раскатывавшего по тбилисским улицам на лимузине кизилового цвета. И вот он снова оторван от родных мест, уже пожилой, без будущего, ставший жителем пустыни. «Это все, что осталось от моего состояния», – говорит мне Шахро с горькой улыбкой, открывает чемодан и показывает нам несколько десятков галстуков, отобранных, видимо, для такого же количества костюмов. Но костюмы остались в Тбилиси, а в ссылку с ним отправились почему-то одни галстуки. На скопленные им день-

ги он купил ветхий домишко, где и собирается закончить свои дни...

Пожалуй, трудно найти какое-то определенное и конкретное объяснение тому, что лежало в основе массового выселения грузин. Была замечательная семья двух братьев Хведелидзе, которых сослали из-за того, что их бабушка была сестрой Ноя Рамишвили. Известно, что в ночь высылки братьев заставили сесть на пол, как наиболее опасных преступников, и выслали с первым же отправленным из Тбилиси эшелоном, после чего они оказались в Сарыагаше. Их 92-летнюю бабушку забрали из горной деревушки Земосуре в Гурии, но она попала в другой эшелон. Она больше так и не увидела своих внуков и всех других членов семьи, поскольку не говорила по-русски. Постепенно она вообще сомкнула свои уста, перестав говорить даже на своем родном языке, да и не с кем ей было там говорить. Умерла она как немая в Средней Азии, в каком-то убежище для бесприютных.

Как-то во время поисков своей семьи, я встретил в Сарыагаше доктора Тевзадзе, ларинголога, и подумал: куда же девались его прежняя стать и твердый шаг, когда он шел по тбилисским улицам в широкополой шляпе, с докторским саквояжем в руках... Его сослали потому, что брат его жены Дадешкелиани не вернулся после войны и остался в Германии, в то же время власти не тронули других братьев и сестер этого Дадешкелиани. Такое впечатление, что эти выселения, кем-то решенные, торопливо осуществлялись по принципу: «Все равно кого брать!» – лишь бы кого-то. Важную роль играло количество. Не исключено, что слухи о повторных выселениях в будущем, похожи на правду. Но установить причину этого явления, наверное, смогут историки, которые назовут его «выселением грузин».

Вечером я вернулся в подавленном настроении. Все мне сочувствовали и сострадали, даже сами казахи. Казахам здесь гораздо больше, чем русским, они занимают руководящие посты – директор столовой или магазина, бригадиры, начальники отделов. Они не занимаются физическим трудом и любят повторять: «Я – хозяин стра-

ны!» С русскими они настороже, к грузинам благожелательны, не прочь подружиться. Однажды начальник отдела Саидулла вез нас на бричке, и мы с ним и с Грамитоном втроем сидели на козлах, Саидулла – в середине, держа в руках вожжи. Неожиданно он хитро прищурил свои и без того узкие глаза, сдернул шапку с Грамитона и надел ее на себя, свою же нахлобучил на Грамитона и, довольный, заявил: «Я профессор!» Потом, видно, ему наскучило быть профессором, он вернул шапку Грамитону, надел мою, а свою нахлобучил на меня: «Я инженер!» И так всю дорогу он был то профессором, то инженером, и мы с Грамитоном по очереди представлялись Саидуллой. Не знаю, дурачился ли он по простоте душевной или хотел нам показать свое правовое превосходство. Грамитон ворчал: «Говорил же тебе, что надо опасаться монгольских глаз!»

Саидулла посоветовал мне отправиться в Кызылкум, признанный центром «Красной пустыни», там по воскресным дням устраиваются большие ярмарки, где можно встретить грузин, – может кто из них слышал о моей семье.

По утрам очень холодно, далеко-далеко земля сливается с холодным горизонтом. Позади остались последние насаждения на территории совхоза, тянущиеся вдоль главного канала, – настоящий оазис этой пустыни. Вдоль малого канала идет узкая тропинка, которая приведет меня в Кызылкум. Дорога все еще подмерзшая, идти по ней нетрудно – это к полудню она размягчится, покроется грязью и затруднит путь. Поэтому я сразу беру быстрый темп, тем более что впереди у меня часа два-три ходьбы, я должен вовремя попасть на ярмарку и успеть возвратиться до наступления ночи.

Необъятная для глаза пустыня Кызылкум отличается от Каракума и как место для проживания. Кызылкум можно считать «доброкачественным» несчастьем. Природа здесь мягче, и уже ранней весной она начинает пестреть удивительной красоты цветными травами. Не успеет закончиться период дождей, как пустыня уже ослепительно сверкает под лучами солнца, похожая на многокрасочный ковер. Только этой красоте отпущена слишком короткая

жизнь. Еще немного времени, и беспощадный зной достигнет 70-72 градуса. Пламень раскаленного солнца сжигает все, что дает жизнь, становясь могильщиком порожденного им самим, горячий борей пустыни развеет черный пепел, а после длинное-предлинное лето иссушит и превратит в пыль поверхность земли. Остается одна, вечно голодная пустыня – Кызылкум, которую впоследствии почему-то назовут целиной.

Но живых существ хватает этой земле, где живут разнообразные пресмыкающиеся и насекомые. В лунную ночь можно заметить прыгающего на двух лапках тушканчика, охотника за насекомыми, днем увидишь разных ящериц, маленьких и крупных, похожих на крошечных крокодилов, длиной в 50-60 см. А бывает – скользнет и гюрза. Далеко на берегах Сыр-Дарьи начинаются непроходимые леса с богатейшей фауной, а на прилегающих к ним землях вольно пасутся сайгаки с высоко вскинутыми головами.

Кызылкум, куда я спешу, – это небольшое поселение в пустыне, вокруг которого, на орошенной каналом земле, появилось несколько колхозов. Здесь сеют и собирают хлопок. В этих колхозах поселили сосланных ранее греков, теперь же к ним добавили и грузин в качестве рабочей силы на хлопковых плантациях.

Было два часа пополудни, когда я добрался до здешней ярмарки. На большой территории, прилегающей к ярмарке, отдыхали верблюды, пережевывая свою жвачку. На этих верблюдах привезли сухофрукты, кумыс, различные товары. С лотков продаются ткани и скобяные изделия. Кое-где торговля идет прямо с грузовиков. Пышные связки кураги, изюма и других сухофруктов громоздятся на открытых лотках, все больше привезенных из Узбекистана и Таджикистана, местного такого добра гораздо меньше. Поодаль торгуют скотиной, в основном, баранами и козами. То тут, то там породистые лошади дробят копытами затвердевшую грязь. На вес, в основном, продается конина.

У лотков я увидел группу грузин; одни продают семейные вещи, другие пришли просто так – послушать новости, посудачить, может,

кто что и скажет. Мой приход взбудоражил их, спрашивают вести из Грузии. А ведь я выехал из Тбилиси всего лишь через пять дней после них, но трудно даже представить себе, что означали для них эти пять дней! Они забрасывают меня вопросами, стараясь извлечь из моих ответов какую-то надежду, но что я могу сказать в утешение этим беднякам, разве и без того известное им: народ, привыкший с рабским повиновением выполнять «мероприятия», продолжает и после выселения жить по-прежнему, как и жил. Брат за брата украдкой роняет слезу, но так и не смеет громко сказать об этом...

«Кто это? Кто такой?» – спрашивают про меня вновь подошедшие, и, узнав о моей истории, тут же включаются в общий разговор, дают мне советы, да и о себе говорят, облегчая душу.

Многих подсадили к грекам в землянки, иногда по несколько семей в одну комнату. Нет у них ни кроватей, ни мебели, постель на земле, где они спят, и, непривычные к такому образу жизни, люди страдают. Греки стараются им помочь, но как? – у самих-то ничего нет. Руководство колхоза обещает раздать топчаны к весне, но пока никто не ведает, какую работу будут выполнять мужчины, как будут содержать себя женщины, где будут учиться дети...

И вдруг кто-то сказал мне: «В вашем деле может помочь Квавилов, он все знает». Действительно, кто-то быстро нашел Квавилова на рынке и привел ко мне. Это молодой человек, побывавший в плену, сослан один, без семьи, поэтому-то у него больше времени заниматься чужими делами. Признаки, по которым я описал членов своей семьи, показали Квавилу знакомыми. «Как же! – сказал он, – знаю, – старшая женщина оказалась в другой машине, и ее высадили в другом месте. Потом они искали друг друга, нашли, и теперь они живут в колхозе «Первое мая»...»

Мы, не откладывая, направились туда, за нами увязалось еще несколько грузин. Когда мы выходили с территории ярмарки, настал час мусульманской молитвы, молящиеся, склонив колена на маленькие коврики, совершали намаз. Верблюды все так же лениво пережевывали жвачку, оставшиеся у своих лотков грузины провожали

нас печальными глазами.

Хлопковый колхоз имени Первого Мая насчитывает 150-200 поселенцев, есть почта, спецкомендатура, домики-землянки, в основном, с земляными полами. Там живут греки, сравнительно меньше казахов, работающих бригадирами и на других должностях. Домики и у них построены из сырцового кирпича, но с дощатыми полами. Русских здесь вообще нет. Домики идут в несколько рядов, между ними довольно просторные улицы. Первым, с кем я встретился, был врач Коля Джандиери, сразу же обрадованно возвестивший: «Ваша семья и мать здесь! Здесь!» Когда я спросил его, как он, он ответил: «О наших делах уже можно и не говорить, мы все здесь передохнем!» Он рассказал, что пока у него дома шел обыск, ему приказали сидеть на полу и не двигаться!

Вскоре появились и другие из Грузии, кто-то побежал за моей супругой, она, оказывается, в это время шла на почту писать очередное заявление о моем розыске. Потом Нора мне рассказала, что спецкомендант Сейданов посоветовал ей писать как можно больше заявлений – кто-то, мол, наконец, обратит внимание, что-то проявится, и ты найдешь мужа. Этот Сейданов, казах, в прошлом был «большим человеком», но его из-за какой-то провинности понизили в должности. Он благожелательно настроен по отношению к ссыльным грузинам, он же и выяснил, что меня отправили в Среднюю Азию, но куда – не мог узнать, потому что распределительные списки все еще не были составлены. Я вдруг на мгновение обмяк; меня охватили безумная радость, сожаление и осознание собственной беспомощности. Все это каким-то образом перемешалось, подкатил к горлу горький ком, но меня снова захлестнула радость – я увидел моего мальчика, моего Темури, взбравшегося вместе с греческими детьми на ослика. Но он меня заметил и со всех ног припустил ко мне. Я увидел маму, она узнала о моем появлении и, держа за руку мою голубоглазую Марину, спешила ко мне. И вот – Нора, ко мне бежала моя супруга, мой друг, товарищ, которой пришлось в одиночестве тянуть на плечах бремя семьи далеко на чужбине. Мы бросились друг к другу и

долго стояли обнявшись, не в силах вымолвить слова...

Уже за вечерело. Я и думать не мог о возвращении назад. Сейданов связался с спецкомендантом совхоза, сообщил ему обо всем, и ту ночь мне разрешили провести с семьей. Комната в землянке с низко нависшим потолком едва достигала десяти квадратных метров. Это была даже не комната, а проходная в другую комнату, где жила супружеская пара «хозяев» – греков. На единственном окошке без стекла висит полотняная занавеска, постель разложена на голой земле. Помог им обосноваться здесь Гиви Канчели, оказавшийся с моими в одном вагоне.

На четырех всажженных в землю колышках – по одной пяди каждый и с двумя остриями, проложено несколько жердей, сверху – связанные из стеблей тростника «матрацы». На этом «матраце» разложена постель, и мы лежим на ней всей семьей. Дети спят рядом. Уже давно перевалило за полночь, а мы все говорим и говорим, делимся друг с другом увиденным и пережитым, в углу дымит-мерцает керо-синовая коптилка.

Той проклятой ночью 25-го декабря детей рано уложили спать, на следующий день у Темура был назначен концерт в музыкальной школе. Часа в два ночи кто-то подошел к дверям: «Откройте, мы из органов!» Вошли четверо, сели, трое были в гражданском. Снаружи, по словам соседа, ждал низкорослый конвойный в короткой черной черкеске и в черной папахе с красными полосами. Говорят, накануне в Тбилиси вызвали казачий полк для таких операций. Сначала они спросили, кто проживает в доме. Узнав, что я нахожусь в Ереване, а мой брат Леван с семьей живет в Москве, они сразу куда-то послали своего человека, наверное, за получением инструкций. До этого же обстоятельно выясняли все подробности у моей матери. Мама сказала, что один ее сын без вести пропал, а мужа расстреляли в 37-м. Моя жена, услышав о 37-м, решила, что маму пришли арестовать. Ведь после ареста отца за ней уже приходили, но мы тогда надежно спрятали ее. Моя жена была потрясена: возможно ли повторение всего того, что однажды уже произошло! Напуганная тем, что жен-

щину преклонных годов арестовывают, она обдумывала, как ее подготовить к зиме, как ее потеплее одеть!..

Поговорив с моей матерью, они взялись за Нору, задав ей анкетные вопросы. «И ее внесите в список!» – сказал один из них. Нора решила, что это со мною что-то произошло, но тотчас же отогнала от себя эту мысль. Тут проснулись дети, и, увидев в доме посторонних, перепуганных мать и бабушку, заревели. Нора попросила пришедших разрешить оставить детей у своей тетки, чтобы они не остались без присмотра, тем более что тетка жила неподалеку. Но ей отказали, велели одеть детей и успокоить. Спустя какое-то время вернулся и их посланец, о чем-то переговорив, спросили, есть ли в доме оружие. «Нет, никакого оружия в доме нет!» И они приступили к обыску. Вывалив из книжного шкафа книги, почему-то перелистывали их. Моя мать и жена, окаменев, смотрели на это, дети тихо всхлипывали. Наконец, чекисты объявили: мероприятие заканчивается, и всю семью, включая детей, высылают из Грузии, причину же сообщат позднее. Они даже сказали моим, что, «поскольку главы семьи не оказалось дома, то мы послали человека спросить, не оставить ли вас до его приезда, но нам велели вас забрать». Нора попросила их: «Мы совсем без денег, позвольте мне выйти и попросить у соседей». Сначала они отказали, – не имеем, мол, права, но потом, видно, пожалели ее, чекист вышел с ней к соседям, там собрали немного денег. Когда моя жена вернулась, чекисты успели развернуть ковер и бросали туда вещи, – все что попадало им под руку. Даже картошку дали взять, сказали – пригодится, – и положили в торбу. Один даже конфету дал заплаканному ребенку – такой человеколюбивый жест по отношению к тому, чью семью разрушаешь! Потом они вынесли этот тюк. Внизу ждал грузовик. Темури все беспокоился, – что мне теперь делать, я ведь завтра на концерте должен играть. Моя мама молча забралась в кузов, потом вывели Нору с ребенком, ребенка посадили в кабину, сама она залезла в кузов. Когда дверь закрывалась, Темуру прищемило палец, пошла кровь, кровь ребенка, смешанная со слезами матери, носовой платок, которым ему перевязали палец,

намок от крови...

Машина тронулась...

Уже светало. На каком-то пути Навтлутской станции заполняли громадный эшелон. Загнанные в вагон для скота, люди проклинали медленно шедшего вдоль эшелона генерала в высокой папахе; он вышагивал с таким равнодушием, словно эшелон загружался не людьми, а скотиной. Потом пошла нескончаемая дорога, грохот колес, слезы, плач, страх, думы о неизвестности, их ожидающей, страх за меня. Нора несколько дней ничего не ела, даже воды не пила, сидела в слезах, мама умоляла ее – возьми себя в руки, не губи детей... Потом она собралась с духом, проявила волю, и даже спустилась на какой-то станции узнать, куда их везут. Наконец в вагоне стало известно, что везут их в Казахстан на вечное поселение. Потом они рассказали, как потеряли в дороге друг друга, и как нашлись.

Перед рассветом пошел дождь. Он пролился с крыши на нашу общую постель, и мама принесла таз, а я поставил его себе на грудь и провел бессонную ночь до самого утра под звонкую капель.

Рано утром я отправился в свой совхоз, чтобы оформить в отделе безопасности райцентра разрешение о переводе ко мне моей семьи. Надо было подготовить для них квартиру. С сияющим видом я вошел к Арисланову в кабинет, поделился своей радостью и сказал: «А теперь, Ахмед Шакулович, я готов приступить к любой работе в этом совхозе». Он смотрел на меня улыбаясь: «В первую очередь примите рабочий вид, снимите это драповое пальто и наденьте телогрейку. И шапку соответствующую. Работу же вам даст Головкин Борис Иванович».

Головкин перевалил за средний возраст, высокий, сутуловатый. Во время разговора не смотрит на собеседника, слушает, опустив голову. У него свой тик: накручивает на палец волосы над головой, иногда поглядывает на тебя исподлобья своими сероватыми глазами. Он очень образован, опытный инженер-строитель из той группы молодых специалистов, которых по инициативе Крупской послали за границу для повышения знаний. А после, в период индустриаль-

ных пятилеток, он строил множество важных объектов, последний – в Средней Азии, Ташкентский шелковый комбинат. Мне и поныне непонятно, как он попал в наш совхоз со своей семьей, – красивая жена, дочь, сын... Ходили слухи, что стал жертвой провокации. Сам же он объяснял свое присутствие у нас тем, что его больным легким нужен теплый климат. И все.

Головкин поручил мне руководить строительными работами «Центральной усадьбы». Я ему сказал, что работал электриком и, наверное, больше бы пригодился ему по этой специальности. Но он возразил, подчеркнув, что в настоящее время наиболее важным является строительство жилых домов. «Говорят, – добавил он, – что следующей весной ваших соотечественников еще привезут! Так что, постарайтесь быстро и как можно хорошо построить, это же для ваших строится! Может, тогда они смогут как-то прожить в этом забытом богом месте!» Меня словно молнией ударило: неужто всей Грузии уготована высылка сюда?

Перевод моей семьи ко мне затянулся. Сначала я опоздал с оформлением по инстанциям. Потом заболел. Наверное, нервы не выдержали, да и усталость дала о себе знать, тем более что я готовил жилье для семьи. Наконец к исходу февраля я усадил, наконец, своих в бричку, и мы по непролазной, от грязи дороге поехали в совхоз. Малорослой лошадке нелегко приходилось, и я помогал ей, как мог, иной раз даже вытаскивал увязшее в густой грязи колесо. Исчезло чувство подавленности, тяжело сдавившее сердце, когда я узнал подробности погрома моей семьи, и вот даже напеваю: «Цыгане шумною толпою»... А то и мать поддеваю: «Ты жива еще моя старушка, жив и я, привет тебе, привет...» Над нами косо пролетела стая ворон. Господи! Неужто и здесь можно быть счастливым? Откуда оно взялось, это чудесное вдохновение, что придает мне сил? Мы теперь вместе, всей семьей. И только где-то в затаенном уголке сердца щемит воспоминание. Грузия, Тбилиси, Вардисубанская улица, мой покинутый, остывший очаг! Невольно в сознании рождаются слова, отражающие мое настроение, овладевшее мною еще той снежной

ночью, когда семья Нергадзе запела печальную песню, и я написал стихотворение...

Началась новая жизнь, возникли новые проблемы, решение которых дарило мне радость, вплоть до того, что я даже забывал о случившемся с нами. Это и есть, по-видимому, адаптация. Дети, дети и еще раз дети, вот что было нашей первейшей заботой – еда уже не считалась проблемой, кто мог работать, с голоду бы не помер, а кто нет – помогли бы, здесь не существовало «волчьего закона», рука помощи была нормой, неписанным законом. Так бывает при общей беде. Нам очень помогала директор школы, Арисланова. Она приняла на работу учительницей музыки Амбокадзе, мать бывшего военнопленного Гиви Поракишвили. Хватало и учителей иностранных языков. По нашей просьбе директорша приобрела пианино. Кто желает – учитесь музыке, вот вам и Амбокадзе для этого. В нашем кругу высланных оказалась и профессиональная балерина из Парижа, Вачнадзе, и мы организовали детский танцевальный кружок. Родители русских и казахских детей были в восторге, и это стало гарантией успешного решения подобных вопросов. Преподавание велось на русском языке, но в целом проблема образования детей в пределах десятилетки могла считаться решенной. Конечно, детям очень не хватало дыхания родины, но, увы, такие дела выходили за пределы наших возможностей.

Впрочем, не все проходило гладко, случались неприятности, и нередко. Кому-то из местных наша деятельность нравилась, других она раздражала. И вот однажды, когда я шел домой, в темноте меня подстерегли какие-то отморозки и бросили мне в лицо твердый предмет, сломавший мне нос. Хорошо, показались прохожие, они и спасли меня. Грамитон Асатиани перевязал мне лицо, но после этого удара на носу появилась горбинка. Словом, сложностей было много, но главное уже было сделано. К чести грузин надо отметить, что они на удивление легко находят в себе силы противостоять трудностям. Сказано: «Надо в горестях окрепнуть, словно каменный утес!», и это вызывало у местных жителей несомненное к нам уважение. Господи,

да неужто для того обрушился на людей этот девятый вал страданий, неужто для того свалилось общее горе, чтобы все они – и мужчины, и женщины, – смогли во всю свою душевную мощь проявить столь негибкие качества!..

Неизбывные горести сразили множество грузинских семей, ведь рядом с жизнью всегда смерть! И вот – первые причитания, первый траур... Первым скончавшимся был маленький мальчик из семьи Анджапаридзе, тот самый младенец шести месяцев от роду, чье имя истошно выкрикивал конвой в Славянке, считая младенца Зураба Анджапаридзе сбежавшим! Помню, мы, как цапли, тянулись по узкой тропинке, впереди шел греческий священник с крестом в руке. Так появилось маленькое грузинское кладбище, покуда маленькое...

В совхозе идет оживленное строительство, мы строим дома из сырцового кирпича. Только на моем участке должно быть построено двести пятьдесят домов; строим сельский магазин, уже окрещенный «универмагом», кинотеатр, электростанцию с локомобильными установками. Расинский помог нам перевезти Гурама Габашвили – он ведь строитель, архитектор, к тому же понравился Головкину. Гурама назначили производителем строительных работ третьего отдела. В пятом отделе инженером-строителем также работает грузин.

Неработающие на хлопковых плантациях обычно заняты в строительстве. Рано утром, до восхода солнца, бывало холодно, и народ выходил на работу в телогрейках. Рыли ямы, выгребали землю, местили ее ногами и заполняли ею двенадцатиклеточные формы кирпичей. Для этого формы складывали в специальное место, переворачивая и оставляя на земле мокрый кирпич. Когда солнце достигало зенита, работать было невозможно, и даже те, кто мог получить надбавку за такой труд, не выдерживали и отказывались продолжать. Полуголые, они уже искали укрытия в тени, именовавшуюся здесь «холодком». В двенадцать или к первому часу дня они заканчивали работу, – под раскаленным солнцем и собака не смогла бы устоять, не получив солнечного удара. Зато расставленный под солнцем кирпич высыхал и скреплялся, как фарфор. В вечернее время, когда ра-

бота закипала с новой силой, рабочие складывали сработанный ими кирпич штабелями, которые пересчитывал «десятник» и записывал их количество для расчета. В конце месяца каждый за тысячу кирпичей зарабатывал 80-100 рублей.

Работой с кирпичами, в основном, заняты греки, у них на это монополия, они трудятся семейными бригадами. До начала дождей сложенные стеной кирпичи следует накрыть и обработать их смесью из кирпича-сырца, иначе они от первого же дождя распадутся и превратятся в крошево.

Наша колония постепенно разрастается. Из Кызылкума к нам переехала семья Каландадзе: мать семейства Гульнара, ее старшая дочь Евгения, учительница, и младшая дочь Чито, врач, с сыном Гией и дочкой Гульнази... Почему их выслали? А потому: старший сын матери семейства с 1926 года находился в эмиграции. Чито, ныне врачу, тогда было двенадцать лет, а ее дети родились аж десять лет спустя!..

Участь истинного врача нелегка и в цивилизованных условиях, но там, где человека подвергают не только физическому гнету, но и ежедневной моральной травле, его профессиональная ответственность увеличивается во сто крат, и разве что очень сильные плечи могут выдержать такой тяжелый груз. Чито стала для нас всех семейным врачом – кто только и куда только не звал ее в те годы!

...На узком топчане валетом лежат мать и сын. Мать в агонии, смерть близко подобралась и к ее 12-летнему сыну. Истощенный и обессиленный, он беспомощно смотрит на отца, бывшего военнопленного Кварацхелия, у которого на руках его крошечный братик: отец то на дверь поглядывает, то на этих несчастных. А на дворе весело шумит ребяшня, мальчик слышит их, и в его голубых глазах порою вспыхивает зависть. «Сейчас, родненькие, потерпите малость, сейчас доктор придет»... Мужчина словно и в себе хочет пробудить надежду! «Папа, у мамочки ноги остыли, совсем остыли...», – говорит больной ребенок. Но мать уже не слышит его голоса, она уже освободилась от мук этого мира, и, если душа что и чувствует после смерти, то нет сомнения – ее сопровождают туда мучительные мысли о

детях и семье...

Выйдя из землянки с опущенной головой, доктор Чито побрела по дну высохшего арыка, присела на земляную насыпь и зарыдала. Через несколько дней из землянки Кварацхелия вынесли второй гроб. Это был маленький голубоглазый мальчик.

Когда семья Чито вернулась на родину, ее сын Гия окончил биологический факультет Тбилисского университета. Защитил в Москве докторскую диссертацию, и его оставили там работать. Сама Чито стала известным педиатром, отдавая лечению детей все свои силы.

К нам в совхоз перешла семья Варазашвили – Миша и Марго с 10-летним сыном Ванико. Отец Миши с 1921 года находился в эмиграции, теперь ответа за это потребовали у его детей. Сам Миша – инженер-строитель, Марго – инженер-металлург. Будучи членом партии, ей пришлось сдать свой партбилет, и она все никак не может смириться с этим обстоятельством. Мы с Володей и Гурамом делаем все, чтобы как можно больше грузин перешли в наш совхоз, ибо условия для проживания у нас сравнительно сносны. Но вот с переводом к нам семьи Масхарашвили что-то не заладилось. Мать семьи, Барбале Дадиани (близкие ее звали Бабошкой) – дочь эмигрировавшего в памятном 1921 году князя Коки Дадиани, за это ее и выслали вместе с детьми. Директор совхоза не давал согласия на их перевод, дескать, профессии у них не те, словом, уперся татарин – нет и нет! Но мы пошли на хитрость, сказали, что Георгий не просто искусствовед, он еще и превосходный лепщик. Мы строим клуб, а клуб надо украсить орнаментами. Кто же их будет делать? Конечно, лепщик! Сработало! И Георгий с матерью и сестрой попали в наш совхоз. А потом курьезный случай и вовсе упрочил положение Георгия, хотя он никаким лепщиком не работал, а считался монтером на еще недостроенной электростанции. Случилось вот что: совхозная молодежь организовала футбольную команду, в которую к сожалению, я не мог войти из-за возраста. Ребята оказались такими молодцами, что, отправленные на областное первенство в сопровождении кагэбешного конвоя, заняли второе место. Первое они усту-

пили команде, в которой играли известные грузинским любителям футболисты Куко Пехлеваниди и подобные ему игроки. Потом эта команда приехала к нам в совхоз для проведения матча – разумеется, из уважения к грузинам. И вдруг перед началом игры оказалось, что у нас по какой-то причине нет вратаря. Мы немедленно одели Георгия в футбольную форму, и этот высокий худощавый парень преобразился в «рыцаря печального образа». Он флегматично отбрасывал то ногой, то руками посланные в ворота мячи. И вот она, кульминация: когда в конце игры мы выигрывали со счетом 1:0, в наши ворота назначили пенальти. Георгий, совершив наудачу непрофессиональный прыжок, поймал мяч, и мы выиграли матч. Но главное, директор совхоза произнес: «Молодец, лепщик!» Это событие укрепило его положение в совхозе, а вскоре и сестра Георгия Татули начала работать в управлении совхоза статистиком.

Мне уже трудно вспомнить фамилии всех грузин, которым мы помогли перейти в наш совхоз, и тех, кто перевелся своим ходом. Бесспорно лишь то, что кроме бывших военнопленных и членов их семей, среди них было множество детей эмигрантов, многие из которых даже и не видели своих отцов, или не помнили их. И немало самих эмигрантов, поспешивших в Грузию, как только родина дала им право на возвращение.

Наша колония заметно увеличилась. Директор уже и слышать не хотел о том, чтобы кого-то перевезти к нам, но однажды я нарушил табу и вошел к нему. Вот как это было: два часа пополудни, температура в тени доходит до 42 градусов, рабочие уже давно укрылись в «холодке», казахи, облаченные в теплые халаты, пьют из пиал зеленый чай. Все работы на строительстве прекращены до пяти часов дня. Я оголен по пояс, что сильно удивляет казахов, на голове у меня смоченное в воде полотенце, которое мне время от времени меняет Коля Оболадзе, студент университета, сын военнопленного. У него тоже на голове мокрое полотенце, и он ходит за мной с ведром воды. Мы проверяем работу, считаем, сколько ушло кирпичей, сколько следует добавить деревянного материала. К вечеру я должен знать

общее количество требуемых материалов, чтобы определить при возобновлении работ, куда и сколько следует добавить. Под стеной строящегося «универмага» я заметил молодую женщину в черном. Извинившись, она сказала, что пришла ко мне. Я подошел, поздоровался с ней за руку, но она была мне незнакома, не из нашей колонии. Я спросил, что привело ее ко мне. Она молча вынула завернутую в платок фотографию. На фотографии – мужчина и женщина, перед ними два гроба, где покоятся девочка и мальчик. «Мои дети, – говорит она дрожащим голосом. – Тинико шесть лет, Сосо – девять, а это – мой муж, сейчас он в тюрьме...» И она поведала мне ужасающее...

Ее муж, по фамилии Гиоргадзе, был из города Вани, на фронте воевал в звании капитана, получил ордена и медали. Потом попал в плен, бежал, его поймали, каким-то чудом он избежал смерти. Вернувшись домой, он прижал к себе маленького Сосо, родившегося после его призыва в армию. Вытер слезы и произнес: «Вот таким я и представлял тебя». Потом у них родилась дочь. В Казахстане, куда их отправили, они попали в край, где не было ни одного грузина. Их поселили в землянке одинокого грека. Дети заболели корью, родители ухаживали за ними. Однажды ночью к греку зашли в гости казахи пить водку. Их было пятеро. Опынев, они положили глаз на грузинку и, удучив момент, стали домогаться ее. На шум выбежал Гиоргадзе, сшиб этих казахов с ног и избил всех пятерых, камнем разбил одному голову, тот оказался братом начальника районного отдела МВД Амирова. В ту же ночь в семье устроили погром, Гиоргадзе связали и увели, перенесшие корь дети простыли, у них началось воспаление легких, и через неделю они скончались. Отца детей привели после многих просьб отпустить его на похороны детей. Грек же все тайно сфотографировал. Потом был суд, мужу дали два года лишения свободы и отправили в чимкентскую тюрьму.

– Я прошу вас, переведите меня сюда, здесь много грузин, есть грузинское кладбище, я хочу своих детей упокоить там...

Вечером я отправился к директору, рассказал обо всем, показал

фотографию. Он пришел в ужас и сказал: «Завтра же переведем ее!»

И на грузинском кладбище на казахской земле появилась еще одна могилка двух невинных детей, отмеченная вытесанными рукой матери двумя деревянными крестами.

...Вечерами, когда стихает бушующий зной, когда слабеет горячее дыхание пустыни, из этого освященного прикосновением судьбы уголка незримой струей уносятся куда-то далеко-далече тихий плач, причитания с едва угадываемыми – «Дитя мое!..» и «Горе мне, несчастной!..»

Из нашей колонии уехали Грамитон Асатиани и его супруга. Грамитона, как доктора медицины, профессора, после одной удачно сделанной им операции перевели в Пахтарал гинекологом районной больницы.

Пахтарал – это довольно большой поселок, где когда-то проживал брат русского царя Михаил. Болевший туберкулезом, он решил испытать на себе благотворность местного климата...

Направленный туда Грамитон загрустил и просил мне передать, что он по нам соскучился, что там вообще нет никого из сосланных грузин. И мы втроем – я, Гурам Габашвили и Георгий Масхарашвили отправились его навестить.

Там мы познакомились с семейством Керер, которых задолго до нас выслали туда из Тбилиси. Один из их сыновей стал потом выдающимся пианистом. Вообще немцы, попадавшие в ссылку в глухомань, не могли свыкнуться с местными условиями; большинство семей было уничтожено, нередко можно было встретить паренька с голубыми глазами, который полностью «оказахился» в своих привычках и поступках, – после гибели родителей некоторых детей казхи брали в свои семьи. Но Керерам удалось наладить здесь жизнь и основательно устроиться. Так же удачно сложилась и жизнь одного грузина, давно создавшего благополучную семью...

Главврач больницы в Пахтарале, Богер, тоже был из ссыльных. Однажды Грамитон с Богером приехали к нам в гости. Пир мы устроили у меня в доме, за общий счет – у нас у всех имелись про-

дуктовые заначки. И, поверьте, не столько арака и настоящего на изюме вина было выпито за столом, сколько было спето песен, а певцы у нас были что надо – Нора, Грамитон и мы, басы. Глянув в окно, я глазам не поверил: казахи и русские, высыпали из своих землянок, а некоторые даже, прихватив стулья, расположились возле нашего дома – открыв от восторга рты, они с изумлением слушали грузинское пение и дивились грузинскому застолию. Вообще-то, наши нравы и обычаи не впервой привлекали внимание местных жителей, если можно так назвать неарестованное население этих мест. В особенности же им нравились наши устойчивые семейные традиции, их удивляло, что не встретишь пьяного грузина, вывалявшегося в грязи или дрыхнувшего в канаве.

Заканчивается строительный период, теперь мы поспешно трудимся над перекрытием построек. Закончилось и строительство универсама, куполообразный потолок которого я, от излишнего усердия, велел так выкрасить, что он больше напоминал небесный купол планетария, усыпанного звездами, нежели потолок универсама. Фасад же киноклуба, как иронически заметил Головкин, больше походил на стандартный фасад электроподстанций. Я и поныне сам не могу объяснить этого: да, я действительно электрик, но ведь моими консультантами были архитекторы – Гурам Габашвили и Сосо Гегенава. Может, во время работы пересилили мои профессиональные симпатии, хотя не могу сказать, что Головкин остался недоволен, наоборот, ему даже нравилось, и, когда бы он не проходил мимо, смеясь, повторял: «Ну и нагородил же ты здесь!» Головкин определенно был философом, раз полагал, что добрый смех стоит одного неудачного фасада. Вообще-то было радостно сознавать, что фасаду придается такое значение, но главное – у нас уже был свой кинотеатр. И так удачно совпало, что в это время возник некто Робертс с женой, оба бывшие цирковые акробаты. Сам Робертс был грузин, из Тбилиси, по фамилии Окропиридзе. По его словам, еще в 30-е годы, они с друзьями в Тбилиси, на Дворцовой улице взломали какой-то магазин и решили свалить из Грузии с глаз долой. Спустя

время, он встретил свою теперешнюю жену. Цирковой акробат взял ее псевдоним, «Робертс», и вот уже двадцать пятый год пошел, как они колесят по Средней Азии. Когда подошел возраст, Робертс выучился на киномеханика, а узнав, что в совхозе живут грузины, поспешил к нам, тем более что директор и его жена оказались его давними знакомыми. Он без обиняков сказал: «Соотечественники, если у вас найдется для меня местечко, я бы хотел провести оставшиеся дни здесь, с вами...» По-грузински говорит хорошо, хотя с русским акцентом, работает, не щадя сил для благоустройства кинотеатра. Наше руководство приобрело два автоматических кинопроектора, и мы с Робертсом взялись за их монтаж, ведь все с нетерпением ждут конца работ в надежде увидеть родину хотя бы на экране. Когда кинотеатр был построен, а киноустановки готовы, наш Робертс съездил в Чимкент и привез оттуда фильм «Кето и Котэ». Помню, как я выглядывал из аппаратной – играют дудуки, а Серго Закариадзе произносит под музыку: «Только я глаза закрою – предо мною ты встаешь! Только я глаза открою – над ресницами плывешь!» В зале поднялась волна восторженно-горестных вздохов и всхлипов.

Время идет, и человек ко всему привыкает, если у него есть цель. Наша цель – сохранить себя с достоинством, не опуститься, ибо у каждого в душе живет мысль: мы здесь не останемся, вернемся в Грузию!.. Уверенные в это утешают тех, кто отчаялся.

Большинство наших грузин завели садик с удобренной землей. По ночам нам по очереди дают воду для полива, но сухая земля стремительно всасывает в себя всю воду, и нередко случается, что под поливальщиком земля проваливается – грядка, которую он поливает проседает, и он по колено оказывается в земле. Мы приобрели козу по имени Галя, но нас надули, Галя оказалась немолодой и не давала молока. Но зато наша коза оказалась гулящей, она отяжелела и подарила нам прелестную козочку, которая вскоре сама стала давать немного молока. На второй год мы вырастили и свинку, не забывали отмечать праздники и делали вино из изюма. Но кому было до садиков, когда основные рабочие руки в течение всего дня были заняты

или сбором хлопка, или на строительстве! Поэтому мы все же оставались потребителями, а поскольку появились подобные нам покупатели, то возникли и продавцы. И в окрестностях нашего поселка вырос маленький рынок, где по воскресеньям можно было купить яйца, курицу, сухофрукты, кумыс, осенний арбуз, дыню... Основными покупателями были грузины, поэтому в базарные дни случалось довольно большое скопление сосланных, что не нравилось спецкомендатуре. Поскольку в подписанных нами документах запрета на базар не было, то эти «спецы» придумали уловку, что и в воскресные дни надо иногда собирать хлопок или делать другую работу. Бывало даже, что несогласных поливали из брандспойта. Однажды такое мероприятие провела наша спецкомендатура под руководством Павлова. С базара бежали насквозь промокшие люди, Павлов ринулся к купившей на рынке двух кур Чито Каландадзе и заорал: «Вас сюда работать привезли, а не торговать! Спекулянты!» Оскорбленная грузинка швырнула ему под ноги забивших крыльями кур и крикнула ему: «Нате, ешьте сами!» Павлов растерялся, он не ожидал такого бунта от всегда спокойной, выдержанной докторши, и точно остолбеневший, смотрел, как она спешит к дому, скрывая слезы, но с поднятой головой... Возможно, он почувствовал в этот момент, сколь велика была духовная пропасть между ними! Отпущенные же куры, шумно кудахта, бежали сами не зная куда...

К счастью, этот инцидент не привел к возможным неприятным последствиям. Надо сказать, что отношение спецкомендатуры к нам было непохоже на стереотипное отношение к обычным приговоренным в «зоне». В отличие от нас, тамошним «сидельцам» старались втемяшить в голову, что это их временное обиталище, что их труд и поведение повлияют на сокращение срока наказания, что после отбытия наказания они возвратятся к себе домой, и полученная ими здесь характеристика пригодится на свободе. Наши надзиратели же, казалось, выполняют какую-то тайную инструкцию – с одной стороны они соблюдают строгость режима, с другой – держат себя с нами так, точно нас не силою поволокли, а мы сами, по доброй воле,

приехали сюда. Наверное, таким образом старались представить здешний край как место нашего вечного поселения. И действительно, наша колония становится похожей на место постоянного проживания. Даже новая семья появилась – Франсиза, девушка, родившаяся в Париже, дочь грузинского эмигранта и англичанки, поспешила вместе со своим отцом в далекую, сказочную Грузию, а попала с ним в Среднюю Азию, где вышла замуж за парня из Зугдиди, сына эмигранта. Мы с Чито стали крестными ребенка семьи Дзнеладзе. Ритуал крещения провел греческий священник в маленькой церквушке. Мы тщательно повторяли слова молитвы, и нам казалось, что добросовестно выполненный ритуал крещения в Кызылкуме приближает нас к далекой родине... Мы старательно ходили друг к другу, собирались то у меня, то у Гурама Габашвили, то у Георгия Масхарашвили. С нами всегда были Володя Красинский, Чито Калаңдадзе, семья Варазашвили... Тема разговоров? Грузия и снова Грузия. Мы верили, поддерживали друг друга, не сомневались, что вернемся на родину. Но более всех верила и надеялась Бабошка Дадиани. «Конечно, вернемся!» – твердит она и крестится. Может, вера в Бога придает ей душевных сил, но это всегда происходит к вечеру.

С утра же – работа, ибо в работе – залог нашего спасения. Мы должны быть необходимы местным, не должны отлынивать и отстраняться от взаимодействия с ними, иначе ничего хорошего не получится.

Мои рабочие-греки, когда-то строившие «Сухумгэс», были высланы из Эшеров. Узнав, что я был хорошо знаком с начальником их строительства Георгием Чоговадзе, они с сияющими лицами отзывались о нем сердечно, про меня же говорили: «Он друг Чоговадзе!» Говорили о Грузии, забыв пережитое зло и вспоминая только добро. Греки были превосходными мастерами и, признаться, пополняли мои слабые познания в технологии строительства.

И вот, построены клуб, универмаг, все начатые типовые домики, и, на удивление всем, один даже двухэтажный, оказавшийся, как говорят, единственным и первым в нашем районе. Строительство до-

мов происходит здесь по заведенному порядку; чтобы создать для фундамента прочную базу, вырытый котлован на протяжении дней, а то и недель заливают водой. Случается, что земля оседает и вода просачивается глубоко в землю. Появившиеся расщелины засыпают землей до тех пор, пока вырытый для фундамента котлован уже способен сдерживать воду. И только после этого в котлован заливается бетон. Такой фундамент более или менее надежен и для двухэтажного дома, во всяком случае, во время нашего там пребывания этот дом не осел. «Богом забытая земля!» – неспроста ее так называл Головкин.

Самоотверженные усилия все же дали свой результат, и на общем собрании совхоза Гураму, как победившему в соцсоревновании, вручили переходящее Красное знамя, сказали о нем замечательные слова. Мы были на седьмом небе от радости, ведь это был еще один краеугольный камень в укреплении наших позиций. В это время нам нанес визит замминистра Францишин, управляющий всеми совхозами Казахстана. Мне устроили с ним встречу в «Винсовхозе», где он спросил меня как электрика, не будет ли у меня каких-либо предложений в области улучшения электроснабжения. Я сказал, что хотя станция с локомотивом будет закончена в нынешнем году и начнет работать, было бы хорошо к следующему году установить батареи, ведь здесь есть отличные условия для работы гелиоустановок. Я сказал также, что стоит построить собственную микрогидроэлектростанцию для удовлетворения нужд совхоза, хотя бы с использованием силы падения той четырехметровой воды, которой обладает канал между двумя нашими совхозами. Такая станция могла бы стать мощным резервом для локомотивной станции. К счастью, осуществлять эти идеи выпало не мне. Но нам стало известно, что Францишин сказал местным властям: «Воспользуйтесь присутствием грузин в этих краях, они, скорее всего, уедут, но оставят вам хорошее культурное наследие».

Моя работа, предусмотренная годовым планом, подходила к концу. Жилые дома были перекрыты, закончилось строительство

электростанций, локомотив и генератор были смонтированы, линии проведены, и пошли хлопотливые дни – началась установка электростанции. Здесь, как в свое время бригада греков под руководством Лиаликиди, отлично показала себя семейная бригада неких Алябиных, работавшая над устройством установок. Этим людям я полностью доверял, поскольку отец, сын и внук оказались честными трудягами. Признаться, из числа вольных переселенцев таких добросовестных работников, как Алябины, редко можно было встретить, наоборот, личность большинства из них внушала страх. Так, некий «механик», работавший у меня над установкой станции, задушил женщину, после чего выколол ей глаза, чтоб в них не отразилось его лицо. По-видимому, он от кого-то слышал такое. Потом взъярился на другого собутыльника, разбил бутылку и горлышком с острыми краями так заехал ему в лицо, что нос и рот несчастного застряли в этой полубутылке. И именно этот омерзительный человек явился ко мне в качестве горе-мастера, которого директор послал как старшего механика. Звали его Николай Васильевич. Это был человек, лишенный всех, без исключения, моральных принципов. Невежда в деле, он начал планомерно теснить семью Алябиных. После того, как я пресек его попытки, он взъярился на меня. В конце концов, станция заработала, но заводской локомотив оказался с дефектом, во время работы он требовал особого внимания кочегара. И вот однажды, поздней ночью, у меня дома погасла контрольная лампочка. Стояла холодная зимняя ночь. Я торопливо оделся и пошел на станцию. Смотрю, возле погасшей топки растянулся пьяный вдрызг Николай Васильевич. Его помощник, младший Нергадзе, говорит мне: «Что мне делать, и меня к топке не допустил, и вот, видите?» Я с трудом его растормошил. Присев, он и говорит мне: «Что же ты, начальник? Надоело с женой лежать, и ночью приперся?» Я, встряхнув его, поднял и залепил пару оглушительных оплеух. Потом всучил ему в руки ручной прибор и втокнул в потухшую топку для прокатки труб. Мне еще повезло, что он был тщедушный хилак. «Ничего, – кричит он оттуда, – я и здесь хорошо выплуюсь! Здесь даже

теплее...» Я тут же пригрозил, что оболью его соляркой, сожгу, и никто не узнает, куда он пропал. Не знаю, угроза ли подействовала или он протрезвел, но принялся прокатывать трубы, через которые проходит вода. И к утру закончил прокатку. Вышел он молча, пришла дневная смена, машину пустили. Николай Васильевич так же молча ушел домой, но, как выяснилось, заложил за пазуху большой камень мести и решил действовать. Мне неизвестно, какие нити связывают преступный мир, но там механически осуществляется субординация между преступниками. В заключении или на свободе, но в этом мире, согласно каким-то неписаным законам, происходит обсуждение его проблем. Наверняка после подобного сборища этот Николай Васильевич смог добиться того, что его соборники вынесли решение наказать меня. Младший Нергадзе, едва до него дошел такой слух, что было духу припустил ко мне и заявил: «Что-то плохое замышляется против вас, и это поручили совершить Васе Почанину». Я предупредил его – никому ни слова! У меня было немало помощников, готовых стать рядом со мной, но я предпочел по-иному решить этот вопрос.

В воскресенье утром мы проводили очередной профилактический ремонт на электростанции, а в перерыв я позвал всех ребят и предложил устроить совместный завтрак. «Выкладывайте, у кого что есть», – предложил я им, вынул из сумки две бутылки узбекской водки, сыр, хлеб, кто выложил сало, кто вяленую рыбу, чеснок, лук... И начали «гулять». Вася Почанин, молодой, широкоплечий, красивый парень сидел как раз передо мной. Под его черной спецовкой виднелась морская полосатая тельняшка. Он сильными руками хватал через весь стол приглянувшийся ему кусок и смотрит на меня, как ни в чем не бывало так, что я чуть было не усомнился в словах Нергадзе. Заметив, что присутствовавшие тянутся к водке, я вынул из сумки третью бутылку, налил всем и сам осушил. Надо сказать, что присущее мне свойство не пьянеть от водки сыграло в укреплении моего авторитета здесь не меньшую роль, нежели профессиональное мастерство. Когда все поели, я попросил всех выйти из машинного

отделения, оставив только удивленного Почанина. Заперев дверь, я сказал ему: «Ну что, Вася, бери в руки кочергу и будем драться, но помни, что мы не волки, а люди, и что у меня здесь жена, дети и старая мать». Мне еще хотелось ему объяснить, что для человека в пустыне нет ничего ценнее человека, но я промолчал. Честно говоря, я не без тревоги ожидал ответного хода Васи, с которым, ясное дело, я бы не смог справиться. Но что было делать? У меня не было другого выхода, да и нельзя было допустить столкновения грузин с этими людьми. Вася же с удивлением таращился на меня. Не знаю, что его удивило – то ли, что я узнал обо всем, или то, что я на что-то надеялся!.. Но он, ни на мгновение не задумавшись, улыбнулся и произнес: «Ну что ты, начальник!» «Тогда забудем все, Вася!» – сказал я и поднял дверной железный засов. Потом подошел к окну, под которым на корточках сидел Нергадзе, готовый ворваться на помощь, если поднимется шум! Впереди, за маленькими домиками, расстилась бескрайняя, оживавшая под рукой человека пустыня, сверху на нас безучастно взирали зимние небеса, серые, пока видны глазу, и, не знаю отчего, но в ту минуту этот край показался мне красивым и милым.

Пару дней спустя Николай Васильевич не явился на работу, не было его видно и в совхозе. Оказалось, что защитники странных законов этих «правонарушителей» изгнали его с территории совхоза. Чудеса да и только – иной раз неписаные законы «правонарушителей» оказываются более справедливыми, нежели кодекс законов «правозащитников»!

Почанин, являясь на работу, при встрече со мной вел себя так, словно ничего и не было, он улыбался и, расправляя широкие плечи, говорил: «Здравствуйте, начальник!» Однажды я даже побывал с ним на ночном сборище, а вернее, гульбище, где в комнате с низко нависшим потолком стоит густой табачный дым, воняет рыбой и водкой, и шестеро мужиков и шестеро женщин «жрут» водку. Поют низкими голосами русскую песню, чаще всего «Рябинушку», иногда выкрикивая: «Бродяга, судьбу проклиная»... Звучит старая гитара,

коптит, готовая погаснуть керосиновая лампа. Кто-то вдруг пускается в пляс и подхватывает за собой другого. Однажды такая пляска и стубила Почанина. Когда он, в один из таких вечеров в пьяном утаре обходил присутствующих и случайно задел плечом висевшую на стене лампу. К несчастью, в нее залили не керосин, а бензин с солью. Говорили, что, если в бензин подсыпать соли, он не взорвется. Но лампа упала и бензин взорвался, да еще как! Огонь мигом охватил его телогрейку, и Вася погиб. В больнице его навестили Гурам и Георгий, он пытался что-то сказать им глазами... У него была подружка, Валька, тоже с мутным прошлым. Она тогда работала в столовой и, как говорят, свила себе гнездо в его сердце... Прошло много времени после этого случая, когда Валька однажды обмолвилась, что все еще продолжает посылать Васиной матери денег, пусть мол, несчастная, думает, что ее сын жив. Вот и еще одна мораль «аморальных»...

Из Грузии я получал письма, посылки, и всякий раз это становилось праздником для всех нас – мы гурьбой шли на почту. Гурама навестил его друг, ставший вскоре и моим другом, Гиви Хуцишвили, к Варазашвили приехала сестра Марго, и, наконец, приехала мать Норы... Можно представить себе встречу с женщиной, потерявшей все – мужа, трех сыновей, и теперь приехавшей к единственной дочери, да и то сосланной...

Однажды я влез в топку локомотива, чтобы проверить дымопроводные трубы, как слышу, меня зовут: «Тебя срочно требуют на почту, звонят по телефону из Ташкента, кажется, грузины». Это было так неожиданно и странно, что я, успев в топке вымазаться в саже, как был, так и помчался на почту, а работавшие со мной грузины побежали следом. Какая же это была неопишуемая радость, когда я услышал голоса моих тбилисских коллег! Они приехали в Ташкент на конференцию, и Быкову удалось устроить им разговор со мной. Алекси Хетагури, Илья Мамаладзе, Датиго Торчинов, – где-то в конце длинной телефонной линии звали меня, ободряли, утешали, и я страшно боялся, чтобы эта связующая с моим прошлым тоненькая ниточка внезапно не прервалась. Они сказали, что к нам приедет Та-

мара, и действительно, на второй день приехала Тамара Меладзе, наша с Норой коллега. Она побыла с нами один день и одну ночь, и все это время мы провели в воспоминаниях... Я уже не жалел, что встретился с Быковым на пути сюда, иначе как бы он меня нашел!..

И вот что удивительно: чем больше писем и посылок, приветов и утешений мы получаем из Грузии, тем острее болит душа из-за разлуки с родиной; утешения не успокаивают, а, наоборот, обостряют нетерпение. И чем больше времени проходит, тем лучше обустроивается твой быт, исчезают какие-то головоломные жизненные проблемы, но... остается больше времени для раздумий, и острее точит тоска, приходит безразличие, и в мозгу стучит единственный вопрос: «Почему? За что?» Поэтому смех наш окроплен слезами, поэтому все труднее покорно носить свой быт, чаще вспыхивает несдерживаемая ярость, когда на тот же вопрос «почему?» – даешь все тот же ответ: «Потому что в этой стране правит бал несправедливость». И задумываешься: как уйти от этого? Как спасти детей от такой жизни, отнявшей у человека все его человеческие права! Раздумываешь, анализируешь свое прошлое и начинаешь проникаться мыслью: ведь в том, что случилось, есть и твоя вина. Пока ты на себе не почувствуешь полный крах иллюзий, ты стараешься не поддаваться эфемерности «счастливой жизни» на этой «земле обетованной», и, зажмурившись, с одобрением хлопаешь в ладоши всему, что велит тебе: давай, восхваляй!.. А вера в великое будущее словно держит тебя под гипнозом, хотя ты давным-давно ничему такому не веришь, но растет в тебе и усиливается чувство неповиновения.

По-видимому, все, так или иначе, проходят через такую духовную эволюцию, и, хотя никто не говорит, но это заметно по всем признакам. Теперь уже нестрашно совершать и запрещенные акции. Мы, к примеру, устроили так, что из «зоны» сбежала Кетино, скрыв под платком лицо. За ней из Кирова специально приехал Джанико и ночью увез ее, а в Кирове врач Арчил Патаридзе отдал Кетино забытый его женой паспорт, и она уехала в Ташкент, где нашу беглянку ждал примчавшийся из Грузии жених. Ровно на другой день в спецкомен-

датуре поднялся переполох. На меня с Гурамом косо посматривали, но какая у них была зацепка? Да никакой!

А день следовал за днем, и еще день, и еще... Дни в зимних степях до зеленой тоски похожи один на другой. А тут еще трудности с отоплением, хотя немного антрацита и керосина удается достать из запасов совхоза, и мы стараемся равномерно распределять его. Основное же топливо – высушенные корни хлопковых кустов и отрезки стеблей.

Жора Робертс, окончательно осевший у нас в качестве киномеханика, балует нас иногда фильмами, и мы смотрим их, тепло укутанные, в ушанках и валенках. Я, в основном, нахожусь на электростанции. В марте начинаются посевные работы, ремонтные мастерские уже готовятся и ремонтируют технику. Но у меня пошли трудные дни: локомотив электростанции из-за заводского дефекта требует постоянной профилактики и ремонта. Ох, как все это истощило меня, и как устали работники станции, а между тем нельзя ни на миг прекращать подачу электричества!.. Помню, как однажды вечером пришлось все же отключить его на какое-то время – надо было спешно что-то исправлять. И, конечно, тут же раздался грозный звонок по телефону от совхозного парткома. Ах, как он был рассержен... «Вы что, специально устраиваете нам отключение света? У нас сейчас политзанятие, а вы его срываете!» Я прервал его: «Ленин свое учение большей частью писал в ссылке при свете лампы, так что извольте зажечь лампу!» Если принять во внимание те времена, то такой ответ мог считаться кощунственным, но, на мое счастье, тот человек не понял оттенков, а, наоборот, наверное, решил, что я призываю его последовать примеру Ленина – мог ли он обидеться на такое? А в общем-то, мои и Гурама отношения с местными стали заметно проще. Все же мы отвечали хотя и не за очень большие, все-таки материальные ценности, и поневоле в этих «забытых богом местах» с такими, как мы, приходилось считаться. Некоторые старались установить с нами более близкие отношения. Нас бывало, приглашали на русское застолье, с казахами я, поджав ноги, ел из общего котла

бешбармак, пару раз и директор сводил меня в корейское поселение. Начальник отделения Сеидулла и его жена Олимпия также нередко гостили у нас, но наши отношения не выходили за эти рамки. Исключением был только Борис Иванович Головкин, человек, феномен которого и поныне остался для меня непостижим: кто же он был, этот вобравший в себя все возможное образование истинный русский интеллигент, как он попал со своей женою и детьми в этот совхоз, как сам и называл его, заброшенный «на богом забытой земле»!.. Мы испытывали к этому человеку огромное уважение и теплые чувства. Мы с Норой, Гурам, Нина Гогиджанова из Сухуми часто бывали в гостеприимном доме Головкиных. Его жена, молодая и красивая русская женщина, радушно накрывала нам стол, за ужином мы немного выпивали... Я и поныне тепло вспоминаю те вечера.

И снова рассвело, пришел день, такой же, как вчерашний; пустыня, точно потягиваясь после ночного покоя, обнажила свою необъятную песчаную грудь, подставив ее первым лучам солнца, – никак, заскучала по солнечному зною отзимовавшая земля. Постепенно появлялась, а вскоре выплыла и вся громада солнечного диска. Первый луч косо упал на наш поселок, ласково скользнул по насаждениям вдоль арыка, в трудах посаженным человеком, затем, оторвавшись, перебежал через неохватную степь, вторгся в Дугайский лес, пронзил его и исчез в водах Сыр-Дарьи. Стояла ранняя весна месяца марта, я с утра вышел из дому и увидел людей собравшихся возле управления совхоза, – русских и казахов. В помещение быстрым шагом прошел Арисланов. Все молчат, никто ничего не говорит, и все заметно растеряны.

– В чем дело? Что случилось? – спрашиваю у кого-то.

– Ничего, потом узнаете!

В это время вынесли громаднейший портрет Сталина, наспех приделали к нему черную рамку, повесили над входом, со страхом поглядывая на ими же сделанное. Молчанов включил трансляцию, радио объявляет о смерти Сталина.

Народ начал собираться. Улыбающиеся глаза Сталина глядят куда-то в сторону, мимо нас, на простиравшуюся под небом пустыню. Внизу стоим мы, люди, попавшие сюда по его воле, бесправные, оторванные от своей родины. Во всю длину совхозных ворот, как раз там, где висит портрет Сталина, растянут лозунг «ТРУД – ДЕЛО ЧЕСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА».

Весть о смерти Сталина вовсе не громыхнула молнией, отнюдь, – она медленно вползала, как наводящее ужас чудовище, как еще неопределенное по-новому осознание жизни. Потом пришла радость с некоторой опаской. Но где-то в уголке сердца закрадывалось странное чувство, охватывающее человека при виде упавшего голиафа.

Мы уже слышали о болезни Сталина, но содеянные им добро и зло столь нераздельно скрепились в нашей жизни, а необходимость этого содеянного была столь прочно вбита в наши головы, что без Сталина мы не могли себе представить существование этого государства. Человеку вообще нелегко одним махом отринуть все свои убеждения, все то, во что он верил, хочется подсознательно приглушить свойственное признанному фетишу зло, и более того, приписать это зло другому. Поэтому среди ссыльных немало было тех, кто верил, что Сталин ничего не знал о случившейся с нами беде. Особенно много таких было среди прошедших войну. «Разберется во всем и вернет нас домой», – верили они. Многие считали, что сама система, во главе которой стоял Сталин, такова, что с его уходом ничего не изменится, ибо тот, кто его заменит, будет его повторением, все останется по-прежнему, и нам, пожалуй, ничего не поможет. Были и такие, которые считали, что Сталин выселил их, чтобы показать свою неподкупность. «Видите? Он и грузин не щадит, – считал военнопленный Самсон. – Дядя был мужик! За спиною у солдат стояли пулеметы – ни шагу назад, иначе всех перестреляем!»

– Так он ведь сыном пожертвовал, неужто бы тебя пощадил! – вносил свой комментарий Васо.

– Страх рождает любовь! Небось слышал? Этот наш погром ну-жен был ему, он, поди, думал, что с 37-го года чувство страха в душах

грузин ослабло, дай-ка я встряхну их немного! – размышляет много хлебнувший седой человек.

– Знаешь что? – подал голос еще кто-то. – Вот если бы у твоего окна стоял большой дуб и заслонял солнечный свет, и в твоей комнате было бы темно, а после ты увидел бы его срубленным... Вот тогда ты видишь его могучие корни и понимаешь: «Надо же, какого исполина свалили!»

– Мама, ты ведь сама мечтала – скорей бы он умер, может придет наше спасение! Чего же ты плачешь? – спрашивает маленький сын Самсона рыдающую мать в день похорон Сталина. Увы, именно в этот день происходило то, объяснения чему у меня нет и поныне. Это сложнейшее психологическое состояние, которое обычно обнажает в человеке его бессознательное, – оно воистину непостижимо. Возможно, причина в том, что на протяжении десятков лет в нас засел страх: вдруг кто что подумает и заметит нашу тайную радость, поэтому изобразим на лице скорбь! Или это воздаяние должного человеку, имя которого гремело на весь мир? Но бесспорно одно: в день похорон Сталина, в наспех организованной церемонии, наряду с другими участвовали и многие грузины, которым он принес несчастье. Выстроившись в очередь, они поодиночке проходили к локomobilному гудку, опускали ручку и в пустыне гремел рев такой силы, что – поди пойми! – что означал этот леденящий душу гудок, что выдувал пар: прощение или проклятье? Может, и то, и другое...

Внешне мало что изменилось, разве только смягчились ограничивающие нас силы, и всякий ждал перемен в своей жизни. И действительно, уже спустя месяц поползли слухи, что рассматривается дело о незаконном выселении грузин. Обнадеживающие вести долетали до нас и из Грузии, откуда наши близкие давали нам понять, что нас всех скоро отправят на родину. Некоторые даже использовали пароль, чтобы обозначить, откуда шли надежные сообщения. Помню, как говорили: «Птичка сказала!» Это означало, что источник сообщения был сотрудник МВД Гугули Шотадзе. Были и другие, дарившие радость словечки и выражения, заполнявшие наш ежедневный быт.

Наконец, «словечки и выражения» обрели реальный смысл, когда и наше местное начальство, разумеется, через свои информационные каналы, уверовало в то, что наше дело подходит к счастливой развязке. Вместе с тем они дружески, как своим, говорили нам, что надеются, что мы не бросим начатые работы. И мы действительно, не щадя сил, старались завершить работы так, чтобы оставить достойный след в этом краю.

Первое официальное сообщение о нашем освобождении привезли приехавшие к нам из Тбилиси полковник Володя Саруханашвили и Гугули Шотадзе. Им поручили организацию нашего возвращения на родину. Они остановились в Ташкенте. Оттуда сообщили нам, что скоро приедут. И впрямь, в один прекрасный день, двое тбилисских чекистов прибыли в наш совхоз с известием, что дела уже пересмотрены и всех нас вернут в Грузию. Правда людей много, и в процессе возвращения будет соблюдаться некая очередность. Первый эшелон уходил в Грузию через два дня. Саруханашвили спросил, есть ли у нас с Гурамом желание поехать вместе с ними и присутствовать при проводах первых отправляющихся на родину. Конечно, мы обрадовались и в тот же день, поставив в известность спецкомендатуру, мчались в Ташкент на «Виллисе».

Наши чекисты жили в Ташкенте в самом фешенебельном отеле, и нас, конечно, направили к ним. Ошалев от давно невиданных удобств, мы немедленно бросились в шикарную ванную, потом побежали в парикмахерскую, и вот, очистившись от пыли пустыни, уже сидим в ресторане, где играет музыка, вокруг люди с довольными лицами ужинают, лакомятся деликатесами, словно они и не ведают того, что совсем близко от них, в тяжелейших условиях живут, распределенные по «зонам», тысячи ни в чем неповинных людей, безо всяких прав, которым разве что во сне могла привидеться эта свободная жизнь. Гляжу я на Саруханова, этого приятно беседующего осанистого «храбреца», в котором кызылкумские грузины узнали одного из участников насилия над ними в тот распроклятый день, когда он с холодным равнодушием конвоировал выславшихся...

Да, это тот же самый человек, который сегодня столь манерно выполняет порученную ему миссию – вернуть на родину тех самых грузин... Какая мораль внушила ему столь разные, взаимоисключающие, понятия?..

Утром мы гуляли и осматривали город. Отправка первой партии грузин на родину была назначена на второй день с железнодорожного узла с соседствующей с Ташкентом территории Казахстана. Пока наши грузинские хозяева отлучились по служебным делам, мы с Гурамом с наслаждением вдыхали воздух свободы и решили вечером пойти в оперный театр. В середине дня мы встретились с Саруханашвили и Шотадзе, пообедали с ними и договорились всем вместе пойти в оперу. На рассвете следующего дня мы должны были отправиться на проводы наших грузин – хотелось поговорить с ними и найти знакомых. Пообедав, мы с Саруханашвили, продолжая беседу, возвращались в свой номер. Поднимаясь по широкой мраморной лестнице, мы внезапно остановились. Теперь уж и не вспомнить точно, о чем мы говорили, когда увидели, что по лестнице спускался человек с очень знакомым лицом. Это был Кандид Чарквиани, бывший первый секретарь центрального комитета компартии Грузии. Он тоже узнал в нас грузин и остановился. Саруханашвили отдал ему военную честь и представился, представил и меня. Так произошла моя встреча с человеком, ныне лишенным прежних прав, – а тогда, во время высылки грузин, главой республики, встречи с которым я так жаждал в те проклятые дни, чтобы вымолить у него избавления от неожиданно свалившейся на нас трагедию. Не знаю, почувствовал ли Чарквиани какую-либо неловкость или осознал иронию судьбы. Но сказал: «Все произошло помимо моей воли, единственное, чего я смог добиться – чтобы не выслали Эквтиме Такаишвили». Потом поздравил меня с возвращением на родину и сказал Саруханашвили, что по неизвестным причинам его срочно вызывают в Москву, и вечером он летит. Он также предложил служебную машину, которую он может предоставить нам на время своего отсутствия. И действительно, тем же вечером мы на его машине поехали в оперу. Это был

джип военного типа с русским водителем. Водитель хвалил хозяина – все время читает газеты, вон, видите толстую пачку в кармане спинки кресла?..

Утро выдалось ласковое, поднимающее настроение, да и солнечный зной еще не достиг своей убойной силы. От зеленых садов, коих множество на узбекской земле в этих местах, шел невидимый пар и, подхваченный ветерком, ложился на листву. Так начинался день радости. Еще немного – и мы встретимся со счастливыми грузинами, которые вот-вот отправятся на родину, и мы торопимся благословить их путь... Машина оставила позади длинный ряд садов, теперь мы едем по протянувшейся вдоль железнодорожного пути дороге. Пошли рельсовые узлы с переводными стрелками, вдали показалось огромное скопление людей, суетившихся у путей. Даже на таком расстоянии мы слышали шум. Наши спутники явно встревожены. «В чем дело? Где же эшелоны?» – не скрывает своего беспокойства Саруханашвили. «Почему народ кричит?» – опасливо задается вопросом Шотадзе. Действительно, невозможно понять, что происходит! Наша машина уже вплотную подъехала к первой группе людей, и они с отчаянными воплями бросились к нам – и взрослые, и дети.

Какой-то старик со слезами на глазах говорит полковнику Саруханашвили: «Не пускают! Нас больше не пускают в Грузию, мы погибли! Некуда нам податься, все, что с таким трудом смогли сделать, уже разобрано, теперь что, сызнова начинать мученическую жизнь?» А полковник отвечает: «Успокойтесь! Погодите!» И бежит к местным чекистам, стоящим среди людей.

Мы с Гурамом вышли из машины. Увидев нас, хорошо одетых, отъевшихся после основательного двухдневного питания, разомлевших от отдыха, люди решили, что мы тоже какие-то «шишки» из Грузии, присланные сюда по их делу. Они тотчас же окружили нас, закидали мольбами и просьбами, которые заглушал одинокий обреченный вопль: «СПАСИТЕ!» Старая женщина трогала меня рукой, пытаясь ласково погладить, кто-то совал нам ребенка, стремясь вызвать жалость... Наши нервы не выдержали, и мы разорались:

«Мы ведь тоже с вами! Мы такие же ссыльные!»

И вот они все – не менее двух тысяч человек, навьюченных узлами, с тяжелым багажом, теперь уже бездомные женщины и мужчины, старики и дети – в который раз взбудораженные, перепуганные, согнанные с места и загнанные в тупик – вот они все слушают, что говорит им взобравшийся на кузов грузовика начальник управления спецпересылки Южного Казахстана полковник Ширяев. А говорит он такие слова:

– Успокойтесь, успокойтесь! Ваше возвращение на родину приостановлено временно. Видите? Нет поездов! Будут составы и всех отправим, а теперь спокойно возвращайтесь на места вашего определения, прошу сохранить порядок!

– Не хотим! Нет! – кричат люди в отчаянии, вперив глаза в бесконечный рельсовый путь, исчезающий где-то далеко-далеко и словно связывающий их с родиной.

Неожиданно несколько женщин ринулись к Ширяеву, пытаясь сбросить его с кузова, мужчины старались их успокоить, но женщины сорвали с головы свои платки и закидали ими Ширяева.

Ширяев спешно вывел нас из толпы и отвел в помещение платформы, где Саруханашвили, стоявший в укрытии, ждал нас. Он сказал: «Не знаем, что произошло, почему не дали эшелоны, ваш отъезд приостановлен. Вот машина, водитель отвезет вас в ваш соххоз, постарайтесь перевезти хотя бы две ваши семьи, вы практически уже свободны, у вас в руках документ об освобождении, и, если вы уедете отсюда, никто уже вас не тронет».

Они набросили на нас свои плащ-палатки, и мы на «Виллисе» отправились обратно. Машина, окутанная облаком густой пыли, мчалась по степной дороге. Накинув на головы капюшоны, мы думали о том, как вывезти наши семьи, Гураму – мать, а мне – мать, жену и детей. Не проехав и половины пути, мы увидели мчащуюся с противоположной стороны машину, в таком же облаке пыли. Мы остановились. Это были начальник районного отдела МВД Амиров и наш спецкомендант Павлов. Они направлялись туда, откуда мы выехали.

Ничего не сообщив друг другу, мы с улыбкой разъехались. Вечером приехали в совхоз, ночью же с тревогой думали о том, как оттуда выбраться. Надежда была только одна – шофер Веревкин, который однажды обещал Гураму: «Если тебе понадобится, повезу куда скажешь!» Но не довелось – ночью Павлов уже сообщил в комендатуру, а утром всех обошел заместитель коменданта Паленов, сообщив, что наше возвращение приостановлено, и велел вернуть документы об освобождении. Начались самые тяжелые дни нашей жизни в Казахстане, и снова зазвучал безответный вопрос: «Почему?» Но ни разум, ни сердце не верят язвительным словам Паленова: «Ну, что? Сталин прислал вас сюда, а Берия пытался увезти. Арестован ваш Берия, вот и вернули вас обратно!» Оказывается, в ту ночь, когда мы сидели в ташкентском ресторане, Берия был ликвидирован в Кремле. Как видно, поэтому-то и вызвали Чарквиани в Москву. Но кто объяснит, кто внятно втолкует, как это связано с нашим освобождением? И какой «утешитель» мог бы нас утешить, если мы давно свыклись с мыслью, что наше возвращение на родину так же закономерно, как несправедлива, незаконна и подла наша насильственная высылка. Да, мы продолжали работать – куда денешься! – но уже без прежней энергии и желания. Теперь перед моими глазами постоянно стояли эти несчастные, кричавшие: «Спасите! Спасите!», которых, как оказалось, насильно посадили в грузовые машины и развезли по прежним «зонам». Здоровье начало мне отказывать, все чаще тянуло в постель, хотя наши врачи считали, что я переутомился и испытал нервный стресс. К тому же и Паленов стал навещать ко мне, а однажды даже одеяло откинул с ног, проверяя, не лежу ли я одетый, не притворяюсь ли! Да и не время было полеживать, и я приступил к работе. Представьте, и казахи проявили участие и беспокойство за нас. Однажды Арисланов, проходя мимо, быстро проговорил: «Ничего, все поедете!» И снова зачирикал код «птичка сказала». Из Тбилиси сообщают: «Не переживайте, скоро приедете!» И снова вспыхнула надежда. О, господи, сколько раз можно склеивать разбитые иллюзии! Зачастили денежные переводы от друзей. Более того, мне

сообщили, что человек, которого вселили в нашу квартиру после освобождения ее. И, наконец, пришло известие, что в Грузию ушел первый эшелон и увез тех самых, первых, которых волею случая мы с Гурамом пытались проводить... Наконец, в октябре, волна освобожденной докатилась и до нас: началась отправка по одной, по две семьи. Однажды явился ко мне освобожденный из тюрьмы Гиоргадзе. Он показал мне разрешение о возвращении на родину и попросил дать ему листовой цинк. Он откровенно признался: «Я должен увезти на родину своих детей». Обил ящик цинком, ночью упокоил в нем своих детей и увез в Грузию. Так же поступил и Анджапаридзе. Уже после я узнал, что никто из наших не оставил своих покойников, всех удалось увезти и предать родной земле.

К началу ноября наступила наша очередь. Семью Гурама, нашу и еще несколько семей отправили одновременно. Сказать, что нашей радости не было предела, – ничего не сказать, беспокоило лишь то, что не привелось вернуться всем вместе. Мы прощались с близкими и верили, что вскоре встретимся в Грузии. Кто мог знать, что некоторым придется ждать возвращения еще целый год! Читю Каландадзе лишь в конце ноября 1954 года получила справку об освобождении: «16/XI-54 года, согласно определению Верховного Суда СССР снять с учета спецпереселения».

На железнодорожном пути стоял эшелон из красных грузовых вагонов, точно такой, в котором сюда везли высланных. Но надо было видеть, как люди спешили войти в эти вагоны, как радостно было каждому из них устроиться в своем уголке! Нас рассадили по вагонам в соответствии с местом назначения. Для тбилисцев было выделено 10 или 12 вагонов. В один из них мы распределили несколько семей из совхоза. Нашим проводником был низкорослый казах. В его обязанности входило снабжение нас продуктами в определенных пунктах. Мы с Гурамом ходили за ним с ведрами и помогали ему, почти так же, как это делали по дороге сюда, но теперь мы чувствовали себя свободными людьми, никого не боялись: однажды я, разозлившись, чуть было ведро не надел на голову на-

шему проводнику. Он так перепугался, что не смел даже в глаза нам смотреть. Конечно, мы испытывали крайний дискомфорт, но кто об этом думал, когда каждый день, каждый час и каждая минута приближали нас к Грузии. У нас в вагонах были и больные, хватало и других забот, но все, так или иначе, переносили трудности. Мы едем!

Наконец показали границы Грузии, и в вагонах послышались радостные возгласы. Первая остановка – Сухуми. Сухумцы уже знали время нашего прибытия и устроили на вокзале незабываемую встречу. Мой коллега и студенческий друг Гиви Иоселиани почти вдоль всей вокзальной платформы на скорую руку накрыл столы, посадил рядом с собой начальника эшелона, казаха, пригласил всех проводников. Поезд на несколько минут опоздал с отправлением, поэтому он успел произнести пару тостов. Проводники с изумлением взирали на незнакомое им проявление солидарности. Отсюда до Тбилиси, почти на всех остановках, если поблизости была подстанция «электротяги», к вагону подбегал какой-нибудь электрик и выкрикивал: «Как там семья Чхатараишвили? Привет им от диспетчера «Грузэнерго»! Еще одну встречу с тостами нам устроили в Самтредии сотрудники «Грузэнерго». До самого Тбилиси нам уделяли много внимания. По дороге к нам в вагоне присоединились несколько наших с Норой друзей. Сердце уже не вмещало в себя столько любви и признательности, когда тбилисский вокзал принял наш состав на первой платформе. Там стояли родственники, друзья... Нас обнимают мой брат, родные, коллеги...

Представитель исполкома сказал: «Ваша квартира свободна и ждет вас».

Стоял девятый день ноября 1953 года. Начиналась новая жизнь старой семьи...

КЕТЕВАН (ЧИТО) КАЛАНДАДЗЕ

13.09.1912 – родилась в Чохатаури.

1928 – окончила чохатаурскую среднюю школу.

1929 – поступила в Тбилисский государственный медицинский институт.

1934-2004 – работала детским врачом фтизиатром-педиатром в туберкулезном научно-исследовательском институте Тбилисского первого тубдиспансера института педиатрии.

1938 – расстрелян супруг Илья Горгиладзе (директор Чиатурского горно-обогатительного завода).

1951-1954 – вместе с матерью, сестрой, братом и детьми находилась в ссылке в Казахстане.

1954 – возвращение на родину.

Скончалась в 2005 году, похоронена в Тбилиси на Сабурталинском кладбище.

ПЛАНОВОЕ «ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ»

Настала новогодняя ночь 1937 года, но мне тяжело... Все дни я только и думаю, что о своем арестованном муже... А может, его уже расстреляли?.. Думаю, и вспоминаю нашу с ним первую встречу...

Пять лет тому назад я, молодой врач, попала по распределению в город Чиатуру, где и познакомилась с Ильей. Вскоре мы поженились, у нас родилось двое детей. Мы жили в небольшой комнате во дворе треста, где работал муж, но считали себя самыми счастливыми людьми. Илье было тогда тридцать лет, он был горным инженером. Неожиданно арестовали директора всех рудников, управляющего трестом, одного инженера, и всех расстреляли. Потом арестовали их жен. Моего мужа взяли последним, всего несколько дней назад, теперь и за мной придут! Погруженная в эти мысли, я услышала, как в дверь постучали. Был час ночи. Передо мной стояла незнакомая женщина. Извинившись, она сказала: «У вас новорожденный младенец, не мерзнете ли вы в этот холод? Есть ли у вас дрова?» Все! Я поняла, что пришли на разведку, узнать, дома ли я, и через каких-нибудь полчаса меня возьмут вслед за мужем. Надо спешить!

Пятимесячного спящего Гиви я укрыла под своим пальто, в другую руку взяла наспех собранные чемодан и сумку, за окном под светом лампионов мела поземка... На улице я заметила мужчину. Он, стараясь не показать лица, молча взял у меня чемодан и довел до вокзала. Я устроилась в прицепе товарного поезда. Потом я поняла, кто это был, – сторож нашей больницы.

Поезд мчит в мгlistую ночь и отдаляется от Чиатуры. Мы дрожим от ветра и холода, Гиви плачет, но я постепенно успокаиваюсь – кажется, пронесло!

В Тбилиси я отправилась к себе домой, где оставила с матерью маленькую Гульнази. Мы хотели где-то скрыться, но вышел приказ: жен арестованных больше не трогать! Зато ко мне прилипло прозви-

ще «жены врага народа!» На работу меня не брали и вспомнили обо мне только в 1939 году, когда начались прививки от туберкулеза, – не всем хотелось работать в туберкулезном диспансере. В то же время в общежитии какого-то завода началась инфекция и меня отправили туда, хотя знали, что у меня двое маленьких детей! Да и придинок на работе было хоть отбавляй! Но я и пикнуть не смела, ведь я была «женой врага народа»!

Прошло четырнадцать лет. Пришла рождественская ночь 1951 года. Дети – Гиви и Гука, танцуют, веселятся. В половине второго ночи кто-то позвал в окошко: «Каландазе!» Открываю дверь, входят русские чекисты – как я потом узнала, они были из Ростова. С ними грузин-милиционер и двое партийных работников. Нас предупредили: «На сборы дается полчаса, собирайте вещи, вас высылают из Грузии как семью диверсанта».

– Кого «нас»? – спрашиваю я. – Мою 70-летнюю мать со сломанной ногой и моих детей – 14-летнего Гиви и Гульнази, которой пятнадцать?

Они ничего не стали объяснять. Я только потом узнала, что по указанию «сверху» были арестованы с семьями все, кто в войну попал в плен к немцам или имел родственников за границей. Одной той ночью выслали 50 тысяч грузинских семей, подумать только, пятьдесят тысяч в одну ночь!.. Несчастные военнопленные, вернувшиеся наконец-то на родину, обзавелись семьями, и вот теперь их высылают с женами и детьми...

Нас выслали из-за моего брата, Шалвы Каландадзе. Он уехал за границу, когда мне было двенадцать лет. Поэтому выслали мою мать, а заодно и нас – меня с маленькими детьми. Мы второпях собрали чемоданы, связали их, и нас усадили в кузов грузовика. За железной дорогой, в каком-то тупике стоял, длинющий эшелон с вагонами, в котором обычно перевозят скот. В эти вагоны нас и запихнули.

В ту ночь, 25 декабря 1951 года, из Грузии вышли 16 эшелонов с ссыльными, из одного Тбилиси отправили два таких эшелона. Но что творилось на вокзале! Чем не второе пришествие... Отчаянные

вопли, рыдания, крики, проклятья, ругань... Тех, кто не мог ходить, тащили на носилках. Было немало новорожденных, их несли в колыбельках. Все они погибли. Какую-то молоденькую роженицу вывели прямо из родильного дома. Эта несчастная потом в дороге родила близнецов, и оба погибли...

На вокзале я увидела много знакомых лиц: высылали внука Екатерины Габашвили, Гурама Габашвили с матерью, приехавшую в Грузию из Парижа балерину Варю Вачнадзе, хирурга, доцента Колю Джандиери, профессора Тевзадзе... Множество моих знакомых врачей... А вот и супруга Симона Хичинашвили с матерью... Мало того, что успели арестовать вернувшегося из-за границы сына Элисабед Черкезишвили, сослали и его жену, и тещу... Будучи знатного происхождения, эти дамы почли непристойным влезать в высокий товарный вагон, требовали, чтобы подставили доску дабы подняться, соблюдая приличия. Как ни странно, так оно и произошло.

Кто не слышал про Варазисхеви! Так вот, той ночью выслали всех носивших фамилию Варазшвили.

С установлением советской власти в Грузии немало представителей знати отправились за границу. Спустя годы часть из них вернулась с семьями на родину, и вот чем это закончилось...

Наш эшелон проводил сам министр госбезопасности Рухадзе, более того, из Ростова для такого «дела» вызвали спецотряд чекистов. И вот мы едем неизвестно куда, а скорее всего – к черту на кулички. Зима в разгаре, в вагонах воняет скотиной, очень холодно. В полу оказалась небольшая щель – вот и отхожее место. На следующий день какой-то человек стал кричать на женщин: «Вы что творите, сестрицы? Вы ж себя травите! Который день, а вы еще не писали! Вы же так погибнете, немедленно облегчитесь, иначе я буду орать до утра!»

Баку остался позади, и мы почувствовали сравнительное облегчение. Эшелон иногда останавливался, и мы выходили из вагона. Какой-то старик постеснялся справить нужду перед вооруженным конвойным и влез под вагон, но не успел выбраться, и поезд пере-

ехал его...

Прошло две недели, а мы все едем и едем, не зная куда. На 15-й день нас привезли в Пахтакор. Отсюда трем семьям, и нам среди них, велели собраться со всем своим скарбом и пересесть в грузовик. Маму с костылями посадили с водителем. Нас сопровождал конвойный – осанистый солдат в теплой солдатской шапке с красной звездочкой, в длинной шинели, схваченной поясом. Наш эшелон попал в Южный Казахстан – Кировский район Чимкентской области. Это была настоящая пустыня.

Когда машина тронулась, в кабину заглянул молодой мужчина и сказал водителю, что будет нашим провожающим. Он привез нас к землянке, потом ушел и вскоре вернулся: принес хлопковые стебли, разжег огонь и расставил багаж. На рассвете он пришел со своей женой и принес кастрюлю горячего молока. Это был грек, высланный из Сухуми в 1945 году. Как он рассказал, греки прослышали, что везут людей из Грузии, надо помочь им устроиться. Мы, подстелив под себя, все что было можно, погрузились в сон. Вокруг темно, не видать ни зги, мы даже не знаем, где находимся. Мы спим, а земля колышется под нами – нас все еще долго не отпускало ощущение многодневного качания в поезде...

Повидаться с нами пришли и другие ссыльные – греки и немцы. Это были люди религиозные, милосердные, они, как могли, старались нам помочь. Участливо приняли нас и местные, казахи, но они никак не хотели поверить, что мы и есть самые настоящие грузины. Они рассказали, что еще во времена раскулачивания сюда выслали грузин, и что все они давно лежат в большом овраге.

– Вот, – показали они нам, – в этом яру они все вместе и захоронены, но только одеты они были совсем по-другому, и на поясе у них висели большие «ножи». Мы догадались, что они имели в виду чоху и серебряный пояс с кинжалом, и что эти «по-другому одетые грузины» были высланными после революции потомками грузинских князей и дворянства.

Но нашлись и такие, которые распространяли слухи. Привезли,

мол, кавказцев, грузин, очень коварных и опасных людей, и, может статься, они нас всех перевернут!.. Напуганные казахи, быстро покинули те места, побросав свои так называемые «дома»...

И вот на третий день после нашего вселения явился хозяин дома, казах, он сердился, ворчал на непонятном для нас казахском языке. Когда он снова наведлся к нам и заметил висевшее над дверью сало, то, разгневанный, заорал на нас, плюнул и ушел. После этого он уже не появлялся.

На пятый день после приезда, началась моя профессиональная деятельность. Шел густой снег, но мы добрались до места, где меня ждал больной ребенок. К несчастью, он уже находился в тяжелом состоянии и через два дня умер.

Моей специальностью заинтересовался замминистра здравоохранения Чимкентской области, но комендатура отказалась «отдать» ему меня. В это время я лечила ребенка коменданта Сеиданова, и вот что он мне сказал. Оказывается, у них нет приказа о непосредственно моем выселении, они просто ждали прибытия 30-ти эшелонов, но кто я, и почему там оказалась, они не знают... Единственный приказ, который они получили – не назначать грузин учителями!

Я проклинала специальность врача в казахской пустыне, где наши дети гибли от 40-60-градусной жары. Да и взрослым этот климат был опасен, в особенности тем, кто вырос среди приморской зелени. Известно, что погиб весь эшелон людей, высланных из Аджарии – их убило голое пространство пустыни.

В это время у моего сына Гиви начался сепсис. Он сказал: «Мама, ты ведь врач! Я хочу увидеть Грузию, я хочу жить, так помоги мне!» И я мгновенно пришла в себя, взяла его за руку и повела в райцентр. Идем, а ноги тонут в песке. На наше счастье показалась машина, и мы на ней добрались, наконец, до Кировского райцентра, где работала Марго Муджири, высланная со своим сыном Джанико. Там же жила и семья Ачико Джапаридзе – Анна Шарабидзе с сыном Руди-ко. Словом, мы вместе взялись за Гиви, вылечили его, и вернулись.

Я не отличаюсь сентиментальностью, но, признаться, однажды

рыдала в голос и выла от горя, когда меня позвали в землянку Кварацхелия. Отец держал на руках рахитного, обреченного младенца. А на земле лежали умирая, его жена и старший сын. У жены началась агония, и сын вдруг говорит: «Папа, у мамы ноги совсем-совсем холодные». Он на другой день умер от туберкулеза... Я вышла, села у арыка и громко-громко зарыдала... Этот Кварацхелия во время войны попал в плен. Обвинили его в том, что он якобы был шпионом и переводил врагам на немецкий. На самом деле этот несчастный, кроме мингрельского, других языков и не знал, он и по-грузински-то с трудом объяснялся. Был простым крестьянином, откуда ему было знать немецкий, о, господи, какой немецкий!..

Однажды приходит Джапаридзе, живший в совхозе «30 лет Октября», и просит меня осмотреть его заболевшего ребенка. Нам было запрещено отлучаться и Гульнази и Гиви заплакали: «Не ходи, мы боимся!» И мы с Джапаридзе отправились к коменданту Сеиданову просить разрешения. Он был не один, в кабинете сидел наш надзиратель. Сеиданов глазами дал мне понять, чтобы мы дождались ухода надзирателя. Когда тот ушел, Сеиданов написал на листке бумаги свое имя, фамилию, указал свою должность и сказал: «Если тебя задержат, покажи им эту бумагу, они позвонят мне, и тебя отпустят». И мы отправились с Джапаридзе, отцом больного ребенка. Шли пешком вдоль канала, иногда приходилось бежать, чтоб укрыться от постороннего взгляда, но где тут спрячешься? Вокруг ни насыпи, ни кустика. И все же мы добрались до больного ребенка, и мне удалось его спасти.

А однажды ко мне заявили пятеро грузин – у одного из них заболел ребенок. Я поняла, как я была необходима нашим грузинским детям. Смотрю – трехлетний ребенок лежит на земле, закутанный в одежду взрослого, с высокой температурой и красной сыпью по всему телу: это была корь. Могу с гордостью сказать: я, врач Кетеван Каландадзе, спасла его.

...Приходилось трудиться и на хлопковых плантациях, где нас постоянно мучила жажда. Вода была в единственном, да и то в пога-

ном канале, поэтому мы ее дезинфицировали и распределяли среди малышей. С едой дело обстояло лучше, во всяком случае, кукурузы у нас было достаточно, но съесть ее надо было горячей, холодная, она твердела.

В ссылке случались и курьезы – забавные если б они не были столь печальны. В землянке вместе с нами жил один самтредский мальчик, сирота. Его покойный отец во время войны попал в плен. Вместо умершего отца выслали этого восьмилетнего мальчика с бабушкой. Но все же сиротский хлеб испекся, – сегодня Мэлор живет в Тбилиси со своими тремя детьми.

Вспоминается семья Асатиани. Глава семьи, бывший военнопленный, поехал в Самтредию за свиной, чтобы привести ее к рождественскому дню. Приезжает он утром следующего дня – а где его домочадцы? Их выслали той же ночью, а заодно и приехавшую к ним в гости на праздник сестру жены. Ведь для чекистов главным было выполнить план: выслать троих членов его семьи. Потом он посылал им посылки из Кутаиси.

Был у нас один сухумец, и надо ж случиться такому, что именно в тот самый день, 25 декабря, к нему приехала его возлюбленная из Свердловска. В два часа ночи появились чекисты и объявили семье, что высылают всех без исключения. Оказывается, этот сухумец побывал за границей. И он, и приехавшая к нему женщина твердили, что они – не супруги, а возлюбленные, но кто их слушал? А у женщины в Свердловске был и муж и ребенок, но что с этого? И пришлось нашим любовникам коротать свои дни в казахской землянке.

В конце июня 1952 года всех нас перевели в «Совхоз 30 Октября» и временно разместили в коридоре местной школы. Перед входом в коридор у нас стояла керосинка, работавшая на дизеле, керосина там не было.

Вообще 1951 год оказался более варварским, нежели 37-й. Ведь в ту волну репрессий, пусть и формально, но все же проводили судебные процессы. А в 1951 году не было даже приказа, и только согласно указам «сверху», безо всякого разбирательства, в одночасье выслали

тысячи семей. Не щадили ни дряхлых стариков, ни младенцев, ни тяжело больных. Чекисты взглядом показывали конвоем на подлежащего высылке – и все, он арестован! Хорошо еще, что Чарквиани удалось отстоять Эквтиме Такаишвили, которому назначили домашний арест.

В это выселение попал и наш министр иностранных дел Иракий Менагаришвили. Тогда ему должно было быть годика два. Его отец был профессором сельскохозяйственного института, а выслали его из-за попавшего в плен дяди. После высылки профессора его предмет больше не преподавали – он был его единственным специалистом в Грузии.

Ираклия с матерью поселили в один район Казахстана, в другой послали бабушку с тридцатилетним внуком. С превеликими трудностями им удалось, наконец, получить право воссоединения семьи. Обрадованная бабушка поехала с внуком, но по дороге машина перевернулась, и внук погиб. Вот такая трагедия!..

В мае 1953 года меня отправили на работу в Туркестан в стационар тубдиспансера, но пока без права забрать своих детей. Оставив их на попечение матери, я уехала. Водитель Веревкин (он был украинец) повез меня на грузовике. По дороге мы должны были проехать через Ташкент. В два часа ночи приехали в Ташкент на железнодорожный вокзал. Оглядываюсь, и что я вижу! Жизнь кипит, люди свободно ходят, каждый куда хочет, смеются, хорошо одеты, свободные такси ждут пассажиров... За вокзалом, во дворе, из под крана льется вода. Я чуть не обезумела, настолько меня взволновал один этот вид свободных людей... Ошеломленная, говорю себе: «Чито, крепись, возьми себя в руки!» Веревкин быстро вернул меня к реальности, успокоил, сказал, каким поездом я должна уехать утром в Туркестан. Я умолила его не оставлять меня здесь одну, и он, проявив участие, повез меня к своим русским знакомым. В квартире жили две женщины, он вышел с ними в другую комнату и, слышу, как говорит про меня – «грузинка, врач»... Веревкин ушел, а хозяйки предложили мне отдохнуть в другой комнате. Уставшая, встревоженная, я легла в

постель, и меня охватило какое-то неопишемое чувство...

В Туркестане мы вместе с такой же, как и я, высланной, Тиной Карумидзе архитектором, поселились в доме, стоявшем во дворе мечети. Эта мечеть по своему значению была третьей в мире, и Тина, как архитектор, занималась ее реставрацией.

Однажды мой пациент, начальник МВД Туркестана Меркулов, поехал в Абастумани на отдых. Я передала через него письмо главврачу Арчилу Мхеидзе – ведь я до своей ссылки работала в Абастумани в Туберкулезном научно-исследовательском институте. Возвратившись оттуда, Меркулов, удивленный, спросил: «Что такого могло быть написано в письме? Когда я передал письмо, вся комната заполнилась врачами, главврач громко его читал, и все плакали...»

Вместе с нами выслали и сестру Ноэ Рамишвили. В ту ночь ее забрали на носилках из Самтредии, ей было 94 года. Выслали также ее дочерей, невесток и внуков. В суматохе старуха попала в другой эшелон, родственники потеряли ее и не смогли найти.

В Туркестане я работала врачом-фтизиатром и рентгенологом. Однажды ко мне на проверку пришла пожилая дама. «Я рада встретить здесь грузинку-врача. У меня было много коллег-грузин», – сказала она и назвала имена многих военных в высоких чинах, которых я не знала. Дама была полька, бывшая военная. В то время она работала бухгалтером в Доме инвалидов. Я воспользовалась случаем и попросила ее узнать, не было ли там кого из грузин. Она обещала выяснить и сообщить. Ровно на третий день моя медсестра, немка, работавшая по совместительству и в Доме инвалидов, принесла мне выписку, в которой я прочитала следующее: «Элисабед Рамишвили-Беришвили находилась в Доме для инвалидов, скончалась в возрасте 94-лет. Она ни с кем не разговаривала, ибо не знала по-русски». Когда она попала в Дом инвалидов, окружающие решили, что она немая. На самом деле она не умела говорить по-русски, и, конечно, онемела бы бедняжка! Оказывается, она перестала принимать еду и скончалась в течение месяца. Похоронили ее по-мусульмански. Мы с Тиной Карумидзе, двое наших грузин и грек, и моя медсестра долго

и тщетно искали могилу Элисабед Рамишвили. Недавно я узнала, что ее родственники искали ее совсем в другом месте. Я позвонила Гураму Шарадзе и рассказала об этом...

Больше всего я скучала по детям. Наконец, мне дали право забрать их в Туркестан, где Гульнази окончила школу.

Помню, как мы, грузины, заботливо относились в ссылке друг к другу. Достаточно было получить кому-то из нас из Грузии даже киндзу, как ее немедленно делили, чтобы каждому досталось хотя бы по одной веточке. Да и ныне мы не забываем друг друга, хотя многих уже нет...

В ссылке мы провели три года и восемь месяцев. Потом вышло постановление – извините, мол, ошибка вышла – и нас вернули на родину в комфортабельном поезде. Вот так, такова она, жизнь... Но по-прежнему не отпускает вопрос: ПОЧЕМУ?..

И конечно же, не могу не отметить примечательный факт: выжившие в этом кошмаре дети выросли достойными людьми. Но почему, о, Господи, почему нам всем выпало столько страданий!

БАРАМ БАРАМИДЗЕ

29.10.1936 – родился в Тбилиси.

1961 – окончил Тбилисскую консерваторию им. Вано Сараджишвили.

1951-1953 – находился в ссылке в Казахстане.

1959-1964 – преподаватель теоретического отделения музыкальной десятилетки при тбилисской Первой средней школе.

1960 – оператор студии звукозаписи в Министерстве культуры Грузии.

1963-1970 – заместитель директора Дома детского художественного воспитания Министерства просвещения. Одновременно – методист городского методкабинета Тбилисского отдела просвещения в области музыкального воспитания.

1969-1970 – помощник министра просвещения Грузии.

1970-1978 – преподаватель кафедры грузинского народного музыкального творчества в Консерватории.

1971-1977 – директор музыкальной школы № 11.

1977-1991 – директор Тбилисского государственного хореографического училища.

1991-1993 – Генеральный директор Государственной филармонии Грузии.

1993-2001 – директор Тбилисского государственного балетного училища.

30.09.1986 – награжден Орденом «Знак Почета».

2002 – по настоящее время генеральный директор ООО «Музыкального фонда»

ГРУЗИНСКИЙ ДУХ В ПУСТЫНЕ КАЗАХСТАНА

Двоюродный брат подарил мне радиорепродуктор – весьма желанный для меня предмет, и я, горящий нетерпением «озвучить» его в своей комнате, провел из коридора проволочную радиолинию, которую тогда было трудно достать. Сосед сказал: «Сынок, этого нельзя делать без разрешения». Его слова неприятно кольнули, но родителям я ничего не сказал, продолжая без разрешения пользоваться линией.

В глубоком сне мне послышался крик матери: «Барам, вставай, выходи, милиция пришла, кажется, опять за твоим отцом!..» Моя бабушка, бебе, в чьей комнате я и спал, уже вышла.

– Да нет, мама, это не за отцом, наверное, ко мне пришли, я незаконно провел радиолинию!

В ответ мать горько усмехнулась.

Я вышел. За столом какой-то русский в высоком чине, говорил с моим отцом Александром, бебе и моей матерью, Любой Сохадзе-Барамидзе, и что-то им зачитывал. Меня тоже посадили за стол. У двери и за дверью стоят милиционеры.

Нам прочли постановление и объявили: нас выселяют из Тбилиси, а на сборы дают 2-3 часа. Бебе плохо понимала, что происходит, и решила, что моего отца снова арестовывают. С ней случился шок, и она впала в истерику. Ее громогласные причитания подняли на ноги всех жильцов. Но милиция не дала им даже близко подойти к нам.

Отец вернулся из плена и ГУЛАГа с тяжелым диабетом, и завертевшиеся жернова новой мельницы свергли его в беспамятство. Не помня себя, я бросался то к нему, то к бебе, пытаюсь успокоить их, что, слава Богу, у меня получилось – Господь оказался на нашей стороне. Я повел отца к постели и уложил. Бабушку с трудом убедил, что нас отправляют всех вместе, и это ее несколько успокоило. Она

сказала:

– Сынок, скажи, чтоб нас выслали в Гори, там родственники...

Мама снова горько усмехнулась. Она взяла на себя трудную задачу: сложить вещи. Сама инвалид – ей отняли одну грудь – она хоть и пришла в отчаяние, но совладала с собой и устояла перед навалившимся на наши головы несчастьем. Я тоже успокоился, стал рядом с нею. Постепенно и отец пришел в себя.

«Вас высылают в Южный Казахстан. Причину и дальнейшую вашу судьбу вы узнаете на месте», – вот и все, что было сказано.

На улице нас ждала так называемая «полуторатонка». Так, с завернутыми в ковер и половики одеждой и постелью, с глубокими корытами и медными котелками со сложенными в них кастрюлями, мисками и прочей посудой и, представьте, с банками варенья, мы забрались в кузов грузовика. «Кто дал человеку право мучать хотя бы одного человека?» – вырвалось у моего отца, и он прослезился... Мне и ныне памятливы эти слова, но в тот момент я не спускал глаз с матери, которая смогла внушить мне удивительные спокойствие и надежду.

Нас повезли на Навтлутский вокзал. Было 4 или 5 часов утра 26 декабря 1951 года. Когда мы подъехали к вокзалу, беспорядочное движение грузовиков замедлилось и постепенно переросло в организованное: машины выровнялись в колонну.

– Кажется, всю Грузию выселяют, – дрогнувшим голосом сказала мама, – мы не одни!

Грузовики двинулись вдоль путей, на которых стоял бесконечно длинный эшелон из так называемых «пульмановских вагонов». Вагоны были двух видов: одни – большие, с дверью в середине и двумя огромными «карманами», в каждом из которых стояла чугунная печь. В вагонах другого типа дверь была поменьше, имелся один «карман» и чугунная печь. Мы оказались в большом вагоне. В так называемых «карманах» высились трехъярусные нары. В переднем и заднем тамбурах каждого вагона стояли «охранявшие» нас вооруженные солдаты.

Постепенно вагоны заполнялись людьми, и уже к полудню в нашем большом вагоне оказалось около сорока человек. Нам сказали, что поездка будет длительной, и надо приготовить собственные постели.

В этой сутолоке, пока мы устраивались, начался неизбежный процесс взаимного узнавания и знакомств. Мы, мальчишки, влезли на нары третьего яруса, и тотчас стали братьями, – Тенгиз Канчели, Тариел Дзнеладзе, Гурам Тедиашвили, и я, Барам, а Гука и Гика Горгиладзе устроились с матерью и бабушкой.

В вагон вошла семья Такаишвили. Саша и Нора с восьмимесячным прелестным младенцем. Мы, молодежь, тотчас же взяли под свою опеку маленького Датуну, ставшего нашим самым любимым спутником.

В вагоне оказался и некий батони Серго, фамилию его я уже не помню, он был вместе с сыном. Из разговора взрослых мы узнали, что супруга его скончалась, а его младший сын малолетка, во время выселения успел выпрыгнуть из окна уборной и сбежать. Отчаявшийся отец утешал себя надеждой, что мальчик найдет приют у кого-то из родственников.

В вагон вошла и семья Седрака Дарбиняна, его старого отца внесли на носилках. «Как я их умолял, чтобы они оставили отца у моей сестры, она ведь совсем рядом живет, но нет, уперлись, ни в какую...» – чуть не плача говорил Седрак. Не прошло и шести дней, как его отец умер в дороге, и мы похоронили его где-то в степи на чужбине...

В нашем эшелоне насчитывалось вагонов шестьдесят, параллельно стоял такой же ряд вагонов, но с обратной стороны. С полудня окрестности вокзала заполнились родными и друзьями выслаемых, ничего не знавших о случившемся, и вот, с обеих сторон, слышались раздиравшие душу крики и вопли. К вагонам никого близко не подпускали, и мы беспомощно стояли у широко распахнутых дверей. Кто-то крикнул: «Смотрите-ка, кагебешники пришли!» И действительно, на высокую платформу въехали две серые «Победы». Из нее вышли двое упитанных мужчин в серых шинелях, в высоких па-

пах из серого каракуля, с генеральскими лампасами и погонами. «Так это же Рухадзе, начальник КГБ! – признали его наши. – Да, да, а второй – Гоглидзе, его заместитель». Слух об этом молниеносно облетел весь эшелон. Но тут показали себя наши женщины, обрушив на головы приехавших целый шквал страшных проклятий. Оказывается, генералы привезли сбежавшего восьмилетнего мальчика, высадили его из машины и спешно удалились. Мальчика привели в наш вагон. И тут нас отрезвили крики Серго: это был его младший сын. Оказывается, его весь день искали по родственникам и доискались-таки, выполнили приказ.

Сгущались сумерки, было шесть или семь часов, когда под вой и причитания наш эшелон двинулся. Вскоре за нашим эшелоном последовал и тот параллельно стоявший, второй эшелон. Лишь грохот и лязг колес. В вагонах стояла могильная тишина. Мы покидали родину!..

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

На второй день мы осознали наше плачевное положение. Люди были не в себе: где же оправляться? Мы стали заложниками «туалетной ситуации», теперь я уж и не помню, как удалось перетерпеть такое – ведь эшелон останавливался один раз в 6-7 часов для получения продуктов и «других дел». И вот на совете наших «старейшин» мужики решили вопрос, а именно: в углу среднего вагона выдолбить в полу щель шириною в 15-20 см. Натерпевшиеся страха люди единодушно согласились. Работать решили только во время хода эшелона, чтобы проводники не услышали стука. Раздобыли зубило, молоток и приступили к делу. Наконец, показалась щель: возгласам восторга не было предела. Юмор и жизнелюбие сделали свое. Близился Новый год, и мы получили подарок, о котором не могли и мечтать.

ВЕРА ГАБЛИАНИ

Когда, наконец, все вагонные «жилыцы» перезнакомились, начали выяснять, кто по какой причине был выслан. Оказывается, мы все, в основном, были «наказаны» по двум причинам: пребывание в немецком плену, после падения Керченского полуострова, и эмиграция родственников, их проживание за границей с 1926 года. Все это великолепно описал Николоз Чхатарайшвили в своем «Рассказе одного человека». Выделенные им эпизоды еще более трагичны, поскольку его семья – супруга, мать и дети, были высланы в то время, когда он находился в Ереване на научном симпозиуме. Поэтому Чхатарайшвили пришлось ехать вместе с «отставшими» и долго искать семью в чужом краю. Связанные же с ссылкой перипетии и обстоятельства почти идентичны злоключениям всех сосланных.

Семьи Тенгиза Канчели и Ванико Варазашвили тоже выслали из-за их давно эмигрировавших и забытых ими дедов. Уважаемый Саша Такаишвили, милостью советской пропаганды, тоже вернулся на свою родину. Зато у моей матери прибавилась новая головная боль: дело в том, что моя тетушка, Анико Сохадзе, приходилась невесткой лечхумским князьям Асатиани. Князь Галактион Асатиани, живший в деревне Дерчи, успел сбежать, когда арестовали и расстреляли его двоюродных братьев и других родственников. Он прислал из Турции визы жившим в Батуми родителям, своей жене и новорожденному ребенку Теймуразу-Датуне, но им не удалось выбраться, они упустили время и границы закрылись. Только после окончания войны они получили от него долгожданную весть: он жил в Париже, имел свой бизнес и начал отправлять посылки своей семье. Поехавшая в Париж моя сорокалетняя двоюродная сестра впервые в жизни увидела своего отца...

Однажды, во время одной из долгих остановок эшелона, когда я пошел в вагон-кухню, мама дала мне задание: «Внимательно огляди всех пассажиров». Она решила, что моя тетушка с Датунной находятся в этом эшелоне. Я пошел на кухню с ведрами в руках, в которых должен был принести обед, и самым внимательным образом вгля-

дывался в пассажиров вагонов, через которые проходил. И вдруг я остолбенел: у печки малого вагона грелась импозантная дама, одетая во все черное, с орденом Ленина на груди... моя учительница, педагог 2-й мужской школы тетя Вера (так мы ее называли) Габлиани. Увидев меня, она опешила: «Сынок, и ты здесь?» – и горько заплакала от горя и от радости. Она ехала одна. Вера Габлиани была супругой известного деятеля, сванского просветителя Эгнате Габлиани. Большевики его расстреляли, осталось двое детей: Гиви и Этери. Дочь, будучи студенткой второго курса мединститута, заболела и скончалась, сын Гиви, красавец, которого режиссер Пипинашвили прочил на роль Тариела, – как только его призвали в армию, перешел к немцам и воевал против Красной армии. Потом он стал успешным генералом НАТО и переехал из Парижа в США. Мой товарищ, солист ансамбля Сухишвили, рассказывал, что в Париже, во время гастролей ансамбля, ему сказали, что на концерте присутствует Габлиани с семьей. Многие заметили, как он вытирал слезы, и семья до окончания концерта покинула ложу. Советские органы мечтали «затянуть» его на родину, но он не поддался на уговоры. Его мать, Веру Габлиани, несколько раз звали выступить по радио, чтобы она уговорила сына вернуться, ведь она теперь – заслуженный педагог, награждена Орденом Ленина, и пр. и пр. Но никакие увещевания на него не подействовали. Конечно, это трудно себе представить, но Вера Габлиани была счастлива, что ее высылают. Ведь сам этот факт был свидетельством того, что ее сын жив, в чем она раньше сомневалась...

НОВЫЙ МИР

И вот однажды, спустя четырнадцать дней и ночей нашей тряски под грохот колес, эшелон остановился, как вкопанный, и подозрительно долго стоял. Рано утром нас оповестили: «Приехали!» Люди вскочили со своих мест, всем не терпелось взглянуть, в какой-токой город мы прибыли! И вдруг стало тихо, люди словно оцепенели.

Эшелон стоял в пустыне. Вдоль него выстроился длинный ряд наших «знакомцев» – все те же «полудоторатонки». Началось перетаскивание багажа. Наконец, машины тронулись. Мы проехали стоявшие на большом расстоянии друг от друга маленькие населенные пункты. Не здесь ли? Нет! Вдруг вдали показались большие постройки. Может, здесь? Город? Подъехав поближе, мы увидели неуклюжие постройки высотой с трех-четырёхэтажные дома. Но грузовики не остановились. Оказывается, мы попали на территорию хлопкопроизводительного района, а постройки были одной из его «достопримечательностей»...

Завечерело, когда мы подъехали к одному из маленьких домиков поселка. Нас разместили в семье казахов, проживавших в деревне Алгабас Кызылкумского района Чимкентской области, что в Южном Казахстане.

Признаться, учеба в русском секторе школы поначалу была для нас затруднительна, в особенности, по таким предметам, как математика, биология и химия, хотя класс, в котором учились русские, греки, а позднее – высланные белорусы, за короткое время превратился в пример дружбы и взаимной поддержки.

Тенгиз Канчели вместе с бабушкой и матерью, глубоко почитаемой всеми нами Натой Жгенти, жили напротив нас со стороны школы, в тупике, в комнате конторы водного хозяйства. Я стал их частым гостем, поскольку, помимо дружеского общения, меня привлекал их патефон с огромным количеством пластинок. Частыми гостями этой семьи были также уважаемая Варя и ее прекрасная дочь, Циала Канделаки, студентка первого курса Академии художеств. Спустя время она станет заведующей кабинетом рисования тбилисского Дворца пионеров. Мы с Тенгизом относились к ней с братской любовью, хотя объединял нас все тот же патефон. Втроем мы слушали Шаляпина, нас приводили в восторг ария Дона Базилио в «Севильском цирюльнике», русская народная «Дубинушка» и многое другое, и мы старались перецеголять друг друга, кто громче заорет в подражание Шаляпину. Хорошо, что вблизи не было местных, вряд

ли они стерпели бы подобное.

Поодаль от нас поселилась семья Джавахишвили – родители, старший брат Ясон и младший Авто. Спустя годы мы встретились с Авто в Тбилисской консерватории, где он овладевал искусством оперного пения на вокальном факультете. Известнейший баритон, отец мировой звезды Тамар Ивери (Джавахишвили), он все еще пребывал в превосходной вокальной форме, но неожиданно погиб...

Авто уже тогда выделялся своим юмором, повергавшим целый класс в безудержный хохот. Однажды он, будучи уже в консерватории, рассказал мне один из эпизодов своей казахстанской эпопеи, естественно, в присущей ему манере. Но прежде, чтобы читателю стало понятно, я напомним, что в ссылке у нас, из множества тяжелых проблем, самой трудной была проблема воды, в особенности питьевой. Тяжелее всего приходилось поздней осенью, когда хлопковые плантации готовили к новому урожаю. Главной задачей считалась очистка канала – шириною в 5-6 метров и глубиной в три метра. Все лето река Сырдарья заполнялась илом, который щедро несла вода, что, конечно, сокращала ее количество. Поэтому, на расстоянии 2-3 км от нашего поселения прорыли запруду, в течение двух-трех месяцев снабжавшую водой близлежащие деревни. Как только запруда заполнялась, канал закрывался, и все шли к запруде, чтобы набрать запасы воды. Мы с ребятами, собираясь группами, также раза два в день шли к запруде вдоль дамб. Там уже было полно таких, как мы, «водоискателей», и мы называли эти дамбы «проспектом Руставели». Конечно, трудно было идти с тяжелым грузом в руках, но, отдыхая и перешучиваясь, мы легче одолевали путь. Но вот, в голове нашего Авто возникла идея – проехать этот трудный и длинный путь на транспорте. Возле дома Авто заметил ослика, уселся на него с двумя посудинами и двинулся к запруде. Добравшись до нее, Авто, не слезая с ослика, попросил людей помочь ему. Конечно, они помогли и поднесли полные ведра воды, и он, не слезая с осла, с ведрами в руках, довольный, направил его к дому. Но случилось то, чего он не ждал, а пока он все это рассказывал, надо было видеть его лицо – это

был настоящий мини-спектакль!

– До дома еще далеко, – говорит он, – а я уже не чувствую рук. Да и от канала я успел далеко отъехать, кругом – ни души! Не мог же я оставить семью без воды! Я напрягся и стал орать, может, услышит кто-то... Хотя я понимал, что вряд ли, ведь дома никого не должно было быть. Тогда я погнал осла к насыпи, чтобы слезть с него там, но не тут-то было! Нога не дотягивалась до земли, и начал сползать вбок, но не успел коснуться земли, как опрокинулся на спину, вода из обоих ведер окатила меня, и я оказался в грязной жиже. От досады я разревелся, вдруг, смотрю – ко мне бежит испуганный Ясон, наверное, подумал, что у меня «крыша» поехала. Но увидев то, что он увидел, сел рядом, и мы захохотали как ненормальные...

Вскоре Тариел Дзнеладзе с родителями переехал из Алгабаса в «Винсовхоз». Когда бы я у них ни появлялся, его родители, дядя Васо и тетя Маро, встречали меня как родного, хотя бывал я у них довольно часто. Получить посылку из Тбилиси на нашей почте оказалось непростым делом, поскольку посылки шли авиапочтой, а уже в «Винсовхоз» приходили по железной дороге. Но все как-то упорядочилось, и как только нам сообщали, что пришли две-три посылки, я тут же, на велосипеде, спешил к своему другу.

Семья Дзнеладзе жила в большом бараке, длина которого составляла метров пятьдесят, в середине была большая дверь. Они занимали просторную комнату почти в самом конце правой стороны барака. Но главное – здесь каждый день по вечерам показывали кино. Нам с Тариелом стелили постель на полу, где мы сладко спали, а с раннего утра вместе со своими посылками я на велосипеде отправлялся обратно, чтобы успеть пойти в школу. И вот однажды, во время моего обычного гостевания у друга, тетя Маро разбудила меня в 7 часов утра: «Поднимайся, сынок, опоздаешь!»

Я привязал посылки к велосипеду, тетя Маро вышла меня проводить. Вдруг до нас донесся плач, да не просто плач, а вой! Возле чьих-то дверей в коридоре собрался народ. «Наверное, кто-то из наших умер», – тревожно сказала тетя Маро. И в самом деле: умер Сталин!

Потрясенный, я помчался к своим. Подумать только: это как если бы весь мир перевернулся! Представляю себе волнение и испуг родителей! Захожу в комнату, а они еще знай себе почивают! «Ужасную весть» они встретили совершенно спокойно, что привело меня в полное замешательство. Ну, а потом я и сам успокоился. Но зато в школе что творилось – умопомрачение! Занятия прекратились, и всех нас потащили на траурный митинг. Ну, мы и приняли скорбный вид, а что оставалось делать!..

Я отлично помню, как в эшелоне, когда мы ехали, кто-то убеженно говорил: «Знаете что? Хотите вернуться – надо писать письма в Москву, и только на имя Сталина, он ведь ничего об этом не знает!» Как всегда, наибольшую выгоду из этого «дела» получила только почта. Хотя можно допустить и другие предположения!

Страна встречала наступавшую весну...

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Суббота и воскресенье – дни, которых мы ждали с особым нетерпением. Кызылкумская ярмарка была широко известна по всей Чимкентской области – огромная, яркая, разноголосая и всего лишь в двух-трех километрах от нашего дома! Именно здесь собиралась большая часть сосланных, торгующих кто чем и облегчающих себе душу разговорами. Если точнее, то ярмарка была местом встреч, где можно было узнавать самые удивительные новости. Именно здесь, на этой ярмарке, мы воочию увидели, что такое этот «восточный базар», со всем своим, только ему присущим, колоритом, с целыми горами неизвестных нам сортов арбузов и дынь. Невероятно красочные и изумительно вкусные овощи, разные сорта мяса, где первое место по своей ценности занимала верблюжати́на, потом баранина, конина, а после них – наша говядина... Ярмарка привлекала людей еще и тем, что в субботу и в воскресенье здесь крутили фильмы. Несмотря на первобытный уровень техники показа и отсутствие «зала», я называл это мероприятие «кинопанорамой». Более всего мне запомни-

лись картины «Тарзан» и «Авара». Какие это были разнообразные зрители! В первом ряду на земле сидели мы, ребята, добравшиеся сюда кто пешком, а кто на велосипеде, во втором ряду на деревянных лавках располагалось старшее поколение, хотя их было немного, третий ряд стоял на ногах, четвертый – сидел на ослах, пятый – на лошадях, шестой ряд – целые семьи, устроившиеся на верблюдах. Поистине то была неподражаемая картина, пожалуй, словами и не опишешь ее. Но главное было в том, что именно здесь, на этой ярмарке, поначалу шепотом, а затем и во весь голос пошли разговоры об ожидаемой амнистии для репрессированных. И теперь всякую субботу здесь открыто и смело обсуждались эти потрясающие вести, которые мы все получали из Тбилиси. А в мае слухи и разговоры приняли уже официальный характер. Я готовился к возвращению. Однако вскоре эйфория несколько ослабла, и именно этот период стал самым трудным и болезненным. Дело в том, что получение документов об освобождении заняло длительное время. Процесс не предусматривал единых организационных действий, как это происходило при нашем выселении. Каждого охватывало жуткое недоверие и подозрение – а вдруг это меня не коснется!.. К сожалению, эта ситуация привела к немалым жертвам среди ссыльных. Что касается нашей семьи, то мы оказались одними из первых, покидавших Казахстан. Но мне никогда не забыть, какими глазами на меня смотрел Тенгиз, когда я влез на грузовик, сколько отчаянной горести было в его взгляде, когда он с другими, стоявшими на дороге, махал нам рукой. Тенгиза больше нет. Но этот взгляд часто виделся мне ночами...

Мы проехали тот же долгий путь. Нас встречали двоюродные братья, родственники, и, продолжая шумно и радостно обнимать нас в машине, привезли домой на улицу Дзержинского. Наша комната заполнилась соседями, но все стояли, потому что не было стульев. Когда с дверей нашей комнаты сняли печать, и дверь распахнулась, мы увидели голые стены. Подумать только – реабилитация не коснулась оставленного нами имущества. Соседи несли кто что мог – кто стул, кто матрац, кто еще что-то, и так, постепенно, мы худо-

бедно налаживали быт.

Хочется особо отметить, что в нашей квартире проживали достойные люди – семья Школьников. Когда решался вопрос о нашем возвращении, этим людям дали 50-метровую комнату на втором этаже дома неподалеку от нас. Придя к нам с визитом, они рассказали, что просили оставить их жить в этой комнате, а нас по приезде поселить в доме № 22. Но распорядители не согласились. И действительно, квартира, в которую перевели семью Школьников, была гораздо просторнее нашей, мы бы с удовольствием переехали, но куда там! Нам следовало въехать туда, откуда мы выехали, даже если бы это был сарай. Школьники оказались очень порядочными людьми: они передали нам в полной сохранности оставленные нами вещи, сложенные в большой нише на кухне. В основном это были книги, альбомы, разные необходимые мелочи. Спасибо им за это!

Стоял июль 1953 года. Радость возвращения снова сменилась печалью: погибла Нато Вачнадзе. Я поспешил к Георгию Шенгеля, своему давнему другу еще со времен детского сада. Улица Цхакая, где они жили, шла параллельно нашей, и все мы, его друзья, проводили мать нашего Георгия до Пантеона в Дидубе.

А в сентябре произошла моя шумно-счастливая встреча с одноклассниками, продолжившая мою прерванную тбилисскую жизнь, – начинался новый жизненный путь, полный радостных ожиданий...

ГУЛЬНАЗИ (ГУКА) ГОРГИЛАДЗЕ

03.11.1935 – родилась в Тбилиси.

1942 – поступила в Тбилисскую 5-ю женскую школу.

25.12.1951 – сослана с семьей в Казахстан в пустыню
Кызылкум.

1954 – вернулась в Тбилиси.

1955 – поступила в Тбилисский политехнический институт.

1960-1996 – работала в Тбилисском проектно институте
«Тбилгорпроект».

В настоящее время (2022) – пенсионер.

ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

На рассвете 25 декабря 1951 года, в день Рождества, послышался стук в дверь и окна. Мы все были дома – бабушка, тетя, мама, мой брат и я. Мы испугались, и тетя не открыла дверь. Через какое-то время к нам из задних дверей, вместе с соседом Северианом Чипашвили, вошли четверо незнакомых мужчин. Как оказалось потом, по рассказам взрослых, двое из них были работниками домоуправления, один – милиционер, и один русский военный, не помню, в каком чине. Мама в растерянности металась по комнате, складывая свои вещи, – она решила, что пришли за ней. Ведь в 1937 году, когда забрали моего отца, Илью Горгиладзе, эта участь ее миновала, и она решила, что теперь, видимо, о ней вспомнили...

Мой отец был горняк, окончил Ленинградский горно-инженерный институт, в 1931-32 гг. работал в городе Чиатура директором завода по обогащению рудников. Когда его в 37-м арестовали, мама с двумя малолетними детьми сбежала в Тбилиси, где скрывалась у своей сестры, но все время жила в постоянно страхе ожидания ареста. Особенно она опасалась сотрудника КГБ, некоего Малояна, а тот, как назло, жил в соседнем подъезде. Она то и дело говорила: «Вон, прошел мимо наших окон, проверяет, дома ли я». Но, если б только это: на работе ей приклеили ярлык «жены вредителя». Впрочем им и этого оказалось мало. И вот, 25 декабря 1951 года маму вместе со всей нашей семьей выслали в Южный Казахстан, в пустыню Кызылкум. В 1956 году, когда мы вернулись из ссылки, маму ждал новый удар: ее вызвали в КГБ и вручили справку, где было написано, что ее муж был давно расстрелян, но зато теперь – реабилитирован... До этой справки у нее в душе теплилась надежда, что ее Илюша жив...

Один из «ночных гостей», русский военный, прочел наши имена-фамилии:

Гульнара Жгенти – бабушка

Евгения Каландадзе – тетка
Григол Каландадзе – дядя
Кетеван Каландадзе – мать
Гульнази Горгиладзе и Гиви Горгиладзе

И спросил: «Кто они, Гульнази и Гиви?» «Мои дети!» – ответила мать. – «Но при чем они?» – как бы про себя проговорил он. Маме он сказал: «Подготовьтесь к отъезду. Там на месте вам скажут, почему вас выслали». И предложил ей оставить детей, т.е. нас с братом, с соседями, но мама категорически отказалась.

На подготовку нам дали всего один час. Мы даже не успели съесть испеченные бабушкой пирожки, как нас вывели и посадили в грузовик. Бобик, наша собачка, долго бежал за нами, заливаясь лаем. Уже светало, когда грузовик вырулил на улицу Меликишвили, и вдруг мы увидели, что с улицы Шанидзе потоком спускаются такие же грузовики, с людьми в кузовах. Нас отвезли на Навтлугский вокзал, где по обе стороны платформы уже стояли эшелоны закрытых вагонов для перевозки скота.

Ночью, когда за нами пришли, моего дяди, Григола Каландадзе, дома не было, и если бы он пару дней просидел в каком-нибудь углу, избежал бы еще одного выселения, – в 37-м его уже ссылали в Сибирь как брата врага народа и его единомышленника. Но вечером дядя сам явился в Навтлуги, где все еще продолжалась «утрамбовка» людей, и сказал моему двоюродному брату: «Разве я могу бросить женщин и детей? Я по себе знаю, что такое высылка!»

На вокзале стоял гвалт – скопились массы людей, выкрикивали имена близких, пытались передать нам деньги, продукты, теплое белье, но к самим вагонам никого близко не подпускали. Грузовики стояли перед эшелонами. В грузовике, который шел за нашим, мы увидели родственницу и подругу моей матери Наталью Жгенти сыном Тенгизом. Из кабины грузовика, стоявшего с другой стороны, кто-то несколько раз крикнул: «Чито!» Это была сестра расстрелянного в 37-м дирижера Евгения Микеладзе, Тамара. В кузове же того грузовика сидели Тина и Вахтанг Микеладзе. Оттуда же кто-то по-

звал: «Евгения, это я!» Это была Ирина, мать Лали Микеладзе, сидевшая в кузове вместе со своими матерью и дочерью.

Нашей семье там никто не объяснил, почему или из-за кого нас выселяют. Зато организаторы высылки катались на своем открытом «виллисе» вдоль ряда грузовиков – и что? Кто из нас мог близко подойти к этим вельможам, чтобы спросить? «Зачем? Почему?..» Это произойдет позднее, когда их будут судить, а кого и расстреляют...

В наш эшелон попали супруги Цинцадзе с новорожденным ребенком. Я хорошо запомнила: когда поезд двинулся, ребенка передали в руки незнакомых людей, с письмом – они должны были отвезти малыша родственникам. Это было слишком тягостное зрелище...

В вагоне нас оказалось четыре семьи: мы – Каландазе-Горгиладзе, семья Натальи Жгенти, одна армянская семья и еще одна, фамилии которой я, к своему сожалению, уже не помню. Условия были – хуже не придумаешь, оказалось, что негде справлять естественную нужду! О холоде я уже и не говорю. Мой дядя при каждой остановке поезда выбегал из вагона, чтобы подобрать старые шпалы и ветки, и разводил огонь в устроенном им в углу вагона подобии камина. Постелью нам служили нары из необструганных досок, на которых лежать можно было только не шевелясь, – ни устроиться поудобнее, ни повернуться. Поезд летел, а куда – мы не знали. Куда-то! Эшелон оставался лишь в ожидании встречного поезда, мужчины открывали двери, и громко объявляли: «Женщины и дети, спускайтесь!», и поворачивались к нам спиной. Оправившись, мы поднимались в вагон, мужчины же оставались внизу до тех пор пока надзиратель не объявлял: «По вагонам!»

Прошло уже три дня нашего житья-бытья в эшелоне, как вдруг моя тетка воскликнула: «Мы обогнули Каспийское море! Нас везут в Южный Казахстан, в пустыню Кызылкум!» Она была историком-географом, но я все равно удивилась – откуда у нее взялась карта!

Освоение пустынь Каракум и Кызылкум в те времена было чрезвычайно актуально. Эшелон и в самом деле направлялся в сторону Северного Казахстана и время от времени частил с остановками на

станциях. Помнится, как мы вышли в Актюбинске пообедать на вокзале. Но поесть нам так и не удалось, мороз не дал... Зато увидели массу знакомых. Мама встретила Марго Муджири – она, как и мы, попала сюда из-за своего брата. В тот же день я познакомилась с ее сыном Джанико Лордкипанидзе. Он и сейчас у меня перед глазами – маленький худышка в коротком пальто, сжавшийся от холода. Но дети везде дети, и мы тотчас нашли чем заняться – скользить по льду! Взрослые обсуждали, разумеется, одну общую боль – причину нашего выселения. Так постепенно стало проясняться, что в ссылку отправили тех, у кого в семье хоть кто-то был в эмиграции или, попав в плен во время Второй Мировой войны, остался в Германии или переехал в другую капиталистическую страну.

В 20-30-е годы среди оставшихся за границей эмигрантов числился брат моей матери Шалия Каландадзе, из-за которого большей части нашей семьи определили один путь – в Казахстан.

Шалия Каландадзе был журналистом, публицистом. Когда он решил отправиться на учебу во Францию, в чем ему помогла старшая сестра Евгения, моей матери было тогда двенадцать лет...

7 января 1952 года (по н.ст.) в день Православного Рождества, поезд остановился, двери вагонов открылись, и мы оказались лицом к лицу с вооруженными людьми. Позже мы узнали, что они получили сведения, что к ним якобы везут опасных преступников. Увидев пару-тройку бывших военнопленных и эмигрантов в окружении множества женщин и детей, они, конечно, удивились. Тем не менее, посадили нас, несмотря на обжигающий мороз, в открытые грузовики, в которых мы проделали многочасовой путь. Хорошо еще, что мы с братом спали. Внезапно машина остановилась, и я проснулась. Потом мама сказала, что грек, который знал место нашего назначения, сел в кабину с водителем. Войдя в дом, если эту постройку можно назвать домом, мы буквально рухнули на пол и заснули. Проснувшись, мы решили, что произошло землетрясение, но это были всего лишь остаточные рефлексy после многодневной тряски в эшелоне. Так мы оказались в пустыне Кызылкум. На второй день нас вызвали

в спецкомендатуру. Взрослым сунули под нос два напечатанных листа бумаги и велели подписать приказ о «вечной высылке». Не было никакого смысла противиться – в случае побега беглецу было уготовано 25 лет каторги.

Наше новое местопребывание называлось «Колхоз «Первое мая». Я и поныне не знаю, из чего был построен дом, в котором мы жили. Нам дали две комнаты на две семьи – наша семья и Наталья Жгенти сыном. Всего нас было девять человек. Тот незнакомый грек принес в качестве топлива несколько хлопковых побегов и немного еды. Мы с братом Гиви и Тенгизом побежали обследовать место, где нам предстояло жить. Неподалеку стояла землянка с маленьким окошком, но внутри никого не оказалось. Вечером в эту землянку вернулась казашка с маленьким мальчиком.

Рядом проходил оросительный канал, водой из которого мы должны были пользоваться и как питьевой, хотя она предназначалась лишь для орошения. Поэтому, фактически, мы оставались без воды. На расстоянии 8 км от нашего дома был пруд, откуда мой дядя приносил мутную, полную червей воду, которую приходилось кипятить несколько раз. Спустя немного времени нам стали давать квасцы и марлевую ткань. Сначала мы высыпали квасцы в кипящую воду, затем, отстоявшуюся воду процеживали и снова кипятили. Это был адский труд.

Постепенно мы познакомились со всеми жившими вокруг в землянках семьями высланных. В центре колхоза была почта – место встреч взрослых и детей. Недели три спустя мы получили письма и посылки. Помню, что в первый раз мы получили самое большое количество посылок – семь. В Тбилиси из наших близких родственников остались бабушка, дядя со стороны отца и со стороны матери – дядя и тетя. Они посылали нам одежду, продукты долгого хранения и деньги. Помню, что мы все были как одно целое, помогали друг другу и делились всем, что получал из Грузии.

Оросительный канал рассекал наш поселок на правую и левую части. Мы все – семьи Размадзе, Чхатарайшвили, Варазашвили, Ба-

рамидзе и другие, жили в колхозе «Первое мая». С нами был Коля Джандиери, хирург, попавший на войне в плен и оставшийся в Париже. Там он стал известным хирургом. Он был необычайно привлекателен внешне, помню, что безостановочно курил, от табака у него почернели пальцы, и он постоянно кашлял. Он жил с женой, тетей Маро, сыном и дочкой. Я уже не помню, как звали девочку, мальчика же звали Ачико. Мы подружились и, вернувшись в Тбилиси, продолжали дружить. Ачико тоже стал врачом, к сожалению, он рано скончался.

Помню, как однажды Коля пришел к нам и сказал маме: «Что мне делать, Чито? Придется уехать, другого выхода у меня нет, мне же надо содержать семью!» И действительно, место, где они жили, было не просто страшным – в таких местах люди не должны жить, но... Жили они далеко от нас, с крыши к ним заползали змеи.

По ту сторону канала жила Нора Дзনেладзе-Такайшвили. Такайшвили и Александр Джорбенадзе были эмигрантами, вернувшись на родину из Франции. Я помню, как они сказали моей бабушке:

– Ваш сын Шалия предупредил нас: «Куда вы собираетесь? В Сибирь спешите?»

И вот, не успела Нора выйти замуж, как ее выслали, и там, в ссылке, ее сыну Датуне исполнился годик. Однажды Датуна сильно заболел. Моя мама была педиатром-фтизиатром, и ей удалось его спасти. А однажды был случай: мы сидим дома, и вдруг до нас доносится отчаянный крик Норы. Она, оказываясь, с ребенком на руках шла к нам, и, чтоб сократить путь, решила пройти через канал, поскольку воду еще не пустили. Внезапно они провалились в расщелину. Ей с трудом удалось выбраться, после чего она долго была так напугана, что всякий раз спрашивала маму: «Чито, не скрывай от меня, у Датуны правда ничего не повреждено?»

Взрослые каждый день собирались на почте, говорили о том, о сем, и, конечно, вспоминали оставшихся на родине родных и друзей, а мы, дети, резвились в песках. Казахские ребята нас больше не боя-

лись, мы обрели друзей и среди греков.

После нас, через несколько дней, привезли высланных белорусов и поселили их на границе. Белорусы привезли мед, который мы покупали на присланные из Тбилиси деньги. Ну, а по воскресеньям шумела-гудела ярмарка – настоящий восточный базар. Казахи везли свои продукты на верблюдах и ослах, торговали и греки, успевшие наладить здесь свое хозяйство. Можно сказать, что греки нас спасли. Это были в основном сухумские греки. Помню, как они проклинали Мгеладзе, секретаря компартии в Сухуми.

Были немцы, украинцы, татары, айсоры, русские – все они по разным причинам поселились в том краю и можно сказать, уже привыкли к этим местам. Мы, дети, не так остро ощущали жуткие условия жизни, как наши родители. Мама страшно переживала из-за нас, и был период, когда она почти погрузилась в депрессию. Но вот ведь как оно бывает: мой брат, заболев, спросил: «Мама, я ведь не умру?» Это ее мгновенно отрезвило, и она сделала все возможное и невозможное в тех условиях, чтобы вылечить его и поставить на ноги. Моя мать, Чито Каландадзе, в Тбилиси была известным детским врачом, в Казахстане же она лечила и больших, и малых, и все на нее надеялись. Однажды ее позвали к больным, жившим по другую сторону канала, где мама увидела трагическую картину, оставившую в душе тяжелый след: на земле лежала только что скончавшаяся женщина с еще живым мальчиком. Мама сделала все, чтобы спасти его, но увы!..

В ссылке мы крепко стояли друг за друга – и материально, и морально. В этом колхозе мы пробыли около пяти месяцев. Однажды прошел слух, что из Тбилиси приехал Кокоча Чхатарашвили и ищет свою семью. У меня и поныне стоит перед глазами этот роскошный мужчина в шляпе, тесно окруженный ссыльными грузинами. После долгих поисков, ему, наконец-то, удалось найти семью, – мать, супругу Нору и двоих детей, Марину и Темури. Оказывается, они жили всего-то на расстоянии нескольких километров от нас, в совхозе «30 лет Октября», куда, спустя время, перешли и мы. Там уже жили немногим раньше нас сосланные, успевшие привыкнуть

к этим условиям – русские, немцы, украинцы, татары, и жили они в сравнительно лучших условиях: в маленьких домиках. Да и школа там была. Хотя в школе было пусто – все собирали хлопок. Поэтому нас, тридцать семейств, временно разместили в этой школе. Спали мы все рядышком, и я не помню ни единого случая даже простых недоразумений, никто не повышал голоса, более того, храпа по ночам не слышалось. Каждый уважал другого, и так мы прожили в школьном коридоре целых два месяца. Родители, стремясь облегчить положение детей, даже приобрели нам велосипеды. Но в сентябре начинались занятия, и оставаться в школьном помещении было уже нельзя. Несколько домиков оказались свободными, и в один из них перешли три семьи: наша семья – Каландадзе, тетя Люся и ее дочь Кетино Бахтадзе – и преподавательница музыки Кетино Амбокадзе. В другой части нашего домика жила семья Варазашвили. На нашей стороне были всего две комнаты, поэтому семья Бахтадзе и Наталья Амбокадзе уместились в одной комнате, а мы – бабушка, мама, тетя, я и мой брат Гиви – заняли вторую комнату. Мой дядя же остался на старом месте, где он встретился со своей будущей супругой Гугули Пеикришвили, которую выслали вместе с родителями из-за ее брата, попавшего в плен во время войны.

В этом совхозе жили Бабошка Даддани и ее дети Татули и Георгий Масхарашвили, Кокоша Чхатарашвили с семьей, Барам Барамидзе, Русико Размадзе с матерью, Нора Дзнеладзе-Такаишвили, семья Бережиани, Тариел Дзнеладзе с родителями, Гурам Габашвили – внук Екатерины Габашвили. Все мы находились здесь из-за того, что у кого-то сын, брат или муж попали в плен во время войны, а также были и те, кто вернулся на родину после эмиграции. Трудно переоценить взаимную помощь и выручку, которые на самом деле облегчали нашу жизнь в этих нечеловеческих условиях. Но это действительно было так...

Вспоминается, как однажды Марго Цкитишвили-Варазашвили говорит нам: «А давайте-ка поседем арбуз!» И мы все, не откладывая, взялись за дело. Кто палкой работал, кто лопатой... Тетя Марго ко-

мандовала и указывала, кто что должен был делать. Как раз возле нашего дома был мутный арык, и мы могли использовать из него воду для полива. Поливали по вечерам. Все это здорово нас забавляло, мы резвились, балагурили и были очень довольны. А бывало, что кто-то падал в арык, и тогда мы, босоногие, выпачканные, но страшно довольные, орали на всю округу. Громкий смех и возгласы – это ты меня столкнул в арык, нет, это ты! Одним словом, мы радовались, потому что были детьми, и нам было очень весело. А что нужно было взрослым? Чтоб дети радовались! Хотя их глаза говорили о том, что человек ко всему привыкает...

В сентябре мы пошли в школу. В моем классе было 12-14 учащихся, из них пять грузин – три девочки и два мальчика (один из них станет потом дядей Тамар Ивери). В классе были армянин, татарин, украинец, азербайджанец, казах, грек, немец, и все мы подружились. По вечерам собирались у Вали Москаленко, семья которой уже несколько лет жила здесь. У Вали была проблема с легкими, и для нее был важен тамошний горячий и сухой воздух. Эта семья успела завести свое хозяйство, и моя мать нередко покупала у них фрукты не только для нас, но и для друзей. Но у Вали было еще кое-что интересное, что влекло нас в их дом: патефон и пластинки, под которые мы танцевали. Часто занимались и спиритизмом: вокруг перевернутой тарелки были написаны русские буквы и цифры: «вызывая духов», мы с трепетом ждали, когда сдвинется тарелка. Иной раз мы даже помогали тарелке, и потом с интересом наблюдали за ней. Мы часто «вызывали» дух Пушкина и вопрос звучал примерно так: «Дух Пушкина, приди и скажи, когда я вернусь домой?»

В том месте, где мы жили, жара была особо невыносимой. Выходить при температуре в 40-43 градуса, а тем более топтать по обжигающему песку пустыни со множеством пресмыкающихся было делом рискованным. Мы смачивали в воде тряпки и затыкали ими окна, чтобы создать в комнате хоть какую-то прохладу и влажность. В такие раскаленные дни занятия в школе отменялись, но во время сбора урожая никого не заботила даже самая высокая температура

воздуха, все силы – на сбор хлопка! Хотя, признаться, нам, грузинским ребятам, не удавалось собрать более одного-двух килограммов сырья, а вот местные жители были гораздо более искушены в этом деле; они сдавали по 20-30 кг сырья и получали за это хорошее вознаграждение.

В школе у нас было всего три педагога: учитель по русскому языку и литературе отсидел свой срок и почему-то не мог пользоваться правой рукой; учитель по математике – грек; химию преподавал армянин. Химия была моим любимым предметом, и я знала ее очень хорошо, да и в Тбилиси у меня был опытнейший преподаватель. Я даже умудрялась находить ошибки у преподавателя, когда он писал на доске формулы. А моя одноклассница Клара была сильна в математике, и часто спорила с учителем.

Мои одноклассники приезжали в школу из соседних колхозов на велосипедах. Велосипед был и у меня, и после уроков мы дружно гоняли, соревнуясь в скорости, и нередко девочки опережали мальчиков. В воскресные дни мы, дети, очень любили ходить на ярмарку, – огромный восточный базар со своим особенным шумом и многоцветьем. Греки продавали овощи, казахи предлагали сухофрукты из абрикосов и дыни. Здешние арбузы и дыни были очень сладкими и источали особый аромат. Отец нашего одноклассника продавал здесь клубнику и виноград. Медом торговали белорусы, а мясом была, в основном, конина, но мы ее не ели.

В центре Кировского совхоза жили Марго Муджири и ее сын Джанико Лордкипанидзе, тетя Ано и ее сын Рудик Шарабидзе и врач Ачико Патаридзе. Именно к ним повезла мама моего брата, когда он заболел, и они общими усилиями поставили его на ноги.

На каникулах мы с Джанико, Ванико Варазашвили и Джеко Варазашвили отправились в Ташкент. Мы договорились с одним водителем, заплатили ему, чтобы он перевез нас через границу. В Ташкенте мы провели несколько дней, гуляли по городу и даже сходили с Джанико в оперный театр. Мне расхотелось возвращаться обратно, и я решила съездить к матери в Туркестан. Но вот досада: я даже

не знала ее адреса, и пришлось положиться только на случай. Мы с Джанико купили билет, но, на беду, мое место в вагоне оказалось занятым, и я расплакалась. Джанико успокаивал меня, наконец, как-то решил дело, и мне дали место. К сожалению, он рано ушел из жизни, наш дорогой друг!.. Он заболел полиартритом, последовало осложнение на сердце, и Джанико скончался в возрасте сорока лет...

В Туркестан я приехала утром и отправилась в город. И что дальше? Не знаю, как быть, где найти мать. И вдруг смотрю: в стоящем предо мною автобусе сидит... мама! Я глазам своим не поверила, и с криком «мама!» бросилась к автобусу, боясь, чтобы тот не ушел. Уж очень странно и необычно все сложилось. Мама собралась к тете Тине и я, разумеется, отправилась с ней. Тетя Тина повела меня в мечеть, мы поднимались по узеньким ступенькам, и она все время просила меня быть повнимательней, поскольку все вокруг кишело змеями.

Мама снимала трехкомнатную квартиру, работала в трех местах и имела множество больных, ее пациентом был даже начальник отдела ВД. Матери удалось вылечить его, за что он был ей безмерно благодарен. Поэтому он с готовностью помог нам – сделал мне паспорт, благодаря чему мы смогли вылететь в Ташкент и приобрести билет на тбилисский авиарейс.

Мы имели право передвигаться лишь в радиусе 25-ти километров, что создавало сложности. Но необходимость в таких специалистах, как наша мать, Чито Каландадзе, или реставратор Тина Карумидзе, была крайне высока, поскольку Казахстан в 50-е годы был заметно отстающей страной. Моя тетушка писала в разные города о наших специалистах, оттуда приходили ответы с приглашением наших на работу инженеров и врачей, но ограничения в передвижениях не давали возможности улучшить рабочие условия. Моя мать, тетка и Тина Карумидзе работали в Туркестане каждая по своей специальности, мы же оставались в совхозе до окончания школы.

В 1953 году умер Сталин, а через некоторое время за ним отправился и Берия. Таким образом, разрушители наших семей были

мертвы, и мы, изгнанные на чужбину в вагонах для скота, надеялись, что вот теперь-то уж судьба улыбнется нам. Письма из Тбилиси были обнадеживающими, но поразил один факт: когда смонтированное на совхозном столбе радио оповестило о смерти «отца народов», в классе слышались всхлипывания. Все плакали, кроме нас, ибо чувство свободы было для нас превыше всего.

Помню, как мы, ссыльные из второго эшелона, наведались в семью Синдикашвили. Но до этого у них уже успел побывать Джанико. И он, оказываясь, так меня расписал, что меня узнали с первого взгляда и сразу же приняли, как родную. Мама встретила там с матерью Хведри Инасаридзе (ныне он академик, математик) и с Ириной Микеладзе. Хведри был с давних времен пациентом мамы. Однажды, еще в Тбилиси, к маме пришел эмигрант Инасаридзе, вернувшийся с семьей из Франции и попросил осмотреть его сына Хведри, у которого были проблемы с легкими. В то время они жили в сыром подвале, в невозможных для жизни условиях. Инасаридзе написал книгу о маме «Советский врач», в которой высоко оценил ее профессиональные и личностные качества. Помню, как мама горевала, когда однажды к ней пришла супруга Инасаридзе и сказала: «Пришли и взяли его...», а потом... потом ей вернули одежду мужа...

Из Парижа вместе с сестрой приехал Вачнадзе с женой-французенкой. Избалованная удобствами прежней жизни, дама попала в землянку и жила в диких условиях. Моя тетушка пригласила ее в Тбилиси с ее сестрой, и мы часто бывали у нее в доме на улице Шио Мгвимели. Помню, как она однажды сшила мне платье. Балерина, она легко ходила на цыпочках. Нередко журила меня: «У тебя хорошая внешность, но ходи изящнее, мелкими шагами, и выпрямись...» Наконец ее французский муж увез ее во Францию.

Внук Екатерины Габашвили, Гурам, жил в совхозе с матерью Марьей Ивановной. Стоило ему встретить мою маму, как он произносил: «Явление матери Терезы!» И впрямь, кого только ни лечила мама, «всехняя» докторша! А когда она вернулась в Тбилиси, все по-

шло по-прежнему: бывшие соседи и друзья продолжали приходить к ней. Мать объясняла: «Я больше не ваш лечащий врач, я теперь детский врач». Но она чувствовала их любовь к ней, понимала, что они верят ей как большому профессионалу. Многие и доньше, когда у них кто-то заболевает, с сожалением вздыхают: «Эх, где наша Чито!..»

Меня отправили в Тбилиси на самолете, мама же вернулась в Туркестан.

Остававшийся все это время в Тбилиси мой дядя полетел в Москву, чтобы ускорить рассмотрение нашего дела. Оттуда он отправился в казахский совхоз, где все еще жили бабушка, тетя и мой брат, и увез их к маме в Туркестан. Я в это время уже жила в Тбилиси с бабушкой и дядей (со стороны отца).

В ноябре-декабре 1954 года вся семья возвратилась в Грузию. Когда я вернулась в Тбилиси, меня вызвали в КГБ к Инаури и дали подписать какую-то бумагу. Наша квартира оказалась свободной. Потом я узнала, что во время нашего отсутствия в ней проживал прокурор Бицадзе, но, как только его известили о нашем возвращении, он незамедлительно освободил квартиру. В этом смысле нам конечно повезло, ибо многим вернувшимся пришлось через суд заниматься квартирной тяжбой.

Хочу особо сказать о своем брате Гиви. В отличие от нас, он был погружен только в книги. Мы раскатывали на велосипедах, а он, не поднимая головы, учился, и даже заочно поступил в Московский институт иностранных языков, на немецкое отделение. Мы оба с ним неплохо знали немецкий, поскольку в свое время мама отдала нас с братом учиться частным образом у этнической немки, фрау Корнелии Гарольдовны.

Помню, как в казахской ссылке географию нам преподавала Татули Масхарашвили, дочь Бабо Дадияни. Татули по образованию была филологом, но в условиях ссылки главное – найти работу. И вот, как-то на уроке, Гиви спрашивает: «Что означает «северное сияние» и «полярное сияние»?» Татули сразу не нашлась, что ответить,

да и сконфузиться перед учеником не хотелось, поэтому, как она потом сама рассказывала, вся ее надежда оставалась на звонок. Звонок прозвонил, и это дало ей возможность порыться дома в книгах и на следующий день с достоинством выйти из положения. «Гиви всегда выделялся среди учеников и был очень умен!» – так Татули характеризовала моего брата. Профессор биологии, действительный член АН, Гиви и поныне работает над вопросами жизни и размножения в космосе. В Тбилисском университете им. Ив. Джавахишвили Гиви руководит биологической лабораторией, где ведет наблюдение за вернувшимися из космоса животными, в частности, улитками, чья вестибулярная система более всего схожа с человеческой. Измученный вынужденной разлукой с родиной, бесконечно преданный ей, мой брат, спустя время, отправил в космос знамя Грузии, где оно развевалось в течение нескольких месяцев, и любой исследователь космоса мог видеть его с разных точек планеты.

Несколько лет тому назад мы с Гиви отметили 100-летие со дня рождения нашей матери. Наряду с родственниками присутствовали, разумеется, наши друзья «по ссылке». Из старшего поколения осталась лишь Татули Масхарашвили. Именно на этой встрече она и рассказала нам про «неудобные» вопросы, которые ей задавал ученик Гиви на уроке географии в Казахстане.

Наше поколение «казахских ссыльных» представляли Ванико Варазашвили, Тариел Дзнеладзе, Барам Барамидзе, Темур Чхатарашвили и самый молодой из них – Датуна Такаишвили. Нам было много чего вспомнить из тех времен, но душу согревала теплая волна воспоминаний, которые большей частью были связаны с нашей дорогой мамой – Чито Каландадзе.

ВАНО ВАРАЗАШВИЛИ

02.01.1938 – родился в Тбилиси

1945 – поступил в 2-ю тбилисскую мужскую школу.

1951-1955 – выслан в Южно-Казахстанскую область.

1956 – вернулся в Грузию и закончил тбилисскую 39-ю мужскую среднюю школу.

1956-1961 – учился на строительном факультете Тбилисского политехнического института.

1962-2000 – работал в различных строительно-проектных учреждениях и в Государственном архиве.

Скончался в 2022 году, похоронен на кладбище Мухатгверди.

В ГОЛОДНЫХ СТЕПЯХ КАЗАХСТАНА

25 декабря 1951 года в Грузии, без предъявления обвинений и с конфискацией имущества, произошло массовое выселение грузинского населения в Южно-Казахстанскую область. По предположению моих родителей, Михаила Варазашвили и Маргалиты Цкиртишвили, наша семья подверглась выселению из-за моего деда Ваню Варазашвили. Дело в том, что дед, будучи инженером, в 20-е годы XIX века работал в Иране на строительстве железной дороги. После окончания работ он не вернулся на родину и остался в Иране.

Такой варварский акт переселения грузин напоминал времена шаха Аббаса в XVII в., когда иранцы в массовом порядке погнали грузинское население в иранский Ферейдан. Однако официально факт массового выселения грузинского населения в 1951 году, не отразился в средствах массовой информации, в отличие от высылки других народов – чеченцев, адыгейцев, кабардинцев. А между тем высылке подверглись целые семьи – с младенцами, подростками, стариками, инвалидами... Не осталось в Грузии деревни, области, города, жителей которых не коснулось бы это несчастье. Предположительно, количество высланных в ту ночь, 25 декабря, составило 15-25 тысяч человек, однако официально эту информацию долго и упорно замалчивали.

Выселение происходило со свойственной тому времени высокой степенью организованности и засекреченности. Как уже неоднократно писали, постановление о выселении грузинского населения, которое произошло ночью 25 декабря 1951 года, было опубликовано через три месяца после высылки людей, в марте 1952 года за подписью Молотова. Происходило это следующим образом: среди ночи, когда все уже спали, в дома людей, подлежащих высылке приходили группы КГБ-МГБ из 3-4 человек, которые и приводили в действие этот план. В квартире сначала делали обыск, затем давали час или

два на подготовку и сбор багажа (еда, одежда, постель), а потом в действие вступал ждущий на улице грузовик – и вот вы уже, спустя время, оказываетесь на Навтлутском вокзале. Теперь начинается следующий акт, ломающий жизнь и судьбу человека: теплушки и дальний, очень дальний путь... Эшелон состоял из закрытых вагонов-теплушек, предназначенных для перевозки грузов и скота. В вагонах имелись дровяные печи, только чем их топить – это уже было проблемой «наказанных». Для сна предназначались нары. И, наконец, довершая картину, упомянем защитников «эшелонного населения» – здоровяков-конвоиров, вооруженных автоматами.

Ехали мы две недели. Случалось, эшелон по два дня шел безостановочно. Холода стояли невыносимые, во время остановок нам подбрасывали самую малость дров и еды, если можно так назвать баланду. Разумеется, случалось, что люди болели, но никому не оказывалось никакой помощи. Несколько беременных женщин родили там же, в теплушках...

Наш эшелон прибыл в Арал, в поселок Пахташ в Южно-Казахстанской области. Трещал сорокоградусный мороз.

Мы вышли из вагонов и пересели в открытые грузовые машины, которые должны были доставить нас к месту назначения. Поначалу нас поселили в «Первомайский колхоз» Кызылкумского района. Нескольким семьям выделили стандартные двухкомнатные домики, сложенные из необожженного кирпича-сырца. Пол, конечно, был земляной. Затем нам велели подписать бумаги, извещающие, что мы прибыли сюда на «вечное поселение». Уже потом мы узнали – эшелоны отправились в различные районы Южно-Казахстанской области (Кировскую, Ульяновскую, Самаркандскую и др.). Район, носивший имя Кирова, и был той самой «Голодной степью», довольно близко – на расстоянии 30-40 км, – соседствовавшей с пустыней Кызылкум.

Поначалу, в 1940-е годы, в этих пустынных местах поселили немцев, большинство которых погибли от холода, жары и голода. Потом на тех же местах поселили выселенных чеченцев, адыгейцев, греков.

Местные ждали прибытия ссыльных из Грузии, потому что власти заранее готовились к их приему. В построенных из кирпича-сырца домиках поселили по три-четыре семьи – все эти люди никогда прежде не видели друг друга.

Вначале было очень тяжело с питанием и отоплением. Но высланные еще до нас из разных мест Союза, одинаково несчастные греки, чеченцы, карачаевцы, немцы, близко к сердцу приняли наше бедственное положение и в самых сложных ситуациях оказывали нам жизненно необходимую помощь.

Особенно трудной оказалась проблема с водой. Приходилось брать ее из открытого канала, выходявшего из Сырдарьи. Назначение этого канала состояло в орошении плантаций в «Голодной степи». Через несколько месяцев экономическое положение немного улучшилось. Нас не ограничивали в получении посылок и денег из Грузии, поэтому родственники активно помогали нам.

В то же время люди начали осваивать любую работу, даже далекую от их прежней специальности: кто хлопок собирал, а кто осваивал новое ремесло, ведь главным было спасение жизни, – своей и своей семьи. И вряд ли многим удалось бы выжить в этом аду – с его лютой зимой и таким же безжалостным летом, постоянным отсутствием воды и змеями, если бы мы все не стояли рядом друг с другом, плечом к плечу! Именно здесь, в ссылке, проявились замечательные качества и благородство, свойственные грузинам от природы. Взаимная поддержка, слова утешения и надежды на твоём родном языке, – именно это давало нам сил, заряжало нас энергией. Наши семьи – Чхатарашвили, Габашвили, Калаңдадзе, Тедиашвили, Жгенти, Дзнеладзе, Дадияни-Масхарашвили, Варазашвили, Барамидзе, и кто сочтёт, сколько таких семей везли и везли в этих «скотских» эшелонах...

Мы, дети, учились в неполной школе при «Первомайском колхозе». «Репрессированные» узнавали о событиях в мире из газеты «Правда», за которой приходилось ходить на почту. Однажды, когда я уже собрался было в школу, отец попросил меня зайти на почту за газетой, сам он был занят каким-то спешным делом. Конечно, я так и

сделал, зашел на почту, взял «Правду» и отправился в школу. Первый урок у нас был по русскому языку и литературе. Вела урок милостивая русская женщина. Усевшись за парту, я вытащил газету и на первой же странице наткнулся на портрет Берии. Во мне вдруг бешено заклокотала неудержимая ненависть и отвращение к палачу. Сразу захотелось разорвать газету, но как же отец? Он ведь рассердится... Тогда я взял и острием пера выколол ему глаза на портрете, один вид которого нагонял дикий страх на больших и малых. Но моя «деятельность» привлекла внимание учительницы. Она неслышно подошла к парте, и, увидев, что я сделал, молча взяла у меня газету, сложила ее вчетверо и положила к себе в сумку. Я разозлился, а потом испугался. Ожидание какого-то ужасного наказания – я не сомневался, что оно не минуемо – внезапно придавило и сломило меня. На второй день учительница вызвала моих родителей, а это окончательно меня перепугало, мозг сверлили жуткие мысли. Удивленные родители не поняли, отчего я пришел без газеты и почему учительница вызывает в школу их обоих... Словом, я не спал всю ночь, да и какой там мог быть сон!..

На следующий день отец с матерью явились в школу к учительнице, которая была и нашей классной наставницей. Она сперва показала родителям страницу газеты, следами моих «варварских действий», потом вернула им газету и предупредила: «Мальчик может подвергнуть вас опасности, предупредите его, чтобы он такое не повторял»...

Она и ныне стоит перед моими глазами, моя учительница. Возможно своим великодушием и благородством она отвела от меня и моих родителей еще более грозную беду! Может, и она в свое время стала жертвой несправедливых репрессий, и, как и мы, проживала те тяжкие 1950-х с надеждой на победу добра...

Прошло несколько месяцев, мы переехали жить в совхоз Кировского района в Южном Казахстане.

Проблема воды никуда не делась, оставалась такой же тяжелой, и мы по-прежнему пользовались водой из такого же открытого канала. В осенний период оросительный канал, в связи с ремонтными работами, закрывался на длительное время, и нам приходилось вы-

черпывать воду из оставшихся на дне канала лужиц. Проблема была и с хлебом. Хлеб, только черный, пекли из муки самого низкого качества. Середина его была влажной. После каждой резки хлеба на ноже оставался тонкий слой непропеченного теста, и есть его можно было лишь после вторичного запекания на огне. В сезон сбора хлопка каждый ссыльный был обязан выйти на работу и собрать определенное количество хлопка. И все это под раскаленными лучами солнца при температуре более сорока градусов. За этим зорко наблюдала эмгешная комендатура совхоза.

Как только мы переехали в совхоз, нас предупредили, что мы не имеем права отлучаться за пределы двух километров от места нашего проживания, в противном случае нарушителю светили все 25 лет!

После смерти Сталина вышло распоряжение о массовом освобождении ссыльных. Первую часть людей, подлежащих освобождению, отвезли на вокзал для отправки поездом в Грузию. Но следом вышло другое постановление, гласившее, что процесс освобождения остановлен до особого распоряжения. Тех, кого успели отправить на вокзал, вернули назад, и это оказалось для них еще более болезненным, нежели первая высылка. Людей ломала безысходность: надежды померкли, и мы все испытывали отчаяние. В этот период я опасно заболел, и вряд ли выжил бы, если б не присланные из Грузии лекарства. Через некоторое время процесс освобождения поэтапно возобновился. Часть высланных освободилась в 1953-54 гг., а наша семья вернулась в Грузию в 1955 году.

Поколения растут на примерах взрослых. То поколение, возраст которых в то время не превышал 35-40 лет, показало нам, детям, как важно в экстремальной ситуации уметь приспособиться к среде и найти силы тянуть тяжкое бремя жизни. Не приведи Господь еще раз испытать грузинам подобную трагедию, когда тебя насильственно отторгают от родной земли и гонят на чужбину.

ДАТО ТАКАИШВИЛИ

09.05.1950 – родился в Тбилиси.

1951-1953 – находился в казахстанской ссылке.

1957-1967 – учился в тбилисской 53-й средней школе.

1968-1973 – студент факультета архитектуры Тбилисской Академии художеств.

1974-1988 – работал в Художественном фонде Службы оформления г.Тбилиси в комбинате по оформлению малых архитектурных форм и художественного оформления.

1998-1999 – работал архитектором строительного управления при Министерстве коммунального строительства.

1999 – по настоящее время работает по заказам частных проектов.

ТРИ ДЕТСКИХ ГОДА В КЫЗЫЛКУМЕ

Я родился 9 мая 1950 года. Мой отец, Александр Такашвили, в 1924-1949 годах жил в эмиграции во Франции. Находясь в Турции, куда он бежал от советского режима, получил французскую визу от Эквтиме Такашвили.

В 1949 г. отец вернулся на родину и женился на моей матери, Норе Дзнеладзе. Через год родился я. А в 1951 году из-за того, что отец жил в эмиграции, всю нашу семью выслали в Казахскую советскую республику. Родители рассказывали о крайне тяжелых условиях в казахской ссылке, где мы жили в пустыне, без воды, и где, оказывается, матери приходилось собирать воду, накопившуюся в ямках, продавленных верблюжьими копытами. Она кипятила эту воду, и потом мы могли ее пить.

А однажды отец рассказал мне такой случай из своей ссыльной жизни: как-то утром он брился и услышал стук в дверь. Отец смутился, поскольку не успел побриться до конца, но дверь открыл и увидел, что к нему пожаловал незванный гость. Это был... осел.

Через три года нас с матерью освободили, и мы уехали в Ташкент, чтобы оттуда отправиться в Грузию. Я впервые увидел большой город – ведь в Кызылкуме не было ничего кроме землянок и одноэтажных домишек из кирпичного сырца. Впервые я увидел и лестницу, и, обрадованный, то и дело бегал по ней вверх-вниз. А увидев кран, я и вовсе опешил: как же так? – открываешь кран – вода льется, закрываешь – а ее нет! Все это произвело на меня удивительнейшее впечатление!

...Сквозь толщу лет смутно вспоминается: я сижу у окна вагона за столиком, напротив меня – мама. Вдруг поезд двинулся, и отец помахал нам рукой, а я заплакал. Позднее я узнал, что отец не мог поехать с нами, он еще не получил освобождения, и показывал мне руками, что прилетит на самолете. Прошло несколько лет, прежде

чем он бежал из Казахстана в Тбилиси.

Многое из того, что рассказывал и писал мне отец, я нашел в копиях его писем к Эквтиме Такайшвили в архиве последнего. Переписка касалась вопроса визы, поскольку Эквтиме звал отца в Лион. Прошло много лет, но, увы, отец писал своему дяде, не из Лиона, а из Казахстана, что его семья терпит бедственную нужду, и просил о помощи. Эквтиме послал нам в Казахстан посылку, в которой, среди прочего, были и чурчелы. Сотрудники ЧК надвое «распороли» наши чурчелы, надеясь найти там компромат на семью Такайшвили. А ведь только по приезде в Тбилиси отец узнал, что Эквтиме сам тогда находился под домашним арестом. И все же ему удалось послать нам посылку с помощью близкого человека.

Спустя шестьдесят лет состоялась встреча высланных в Южный Казахстан. В 2010 году один мой сотрудник сказал, что со мной хочет повидаться его близкий товарищ Барам Барамидзе. И вот уважаемый Барам спрашивает меня, не был ли я в казахской ссылке? «Ты не можешь помнить об этом, поскольку тебе тогда был всего годик...»

Я чрезвычайно благодарен Бараму Барамидзе за то, что он вспомнил обо мне и рассказал некоторые эпизоды из моей тогдашней казахской жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Кетеван Томарадзе (предисловие). Те дни окаянные	4
Барбале (Бабо) Дадияни. Дневник воспоминаний	16
Николоз (Кокоша) Чхатараишвили. Рассказ одного человека	98
Кетеван (Чито) Каландадзе. Плановое «Второе явление»	174
Барам Барамидзе. Грузинский дух в казахской пустыне	185
Гульнази (Гука) Горгиладзе. Этого никогда не забыть	198
Вано Варазашвили. В голодных степях Казахстана	213
Дато Такаишвили. Три детских года в Кызылкуме	219

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ- 1951

Перевод с грузинского
ЛИЛИ БААЗОВА

Редактор
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
АЛЕНА ДЕНЯГА
ЛАЛИ ХАТИАШВИЛИ

В книге использованы фотографии из семейных архивов